

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (4) / 2025

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 2 (4) / 2025**

**Донецк
2025**

Главный редактор	С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Заместитель главного редактора	Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>)
Ответственный редактор	В.П. Горбачёв, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Редакционная коллегия:	В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (<i>Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск</i>), Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донецкий государственный университет</i>), В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (<i>Костромской государственный университет</i>), И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (<i>Курский государственный университет</i>), Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (<i>Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург</i>), А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва</i>), А.В. Войтов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>), В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474)
Основатель и издатель	Министерство юстиции Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк. Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 24.06.2025 г. № 14. Язык публикации: русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес издателя:	119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
Адрес редакции:	283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9, e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 2 (4). – Донецк: ДГУЮ, 2025. – 179 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2025

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 2 (4) / 2025**

**Donetsk
2025**

Editor-in-chief	S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Deputy editors-in-chief	N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>)
Executive editor	V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Editorial board:	V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Yugra State University, Khanty-Mansiysk</i>), N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donetsk State University</i>), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kostroma State University</i>), I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kursk State University</i>), T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg</i>), A.I. Chuchaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>), A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), Y.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>), V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>)
The journal is registered	Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474)
Founder and Publisher	Ministry of Justice of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice. The Minute № 14 dated 24.06.2025. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
Publisher's address:	119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office:	283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9 e-mail: nauka-dgij@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 2 (4). – Donetsk: DSUJ, 2025. – 179 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Donbass State University of Justice», 2025

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Университетская хроника.....	7
Научные материалы.....	15
Бордюгов Л.Г.	
Проблемные вопросы назначения и проведения комплексных судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве.....	15
Гапотченко Г.Н.	
Актуальные вопросы уголовного судопроизводства в условиях проведения специальной военной операции.....	28
Гребеньков Г.В., Ромадыкина В.С.	
Атрибутивное и системно-структурное измерения бытия права: к постановке проблемы.....	40
Гулякина Е.В.	
Тенденции регулирования правового положения русского языка в государствах постсоветского пространства.....	54
Дмитриева А.А.	
Языковые преступления.....	64
Завгородняя А.А., Алдушина О.С.	
К вопросу об альтернативных способах разрешения конфликтов в России и Китае.....	73
Коваленко Э.Д.	
Характеристика жертвы мошенничества (виктимологический аспект)	86
Ковтун Е.В.	
Правовые особенности принудительного исполнения налоговых обязанностей по уплате налогов и сборов.....	95
Козачёк Е.С.	
Проблема верхнего возрастного предела уголовной ответственности.....	104
Лобов Д.В., Николаев А.А.	
Некоторые организационно-правовые вопросы адаптации и интеграции беженцев.....	112
Мироненко Н.С.	
Субъекты предупреждения преступлений.....	120
Мироненко С.Ю.	
Соотношение экоцида с другими преступлениями: разграничение и квалификация...	128
Ольков С.Г.	
Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств.....	136
Охременко С.И., Перебейнос Е.Н., Заремба П.А.	
Стратегия образовательного менеджмента в процессе подготовки юридических кадров в условиях модернизации общества в России.....	147
Смирнов Л.Б.	
Пенитенциарная пенология как междисциплинарное направление исследования института лишения свободы.....	156
Храпинский Б.Л., Титов А.Н.	
Административное правонарушение как социальное и правовое явление.....	167

CONTENTS

Bordyugov, L.G. Problematic issues of appointment and conduct of complex forensic examinations in criminal proceedings.....	15
Gapotchenko, G.N. Current issues of criminal proceedings in the context of a special military operation.....	28
Grebenkov, G.V., Romadykina, V.S. Attributive and systemic-structural dimensions of the existence of law: towards the problem statement.....	40
Gulyakina, E.V. Trends in the regulation of the legal status of the Russian language in the post-Soviet states.....	54
Dmitrieva, A.A. Language crimes.....	64
Zavgorodnaya, A.A., Aldushina, O.S. On the issue of alternative ways of conflict resolution in Russia and China.....	73
Kovalenko, E.D. Characteristics of the fraud victim (victimological aspect)	86
Kovtun, E.V. legal features of enforcement of tax liabilities for payment of taxes and fees.....	95
Kozachok, E.S. The problem of the upper age limit of criminal liability.....	104
Lobov, D.V., Nikolaev, A.A. Some organizational and legal issues of adaptation and integration of refugees.....	112
Mironenko, N.S. Subjects of crime prevention.....	120
Mironenko, S.Yu. Correlation of ecocide with other crimes: differentiation and qualification.....	128
Ol'kov, S.G. Recommendations to judges on optimizing convictions in the criminal proceedings of various states.....	136
Ohremenko, S.I., Perebeynos, E.N., Zaremba, P.A. The strategy of educational management in the training of legal personnel in the context of modernization of society in Russia.....	147
Smirnov, L.B. Penitentiary penology as an interdisciplinary field of research in the institution of incarceration.....	156
Khrapinsky, B.L., Titov, A.N. Administrative offenses as a social and legal phenomenon.....	167

Университетская хроника

В Донецкой Народной Республике 5-6 июня 2025 года прошёл Донбасский юридический форум «Донбасс – единое правовое пространство России». Организаторами мероприятия выступили Минюст России, Ассоциации юристов России, Донбасский государственный университет юстиции, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи.

Стартовал Форум в Донецке. Гостей и участников ожидала насыщенная программа: предстояло обсудить немало юридических аспектов и правовых вопросов.

Интеграция нашего региона в общее правовое пространство Российской Федерации – задача не только юридическая, но и стратегическая, требующая глубокой экспертизы и тесного взаимодействия всех уровней власти, научного сообщества и правоприменителей. Поэтому обсудить эту, как никогда актуальную, тему на форуме собрались представители ведущих вузов нашей страны.

С приветственным словом к участникам Форума обратился ректор Донбасского государственного университета юстиции, кандидат экономических наук Никита Нарыжный:

«Донбасский юридический форум собрал представителей российских ученых, представителей органов государственной власти и органов юстиции Российской Федерации.

Нельзя переоценить значимость Форума как перспективной формы объединения усилий юридического сообщества по решению конкретных профессиональных задач, как опытной площадки по достижению взаимопонимания и углублению взаимодействия юристов и политиков в решении актуальных проблем.

Университет возлагает большие надежды на свою научно-педагогическую элиту, готовящую не только профессиональных юристов, но и

делающую весомый вклад в научную сферу. На протяжении 10-ти лет работники Университета трудились плодотворно и с вдохновением, своими научными достижениями формировали имидж нашего образовательного учреждения.

Среди выпускников нашего вуза первый Глава ДНР А.В. Захарченко, деятели науки и культуры, министры, руководители правоохранительных органов, руководители предприятий, учреждений, организаций, успешные бизнесмены.

Миссия ДГУЮ Минюста России – вносить значимый вклад в развитие региона, опираясь на лучшие традиции российского образования, соединение юридических, гуманитарных и социальных знаний, передовые фундаментальные и прикладные исследования, высокий инновационный потенциал и интеграцию в международное научно-образовательное пространство.

Выбор стратегических целей определяется потенциалом и ценностями, сложившимися за 10-летнюю историю развития нашего Университета, основанного в 2015 году как первый классический вуз Донецкой Народной Республики, который без промедления начал академическое и научное сотрудничество с ведущими университетами Российской Федерации.

В 2016 году была открыта аспирантура по основным юридическим специальностям. В число научных руководителей аспирантов входят ведущие научно-педагогические работники из вузов России.

На базе ДГУЮ Минюста России функционирует Юридическая клиника «Центр юридической практики». С первых дней работы в Юридическую клинику обращаются граждане Республики с различными правовыми проблемами. Студенты Университета, под руководством высокопрофессиональных преподавателей, дают юридически грамотные и законодательно обоснованные консультации по обращениям граждан, связанных с вопросами социального обеспечения, взаимодействия с органами государственной власти, и т.п. Юридическая клиника также является базой практики для студентов Университета.

С 2023 года ДГУЮ Минюста России – образовательное учреждение высшего образования, учредителем которого является Министерство юстиции Российской Федерации. Университет имеет лицензию и государственную аккредитацию на право подготовки по образовательным программам высшего и дополнительного профессионального образования. Вся его повседневная и перспективная деятельность по организации учебной, научно-исследовательской, воспитательной, международной, финансово-экономической и хозяйственной работы базируется на законодательстве и нормативно-правовой базе Российской Федерации, требованиях Федеральных образовательных стандартов и на требованиях основополагающих документов Минюста России. Работа Университета строится с учетом перспектив социально-экономического и общественно-политического развития страны, мировой экономической культуры, потребностей рынка труда в специалистах высшей квалификации в области юриспруденции и управления.

С учетом позиции Президента Российской Федерации В.В. Путина, высказанной на заседании Совета Безопасности России 5 апреля 2023 г., было особо подчеркнуто и акцентировано внимание на важности задачи интеграции «исторически российских земель – Донбасса и Новороссии» в экономическое, правовое и образовательное пространство России, значимость Донбасского государственного университета юстиции в данном процессе обусловлена рядом факторов, влияющими на развитие Университета.

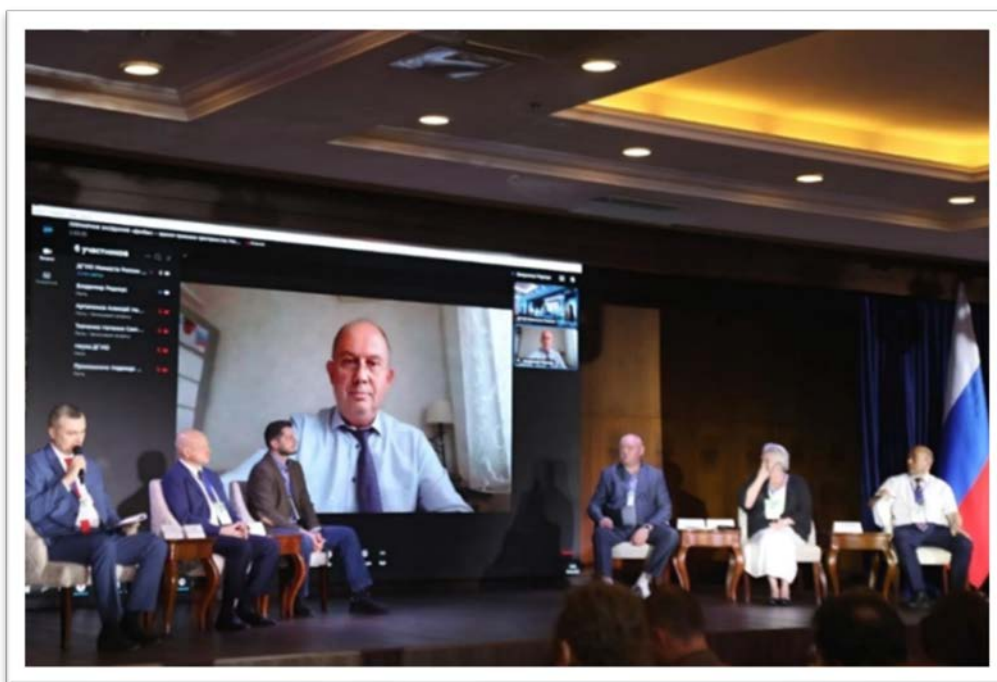
Во-первых, в новых субъектах Российской Федерации: Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области ДГУЮ Минюста России является единственным специализированным юридическим образовательным учреждением высшего образования, осуществляющим образовательную, научно-исследовательскую, культурно-просветительную и иные виды деятельности. В этом отношении принципиально важно решение Правительства Российской Федерации (распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 марта 2023 г. № 750-р) о передаче Университета в федеральную собственность и определении, что именно Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет функции и полномочия Учредителя.

Во-вторых, город Донецк, в котором находится ДГУЮ Минюста России, является логистическим центром, связывающим четыре новых субъекта Российской Федерации. Он занимает оптимальное положение для дальнейшего становления и развития юридического образования и науки посредством создания филиалов Университета (предусмотрено п. 29 и п. 30 Устава) не только на территории новых субъектов РФ, но и тех регионов, которые будут освобождены в дальнейшем. Учитывая данный фактор, значимость донецкого юридического центра образования и науки будет только возрастать.

В-третьих, обострение геополитической обстановки усилило поляризацию населения новых регионов России. Данная тенденция не обошла и систему высшего образования. Особенно сильно это проявилось в области социальных наук, в том числе и юриспруденции. ДГУЮ Минюста России не только может, но и должен взять на себя функцию по правовому воспитанию, с целью формирования правовой культуры и активного правомерного поведения как обучающихся, так и широких слоев населения указанных регионов.

Высокий уровень учебно-воспитательного процесса, интерактивные комплексы практического обучения и стремление к усовершенствованию современной учебно-материальной базы, интенсивность научных поисков и подготовка учебников и учебных пособий формируют вопросы сотрудничества с партнёрами.

Важным является обновление и расширение материально-технической базы, обеспечивающей весь комплекс образовательной деятельности; комплексное развитие материальной базы научно-исследовательской деятельности; расширение материальной базы, обеспечивающей социальную инфраструктуру, создание комфортных условий деятельности для работников и студентов...»

С докладами на пленарном заседании выступили доктор юридических наук, профессор, врио первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук Елена Виноградова, которая пожелала, чтобы Донбасский юридический форум в дальнейшем обязательно стал частью политико-правовой системы современной России; доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук Владимир Редкоус, а также советник ректора Российского государственного гуманитарного университета, кандидат юридических наук Александр Караман.

Помимо этого, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой адвокатуры МГИМО МИД России, член Правления АНО «Центр международного юридического образования», член Президиума Ассоциации юристов России, член Попечительского совета ДГУЮ Минюста России Алексей Клишин выразил от имени Ассоциации юристов России благодарность за проявленную инициативу и активное участие в организации и проведении Донбасского юридического форума, и вручил награды за личный вклад в укрепление воинских, патриотических и духовных традиций Российской Федерации.

Программу форума, которая была очень насыщенной и продуктивной, продолжили сразу несколько круглых столов: «Открывая мир права: Донбасс в международном образовании», «Правовые, экономические и социальные аспекты национальной безопасности Российской Федерации», «Актуальные проблемы формирования лингвистических компетенций студентов-юристов», «Интеграция знаний гражданского права и смежных дисциплин в современные правовые реалии: кросс-дисциплинарный подход».

В рамках форума в здании ДГУЮ Минюста России были организованы и проведены Всероссийская с международным участием конференция студентов и молодых ученых «Менеджмент и право», «Донбасс в годы Великой Отечественной войны, восстановление региона в послевоенные годы», «Врачебная ошибка – обоснованный риск или Божий промысел. Казнить нельзя помиловать», презентация проекта

«Школа будущего следователя», а также тематическая встреча известных спортсменов Донбасса со студентами ДГУЮ Минюста России «Путь к Олимпу».

Участники обсуждали актуальные темы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, особенности её регулирования нормами права, философские, социальные и политические аспекты, проблемы и тенденции развития государственного управления в условиях изменяющегося мира, информационную безопасность, перспективы совершенствования юридического менеджмента, проблемы становления денежно-кредитной системы в Донецкой Народной Республике, вопросы уголовной политики РФ, правовой и антикоррупционной экспертизы и т.д.

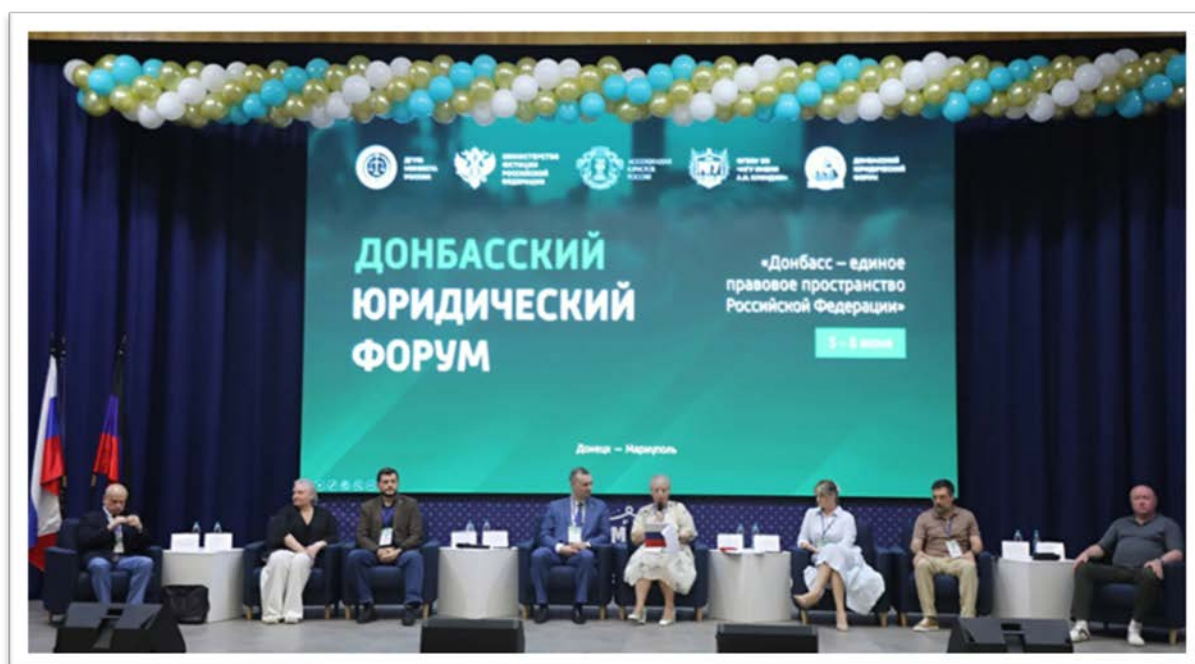

За круглыми столами разворачивались жаркие дискуссии, рождались новые идеи, которые помогут ускорить процесс интеграции нашего региона в российское правовое поле и сделать его максимально эффективным. Донбасский юридический форум «Донбасс – единое правовое пространство Российской Федерации» стал не просто площадкой для

обмена мнениями и обсуждения насущных правовых вопросов, но и важным событием для всего региона!

Второй день Донбасского юридического форума прошел в стенах Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи.

Ректор МГУ имени А.И. Куинджи, доктор экономических наук Лариса Сиволап в ходе презентации своего доклада отметила, что вхождение Донбасса в состав Российской Федерации дало новый импульс развитию не только политической, экономической, социальной сфер жизни, но и образовательной. Поэтому, по ее словам, необходимо приложить все усилия для создания единого юридического образовательного пространства, которое не только обеспечит подготовку компетентных юристов, но и укрепит правовую основу общества и государственности.

В качестве спикеров на пленарном заседании также выступили кандидат юридических наук, полковник юстиции, ректор федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации» Сергей Хорьяков, председатель Исполнительного комитета Московского областного отделения Ассоциации юристов России Михаил Михайлов.

После подведения итогов форума состоялось подписание соглашений о сотрудничестве между ДГУЮ Минюста России и МГУ имени А.И. Куинджи, а также между МГУ имени А.И. Куинджи и Центром международного юридического образования.

Как рассказал проректор Донбасского государственного университета юстиции, председатель Исполнительного комитета РО АЮР в ДНР Денис Лобов, подписание этих документов стало важным шагом на пути к плодотворному сотрудничеству.

Ректор ДГУЮ Минюста России Никита Нарыжный подчеркнул, что главная цель форума – объединить всю Россию в единое правовое пространство. И в планах – проводить его ежегодно, что будет способствовать укреплению единства и целостности нашей страны.

Кроме того, для гостей и участников форума была организована экскурсионная программа по городам и достопримечательностям Донецкой Народной Республики, которую провел начальник управления молодежной политики и воспитательной деятельности Виталий Журба.

Мемориальный комплекс «Саур-Могила» – место, напоминающее о героизме советских воинов в годы Великой Отечественной войны. Участники поездки узнали интересные факты о его строительстве, о значении каждого элемента мемориала, историю происхождения названия.

Посетили поселок Старый Крым, который стал отправной точкой освобождения Мариуполя в 2022 году. Присутствующим на экскурсии также показали легендарный завод «Азовсталь», набережную, микрорайон Черемушки, новый современный район Невский; рассказали об истории основания Мариуполя, его названии и о выдающемся художнике Архипе Куинджи, родившемся в Мариуполе. Уникальная экскурсия позволила увидеть масштаб

перемен, узнать о трагических и героических страницах прошлого и настоящего города, дала возможность понять ценность мира и свободы.

Память о прошлом – это фундамент, на котором мы строим будущее! Донбасс – это земля героев, земля тружеников, земля, которая всегда будет помнить свою историю!

Научные материалы

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бордюгов Л.Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: Leonidbrd@yandex.ru)

Комплексная судебная экспертиза инициирована практикой, ее назначение и проведение долгое время оставалось без должной процессуальной регламентации. Однако и после процессуальной регламентации не все вопросы решены. Проблемы становления и развития комплексной экспертизы нашли свое отражение в работах ряда отечественных ученых, начиная с советского периода. Вместе с тем, дискуссии по некоторым вопросам ведутся и поныне. Статья посвящена проблемным вопросам назначения и проведения комплексных судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специальные знания, судебная экспертиза, комплексная судебная экспертиза, дискуссионные вопросы.

PROBLEMATIC ISSUES OF APPOINTMENT AND CONDUCT OF COMPLEX FORENSIC EXAMINATIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Bordyugov, L.G.

Comprehensive forensic examination was initiated by practice, and its appointment and conduct remained for a long time without proper procedural regulation. However, even after the procedural regulation, not all issues have been resolved. The problems of the formation and development of complex expertise have been reflected in the works of a number of Russian scientists since the Soviet period. However, discussions on some issues are still ongoing. The article is devoted to problematic issues of appointment and conduct of complex forensic examinations in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, special knowledge, forensic examination, complex forensic examination, controversial issues.

Актуальность темы исследования. В настоящее время достижения научно-технического прогресса активно используются не только в производственной и научной сферах, а и в сфере осуществления правосудия. Одной из форм использования достижений науки и техники в судопроизводстве является судебная экспертиза.

Следует подчеркнуть, что судебная экспертиза предназначена для оказания содействия органу предварительного расследования и суду в процессе осуществления правосудия.

В соответствии с Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 апреля 2023 года № 72 [1] бюджетными судебно-экспертными учреждениями Минюста России проводится значительное количество родов и видов судебных экспертиз, среди которых можно назвать, в частности, автотехнические, строительно-технические, товароведческие, трасологические, почерковедческие, психологические, лингвистические, биологические, экологические и многие другие.

Как правило, данные экспертизы назначаются как однопредметные, т.е. органом, назначающим судебную экспертизу, – на разрешение экспертов ставятся вопросы, которые входят в предмет исследования одного вида судебной экспертизы или одной экспертной специальности. Если же для разрешения хотя бы одного вопроса необходимо применение двух и более видов судебных экспертиз или экспертных специальностей, такая экспертиза должна назначаться и проводиться как комплексная. В соответствии с процессуальным законодательством комплексная судебная экспертиза проводится тоже комиссией экспертов, в которую входят эксперты разных видов судебных экспертиз или экспертных специальностей.

Таким образом, в настоящее время в экспертной практике существует возможность проведения судебной экспертизы комиссией экспертов. При этом в зависимости от решаемых вопросов, количества и характера объектов исследования, в состав комиссии могут входить эксперты одной судебной экспертизы или одной экспертной специальности (одной отрасли знаний). В этом случае судебная экспертиза является комиссионной. Если же для решения поставленных органом расследования или судом вопросов необходимы различные отрасли знаний, судебная экспертиза является комплексной.

Иногда в экспертной практике встречаются случаи, особенно при назначении судебных экспертиз судами, когда в постановлении суда экспертиза названа комплексной (одни вопросы должен решать эксперт одной экспертной специальности, а другие – эксперт другой экспертной специальности), однако она таковой не является, поскольку решаемые задачи не связаны между собой, каждый эксперт может решить вопросы самостоятельно, не прибегая к помощи друг друга. По сути дела, в данном случае назначены две однопредметные судебные экспертизы (или моноэкспертизы), т.е. комплекс судебных экспертиз.

Следует разграничить понятие комплексной судебной экспертизы от понятия комплекса судебных экспертиз (что совсем не одно и то же) [2].

Анализ научных исследований свидетельствует о том, что вопросы назначения и проведения комплексных судебных экспертиз освещались в

работах отечественных ученых более полувека назад [3; 4] и позже [5; 6]. Кроме этого, данные вопросы регулировались соответствующей Инструкцией, утвержденной приказом Министерства юстиции СССР от 22.07.1986 № К-8-512 [7]. Современные исследователи данному вопросу также уделяют пристальное внимание [8; 9; 10]. Вместе с тем многие вопросы, как теоретического, так и практического значения, остались за пределами внимания ученых.

Цель исследования. Целью исследования являются теоретические исследования и анализ проблемных вопросов, возникающих в практике назначения и проведения комплексных судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Изложение основного материала. Как указывалось выше, проблемы назначения и проведения комплексной судебной экспертизы освещены в достаточном количестве научных работ. Вместе с тем, многие вопросы, касающиеся понятийного аппарата, нормативной регламентации порядка назначения и проведения комплексной судебной экспертизы, создания надлежащих методик проведения комплексных экспертных исследований, остались нерешенными.

В специальной литературе содержатся сведения о том, что первые упоминания о комплексной экспертизе имели место в 50-х годах прошлого столетия. Причем мнения ученых об этой экспертизе были крайне противоречивыми. В частности, Р.Д. Рахунов в категорической форме выступал против производства «так «называемых» комплексных экспертиз» [11, С. 217]. Вместе с тем, обосновывая свою позицию по данному вопросу, он приводит пример проведения «бухгалтерской и технической экспертизы», которая назначена как экономическая и которая в современном видении по содержанию не является комплексной экспертизой, а является комплексом экспертиз, о сути которого речь будет идти ниже. Примерно такую же позицию чуть позже занял М.С. Строгович [12, С. 243]. Другие ученые, в частности А.И. Винберг, А.Л. Петрухин не согласились с их позицией, обосновывая сущность и необходимость комплексной экспертизы всесторонним исследованием вещественных доказательств [13, С. 27] и применением «смежных специальных» знаний [14, С. 146]. О необходимости комплексной экспертизы в уголовном процессе говорил в своей диссертации и В.И. Шиканов [15, С. 146].

Следует отметить, что в указанное время понятие комплексной экспертизы не было закреплено законодательно. Несмотря на это, практика диктовала свои условия, и комплексные судебные экспертизы проводились довольно часто.

Впервые статья о комплексной экспертизе появилась в Уголовно-процессуальном кодексе Киргизской ССР 1960 года (статья 63) [16, С. 454].

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» отмечались недостатки, связанные с назначением комплексных экспертиз. Некоторые ученые считают, что в этом и состояло признание комплексной судебной экспертизы на нормативном уровне [17].

В 1986 году была утверждена Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР. Однако комплексные экспертизы, как указывалось выше, проводились и до выхода данной Инструкции, о чем свидетельствуют комментарии к некоторым уголовно-процессуальным кодексам. В частности, научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Украинской ССР, анализируя статью 75, упоминает комплексную экспертизу и говорит о том, что «каждый эксперт вправе подписать лишь ту часть заключения, которая им составлена, но может подписать и заключение комплексной экспертизы в целом» [18, С. 119]. Вызывает интерес, кто же будет подписывать общий вывод, если каждый эксперт может подписать только ту часть исследования, которая непосредственно им проведена.

В конце 1984 года в г. Риге прошла Всесоюзная конференция, которая была посвящена теоретическим вопросам комплексной экспертизы [19]. В принятых рекомендациях, вернее в приложении к ним, содержались комбинации различных сочетаний специальных знаний при проведении комплексных судебных экспертиз. Таких сочетаний было составлено более пятидесяти. Эта информация до сих пор является полезной и может использоваться в экспертной практике. Однако на настоящее время появились новые виды экспертиз, новые экспертные специальности, что требует доработки и расширения указанных комбинаций. На это обращают внимание видные отечественные ученые в области судебной экспертизы [20, С. 127].

В Российской Федерации понятие комплексной экспертизы впервые законодательно было закреплено в 2001 году в Федеральном законе от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73). Характерно, что в указанном законе говорится о производстве комиссионной экспертизы (статья 21), причем, если экспертизу проводит комиссия экспертов одной специальности – это является именно комиссионной экспертизой (статья 22), если разных экспертных специальностей – это является комплексной экспертизой (статья 23).

Если обратимся к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ), который был принят в том же году, то в нем более четко определяются понятия комиссионной (статья 200) и комплексной (статья 201) экспертиз, хотя в этих определениях имеются также недостатки, о которых будет упомянуто ниже.

Таким образом, исходя из духа закона, в настоящее время можно выделить основные критерии отнесения судебной экспертизы к комплексной, в частности, комплексная экспертиза проводится комиссией экспертов, состоящей из экспертов разных экспертных специальностей. Общий вывод формулируется членами комиссии, компетентными в оценке полученных результатов.

Следует отметить также наличие общего объекта исследования и общей интеграционной задачи, стоящей перед экспертами, которые проводят комплексную экспертизу, а значит наличие общего вопроса или вопросов и даже, можно сказать, наличие общего предмета исследования. Причем под объектом исследования подразумевается не объект – как вещь, а объект – как источник

информации. Под предметом комплексной экспертизы понимаются фактические данные, которые устанавливаются на основании применения комплекса специальных знаний, относящихся к разным видам судебной экспертизы или разным экспертным специальностям.

Ни у кого не вызывает сомнения то, что комплексная судебная экспертиза представляет собой сложное, многоаспектное понятие. Об этом более 40 лет назад упоминал А.Р. Шляхов, перечисляя эти аспекты [21, С. 3]. Несомненно, что все эти аспекты не только взаимосвязаны, но и «дополняют друг друга» [22, С. 600].

Применительно к данному исследованию, когда мы говорим о разных видах судебных экспертиз или разных экспертных специальностях, подразумеваем разные отрасли знаний.

Приведем следующий пример. Назначена комплексная судебная баллистическая и товароведческая экспертиза по оценке ружья. На разрешение поставлен вопрос «Какова стоимость ружья ИЖ-54 с учетом его технического состояния». Очевидно, что для определения технического состояния ружья необходимы специальные знания судебного эксперта-баллиста. Стоимость определяет судебный эксперт-товаровед. В соответствии со статьей 23 Федерального закона № 73 общий вывод должны делать эксперты, обладающие компетенцией для оценки полученных результатов исследования.

Следует остановиться на проблемных вопросах, возникающих не только в практике назначения и проведения комплексных судебных экспертиз, но и касающихся определения комплексной судебной экспертизы, количества экспертов при ее проведении, комплексирования специальных знаний и т.д.

О.Г. Дьяконова, исследовав вопрос о подходах к определению правовой природы комплексной судебной экспертизы, разделяет их на несколько групп [23, С. 119-120]. Одни авторы считают комплексную экспертизу процессуальным понятием, поскольку все вопросы, касающиеся ее назначения, проведения, использования, закреплены в процессуальном законодательстве [24, С. 11; 25, С. 172].

Другие авторы говорят о гносеологических и процессуальных составляющих комплексной судебной экспертизы [21, С. 6; 26, С. 15]. Вместе с тем, некоторые ученые отмечают недостаточность процессуальной регламентации комплексной судебной экспертизы [27, С. 244].

Третья группа авторов, которых большинство, говорят об общей задаче комплексной экспертизы, об интегративном (синтетическом) выводе и составлении совместного заключения [28, С. 84-86; 29, С. 337-338].

Следует отметить, что, приводя ссылки на первоисточники, мы по каждому примеру специально взяли один источник сорока- или пятидесятилетней давности, второй более поздний, относящийся к нашему времени, чтобы показать разные подходы к исследуемым вопросам, как в прошлом, так и в настоящем.

Следует также отметить, что мы всецело поддерживаем точку зрения Е.Р. Россинской в том, что диалектическое единство «процессуальной формы и методического содержания» является характерным для комплексной судебной

экспертизы, что она должна рассматриваться «в процессуальном, ... в гносеологическом и организационном аспектах» [30, С. 9].

Поддерживаем и необходимость дополнения соответствующих статей процессуальных кодексов о возможности проведения комплексной судебной экспертизы одним экспертом [31, С. 18].

В настоящее время существующая редакция статьи 201 УПК РФ не содержит нормы, указывающей на необходимость формирования общего вывода, экспертами, участвующими в проведении комплексной экспертизы. На это указывают видные отечественные ученые [30, С. 8]. Кроме этого, определение комплексной экспертизы, данное в статье 201 УПК РФ, применимо и для комплекса однородных экспертиз. Другими словами, статья 201 УПК РФ содержит существенные недостатки, а поэтому требует доработки. Это было замечено учеными сразу после принятия УПК РФ, в частности В.И. Шиканов отмечал, что содержание текста данной статьи «не раскрывает сущность комплексной экспертизы», а наоборот, вносит путаницу [32, С. 13].

Нередко при исследовании теоретических вопросов, касающихся комплексной судебной экспертизы, речь заходит о комплексировании специальных знаний. Причем комплексирование может быть последовательным, параллельным и последовательно-параллельным.

Последовательное комплексирование можно проследить на предыдущем примере, когда эксперту-товароведу невозможно определить стоимость ружья без ссылки на исследование экспертом-баллистом технического состояния ружья. В данном случае первоначально исследование ружья проводит эксперт-баллист, который определяет его исправность, пригодность к стрельбе и другие данные, на основании использования которых эксперт-товаровед определяет стоимость ружья.

Параллельное комплексирование специальных знаний используется при проведении комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз по исследованию информационных материалов экстремистского характера. В данном случае эксперт-лингвист и эксперт-психолог параллельно исследуют один и тот же объект и совместно решают одну интеграционную задачу по установлению определенных признаков, на основании которых представленные на исследование информационные материалы могут быть признаны как материалы экстремистского характера.

В литературе также приводятся случаи последовательно-параллельного комплексирования, в частности, на примере комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы [33, С. 78-79] и на примере комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы [34, С. 49].

Возможны случаи, когда назначена комплексная судебная экспертиза, а интегративный вывод отсутствует. Некоторые ученые называют такую экспертизу «нулевым» видом комплексной экспертизы [33, С. 74].

Обратимся к примеру. Органом расследования назначена комплексная судебная автотовароведческая и товароведческая, на ее разрешение поставлено два вопроса, первый о стоимости похищенного автомобиля, второй – о стоимости бытовой техники, находящейся в автомобиле в момент хищения.

Вопрос, для решения которого необходимо совместное применение специальных знаний в области автотовароведения и товароведения, отсутствует. Эксперт-автотоваровед и эксперт-товаровед проводят исследование независимо друг от друга, каждый относительно своего вопроса и каждый подписывает свой вывод. В данном случае имеет место не комплексная экспертиза, а комплекс экспертиз (мнимая комплексность) [35, С. 107], который оформлен в одном заключении. Органу расследования можно было назначить не комплексную судебную экспертизу, а две однопредметных экспертизы: автотовароведческую и товароведческую, что в данном случае было бы более правильным.

Одной из главных проблем на протяжении более 70 лет, т.е. практически с первых упоминаний о комплексной экспертизе, является отсутствие единого мнения о возможности проведения комплексной судебной экспертизы одним экспертом. Характерным является то, что на начальном этапе многими сторонниками комплексной экспертизы поддерживалась идея проведения комплексной судебной экспертизы одним экспертом [14, С. 147; 36, С. 38]. На тот момент назначение и проведение комплексной судебной экспертизы не было законодательно урегулировано. После устранения этого пробела многие ученые придерживаются мнения, что комплексная судебная экспертиза должна проводиться только комиссией экспертов, мотивируя это тем, что это указано в частности в Федеральном законе № 73 и в УПК РФ [37, С. 114; 38, С. 15] и принимая во внимание, что правовыми признаками комплексной экспертизы является именно наличие двух и более экспертов при ее производстве и «разграничение функций между ними» [25, С. 172].

Таким образом, несмотря на то, что законодательно закреплено комиссионное проведение комплексной экспертизы, ряд современных исследователей данного вопроса придерживается точки зрения, что комплексную судебную экспертизу может проводить и один эксперт, который обладает специальными знаниями в различных родах или видах судебной экспертизы [39, С. 205; 40, С. 477].

Тем более, что такой опыт уже имелся. В частности, в Законе Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности», в разработке которого участвовал автор данной статьи, в статье 28 говорилось о праве эксперта единолично давать заключение при проведении комплексной судебной экспертизы, если он владеет разными экспертными специальностями [41].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (п. 12) также говорится о праве эксперта, обладающего необходимыми знаниями, провести комплексную экспертизу и «дать единое заключение» [42].

Это было внесено также в законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В статье 23 Федерального закона № 73, регулирующей проведение комплексной судебной экспертизы, указано, что при несогласии одного из членов комиссии, проводящей комплексную судебную экспертизу, он вправе дать отдельное заключение.

Разберем это подробнее. В специальной литературе особых возражений по этому поводу не содержится. Это поддерживалось учеными еще задолго до принятия Федерального закона № 73 [5, С. 109]. Тем более эксперты, которые проводят комплексную судебную экспертизу, должны следовать букве закона, исходя из «*dura lex, sed lex*». Однако непонятно, каким образом это происходит или должно происходить на практике. Допустим, назначена комплексная судебно-медицинская, судебная автотехническая и транспортно-трассологическая экспертиза, на разрешение которой поставлен один вопрос: Кто из находившихся в опрокинувшемся автомобиле Москвич находился за рулем данного автомобиля? (В практике расследования дорожно-транспортных происшествий постановка таких вопросов не редкость). В процессе проведения экспертизы между экспертами возникли разногласия. Непонятно каким образом будет отвечать каждый из указанных экспертов отдельно на вопрос, который носит комплексный характер и для решения которого необходимо комплексирование специальных знаний в области судебной медицины, судебной автотехники и транспортной трассологии. В данном случае нарушаются основные признаки комплексной экспертизы, в частности, отсутствует комплексирование специальных знаний, интегративный вывод, совместное заключение и даже комиссионность, о которой многие ученые говорят, как о главном признаке комплексной экспертизы. Кроме того, каждый эксперт обладает только своей компетенцией, которой отдельно от других экспертов, недостаточно для решения интеграционной задачи. По нашему мнению, в таком случае более целесообразно составить сообщение о невозможности заключения или же, если промежуточные исследования были проведены, заключение с выводом НПВ (не представляется возможным решить).

Важное место в дискуссиях о комплексной судебной экспертизе занимает вопрос об эксперте-интеграторе или ведущем эксперте. Следует отметить, что такой вопрос рассматривается учеными давно. В специальной литературе приводятся мнения ученых по этому вопросу [43], а также делается вывод о том, что необходима разработка «проблемы функционирования «эксперта-интегратора» [43, С. 48]. Современные авторы также выступают за то, чтобы прописать функции «эксперта-интегратора» в законе [44, С. 578; 45, С. 16].

В любом случае многие вопросы, касающиеся комплексной судебной экспертизы, предстоит решать путем теоретических разработок и путем внесения изменений в процессуальное законодательство.

В настоящее время, в свете новых научных работ по теоретическим вопросам комплексной судебной экспертизы ее понятийный аппарат, в частности понятие комплексной судебной экспертизы, предмет исследования, объект исследования, задачи и т.д., требует дальнейшего усовершенствования. Только после этого он может быть использован как в теоретическом плане, так и в процессе практической судебно-экспертной деятельности.

Мы поддерживаем точку зрения некоторых ученых о том, что комплексная экспертиза на основе «развития пограничных предметных областей экспертных знаний» [17, С. 146] является своеобразной формой перехода к моноэкспертизе более высокого уровня. В качестве такого примера можно привести историю

развития транспортно-трасологической экспертизы. Первоначально транспортно-трасологическая экспертиза проводилась, как комплексная, экспертом-автотехником и экспертом-трасологом. По мере развития методологических основ данной экспертизы, с созданием общей методики исследования на основании интеграции научных знаний транспортно-трасологическая экспертиза стала проводиться как моноэкспертиза. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений, что транспортно-трасологическая экспертиза является однопредметной экспертизой, в основе которой лежит своеобразная интегративная область научных знаний – транспортная трасология. По нашему мнению, главным критерием перехода комплексной судебной экспертизы в моноэкспертизу может стать создание общей методики проведения данной экспертизы, с целью «решения «пограничных» задач» [44, С. 577].

Мы поддерживаем точку зрения ряда ученых, которые считают, что комплексная судебная экспертиза может проводиться и одним экспертом, обладающим необходимым комплексом специальных знаний, что необходимо закрепить в процессуальном законодательстве [46, С. 47].

Выводы. Таким образом, проведение комплексной судебной экспертизы характеризуется общностью предмета и объекта исследования для различных отраслей знаний. Исследование общего вопроса проводится экспертами различных видов экспертиз или экспертами различных экспертных специальностей, которые на основе комплексирования специальных знаний формируют общее заключение и подписывают общий вывод.

Комплексная судебная экспертиза может проводиться и одним экспертом, обладающим необходимым комплексом специальных знаний.

Возможно, ряд выдвигаемых идей в настоящей работе противоречит общепринятым нормам и существующему законодательству. Однако, «если в качестве аргумента в научной дискуссии выдвигать тезис о противоречии предложения существующему законодательству, то закон превращается в неприкасаемую догму, и никакие изменения вообще невозможны» [30, С. 9].

Список литературы

1. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 апреля 2023 года № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rossii-ot-20042023-n-72-ob-utverzhdenii/> – (дата обращения: 02.05.2025).
2. Орлов, Ю.К. Комплексная экспертиза, комплексное исследование и комплекс экспертиз: соотношение понятий / Ю.К. Орлов // Материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 24-25 июня 2009 г.). – М.: Проспект, 2009. – С. 280-282.

3. Шиканов, В.И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе (некоторые вопросы теории и практики): специальность 12.717 «Криминалистика»: диссертация ... кандидата юридических наук / Шиканов Владимир Иванович; Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Юридический факультет. – Ленинград, 1967. – 391 с.
4. Зельдес, И.М. Комплексные исследования в судебной экспертизе: специальность 12.717 «Криминалистика»: диссертация ... кандидата юридических наук Зельдес Илья Михайлович; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 1968. – 186 с.
5. Орлов, Ю.К. Процессуальные проблемы комплексной экспертизы / Ю.К. Орлов // Актуальные проблемы комплексной экспертизы. – М.: ВНИИСЭ, 1976. – Вып. 21. – С. 82-109.
6. Арсеньев, В.Д. Процессуальные проблемы комплексной судебной экспертизы (по уголовным делам) / В.Д. Арсеньев // Теоретические вопросы судебной экспертизы. – М.: ВНИИСЭ, 1981. – Вып. 48. – С. 68-83.
7. Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР: приказ Министерства юстиции СССР от 22.07.1986 № К-8-512. – М.: МЮ СССР, 1986. – 5 с.
8. Абдолла, С. Нормативно-правовое регулирование комплексной судебной экспертизы / С. Абдолла // Судебная экспертиза. – 2022. – № 4 (72). – С. 32-39.
9. Россинская, Е.Р. Комплексные судебные экспертизы: генезис и современное состояние / Е.Р. Россинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 12. – С. 65-73.
10. Репникова, Н.А. Комплексная экспертиза: понятие и проблемы нормативно-правового регулирования / Н.А. Репникова // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием. – Нижний Новгород, 2024. – С. 313-318.
11. Рахунов, Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов, Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госюриздат, 1953. – 264 с.
12. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.
13. Винберг, А.И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе / А.И. Винберг. – М.: Госюриздат, 1956. – 220 с.
14. Петрухин, И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М.: Юридическая литература, 1964. – 266 с.
15. Китаева, В.Н. В.И. Шиканов о комплексной судебной экспертизе / В.Н. Китаева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – С. 144-152.
16. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М.: Норма, 2006. – 480 с.

17. Майлис, Н.П. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития / Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 1 (33). – С. 138-147.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР: Науч.-практ. коммент. / В.Г. Белоусенко, Ю.М. Грошевой А.Я. Дубинский и др.; Отв. ред. П.Г. Цупренко. – К.: Политиздат Украины, 1984. – 595 с.
19. Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига; 5-6 декабря 1984 г.) / [Отв. ред. Ю. Г. Корухов]. – М.: ВНИИСЭ, 1985. – 196 с.
20. Усов, А.И. О трех версиях теории комплексной экспертизы / А.И. Усов, О.В. Микляева, Е.С. Карпухина, Л.Г. Эджубов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – №1(37). – С. 126-136.
21. Шляхов, А.Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР / А.Р. Шляхов // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5-6 декабря 1984 г.) [Отв. ред. Ю.Г. Корухов]. – М.: ВНИИСЭ, 1985. – С. 3-20.
22. Гаевой, А.И. Проблемы производства комплексной судебной экспертизы / А.И. Гаевой, В.О. Григорюк // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – 2018. – №3(19). – С. 600-604.
23. Дьяконова, О.Г. К вопросу о признаках комплексной экспертизы О.Г. Дьяконова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – №2 (8). – С. 117-125.
24. Галкин, В.М. Соотношение заключения эксперта с другими средствами доказывания в уголовном процессе / В.М. Галкин. – М.: ВНИИСЭ, 1971. – 48 с.
25. Орлов, Ю.К. Комплексная экспертиза как правовое понятие / Ю.К. Орлов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – №4 (32) – С. 170-175.
26. Россинская, Е.Р. Комплексные судебные экспертизы : гносеологическая и процессуальная составляющие / Е.Р. Россинская // Судебная экспертиза. Выпуск 3 (31) 2012: научно-практический журнал. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. – С. 10-17.
27. Моисеева, Т.Ф. Методологические и процессуальные проблемы комплексных исследований в судебной экспертизе / Т.Ф. Моисеева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 241-245.
28. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заблоцкий. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.
29. Зайцева, Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность»: диссертация ... доктора юридических наук / Зайцева Елена Александровна; Российский федеральный центр

- судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. – Москва, 2008. – 535 с.
30. Россинская, Е.Р. Проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы и некоторые пути их разрешения / Е.Р. Россинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 12. – С. 3-11.
 31. Россинская, Е.Р. Методологические и правовые проблемы комплексных судебных экспертиз в условиях реформирования законодательства о судебно-экспертной деятельности / Е.Р. Россинская // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 12-18.
 32. Шиканов, В.И. Заметки на полях текста нового Уголовно-процессуального кодекса / В.И. Шиканов // Сибирские криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Иркутск. – 2002. – Вып. 14. – С. 1-17.
 33. Секераж, Т.Н. Модели интеграции психологических и лингвистических знаний в судебных комплексных экспертизах / Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 72-82.
 34. Сафуанов, Ф.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы / Ф.С. Сафуанов // Психология и право. – 2011. – Том 1. – № 2. – С. 44-54.
 35. Усов, А.И. Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ) / А.И. Усов, Л.Г. Эджубов, О.В. Микляева, Е.С. Карпухина. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. – 131 с.
 36. Селиванов, Н.А. Социалистическая законность / Н.А. Селиванов. – 1962. – № 11. – С.37-40.
 37. Орлов, Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание / Ю.К. Орлов. – М.: Ин-т повышения квалификации Рос. федер. центра судеб. экспертизы, 2005. – 264 с.
 38. Чельшева, О.В. Назначение и производство судебных экспертиз: учебное пособие / О.В. Чельшева. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – 72 с.
 39. Зинин, А.М. Судебная экспертиза. Учебник / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. – М.: Право и закон: Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.
 40. Смирнова, В.Ю. Комплексная экспертиза: понятие, проблемы проведения, пробелы в нормативном закреплении / В.Ю. Смирнова // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 2 (36). – С. 473-477.
 41. Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности». – URL: <https://dnr-sovet.su/zakon-dnr-o-sudebnoj-deyatelnosti/> – (дата обращения: 02.05.2025).
 42. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8226/?ysclid=ma8i9tsxt4455364325> – (дата обращения: 02.05.2025).
 43. Ростов, М.Н. Некоторые аспекты обоснования объективной необходимости «эксперта-интегратора» / М.Н. Ростов // Актуальные проблемы теории и

практики судебной экспертизы. Сборник научных трудов. – М.: ВНИИСЭ, 1989. – С. 34-49.

44. Ручкин, В.А. О проблемах комплексности исследований в судебной экспертизе / В.А. Ручкин, М.В. Бобовкин // Вопросы экспертной практики. – 2019. – № S1. – С. 575-578.
45. Смирнова, С.А. Комплексные исследования в судебной экспертизе / С.А. Смирнова, В.Я. Колдин, О.А. Крестовников // Судебно-медицинская экспертиза. – 2019. – № 62(5). – С. 13-17.
46. Соколов, А.Ф. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / А.Ф. Соколов, М.В. Ремизов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 128 с.

УДК 343.13

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Гапотченко Г.Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: gapot4enko63@mail.ru)

В статье исследуются отдельные нормы уголовно-процессуального и уголовного законодательства Российской Федерации, которые имеют важное значение для всего уголовного судопроизводства в условиях Специальной военной операции. Автором отмечаются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правовой регламентации норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доказывание, мера пресечения, предварительное следствие, преступление, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, уголовный кодекс Российской Федерации.

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Gapotchenko, G.N.

The article examines individual norms of the criminal procedure and criminal legislation of the Russian Federation, which are important for all criminal proceedings in the context of a Special military operation. The author notes some comments and substantiates proposals for improving the legal regulation of the norms of criminal procedure and criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: initiation of a criminal case, evidence, preventive measure, preliminary investigation, crime, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation.

Актуальность темы исследования. С 24 февраля 2022 года по настоящее время Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) после вхождения в состав Российской Федерации живёт и работает в условиях проведения как на её территории, так и на отдельных других территориях РФ Специальной военной операции (далее – СВО), которая проводится по решению верховного главнокомандующего, Президента РФ В.В. Путина. Целями СВО являются

демилитаризация, денацификация Украины и выход Украины за границы Донецкой и Луганской Народных Республик.

Весь указанный период отличается совершением множества преступлений со стороны вооружённых сил Украины (далее – ВСУ), в том числе в отношении критически важных объектов инфраструктуры и мирных граждан.

По данным главы Следственного комитета РФ (далее – СК РФ) А. Бастрыкина, только в 2023 году СК направил в суды 227 уголовных дел о террористических преступлениях. В этом же году 242 военнослужащих ВСУ осудили за преступления против граждан Донецкой и Луганской народных республик [1].

Анализ научных исследований. Вопросы уголовного судопроизводства в условиях СВО не освещались в открытых научных изданиях, о чём свидетельствует то, что за более чем три года проведения СВО, по состоянию на 28.02.2025 г. никаких изменений и дополнений по данным вопросам не вносилось ни в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [5], ни в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6].

Изложенная выше актуальность темы исследования свидетельствует о необходимости исследования уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ с целью выявления отдельных дискуссионных вопросов правовой регламентации проведения судопроизводства в условиях СВО.

Цель статьи. Основной целью научной статьи является исследование уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ, выявление проблемных вопросов по теме исследования, формулировка и обоснование конкретных предложений по усовершенствованию ном УК РФ и УПК РФ.

В рамках данной статьи невозможно провести полноценное научное исследование, поэтому мы тезисно обозначим проблемные вопросы, которые, по нашему мнению, требуют усовершенствования.

Обращаем внимание на то, что исследование касается только усовершенствования процедуры уголовного судопроизводства в период или на территории СВО, но полагаем, что отдельные предложения могут быть внедрены в законодательство РФ и после окончания СВО.

Первый блок вопросов (тезисов) касается уголовно-процессуального законодательства РФ, второй – уголовного законодательства РФ. Их нумерация не отражает их значимость, а порядковый номер каждого только разделяет их.

Изложение основного материала.

БЛОК ПЕРВЫЙ (вопросы уголовно-процессуального законодательства РФ). Исследованы в соответствии со стадиями уголовного процесса.

Вопрос первый. Принятие и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях.

Известно, что для начала уголовного судопроизводства необходим повод. В соответствии с ч.1 ст.140 УПК РФ такими поводами являются:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;

3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Их перечень является исчерпывающим.

Как правило, с заявлением о факте совершенного преступления обращаются граждане, в отношении которых это преступление было совершено по месту его совершения.

В соответствии с п.2 Инструкции о порядке приёма, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений и преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (Приложение к приказу МВД России от 29 августа 2014 г. № 736), приём и регистрация заявлений о преступлениях осуществляется в территориальных органах МВД России «Инструкции о порядке приёма, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений и преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [4].

Но это все действия, которые предусмотрены в мирное время. В условиях СВО, в силу различных объективных причин (например, полное или частичное уничтожение в результате бомбардировок объектов инфраструктуры (в том числе территориальных органов МВД, например в городах Курахово, Авдеевке, Артёмовске ДНР, на отдельных территориях оккупированной боевиками ВСУ Курской области, отсутствие связи, обстрелы и расстрелы мирных граждан со стороны боевиков ВСУ и др.) такая возможность исключена. Многие граждане указанных и других населённых пунктов выехали на более безопасные территории, и не имеют физической возможности обратиться с соответствующим заявлением о преступлении.

Как мы уже отметили, в силу боевых действий СВО на отдельных территориях РФ, граждане не имеют возможности лично обратиться в территориальный орган МВД РФ с заявлением о преступлении. Такие случаи в УПК РФ не предусмотрены, и никоим образом процессуально не регламентированы.

Полагаем, что в условиях и на территории проведения СВО, граждане должны иметь право обратиться с заявлением об известном им преступлении, которое совершено в отношении других граждан. Такое право не противоречит общим нормам уголовно-процессуального законодательства РФ, но существенно расширяет перечень лиц, имеющих право сообщать о преступлениях.

Анализ п.3 ч.1 ст.145 УПК РФ даёт основания утверждать о том, что заявление о преступлении может быть подано в иной (не по месту жительства или совершения преступления) территориальный орган МВД России. Такое заявление подлежит передаче по подследственности с учётом территориальности.

Полагаем, что при таких обстоятельствах заявитель на общих основаниях должен предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст.306 УК РФ, о чём делается письменная отметка в самом заявлении.

С момента получения такого заявления о преступлении, в соответствии с п.9 ст.5 УПК РФ начинается уголовное судопроизводство.

Считаем, что при таких обстоятельствах, в условиях проведения СВО, проверка сведений, указанных в заявлении о преступлении, должна начинаться безотлагательно, а следователь, которому будет поручена такая проверка, должен получить от заявителя максимально возможные сведения о преступлении, которые зафиксировать в соответствующем процессуальном документе. Часть 1 ст.144 УПК РФ предусматривает перечень проверочных действий при проверке заявления о преступлении, которая даёт право лицу, производящему проверку, получать объяснения.

По нашему мнению, при таких обстоятельствах, не терпящих отлагательств, в условиях проведения СВО, лицо, проводящее проверку заявления о преступлении, должно иметь полномочия проводить допрос свидетелей, в том числе с применением фиксации полученных показаний техническими средствами (видеозапись). Поэтому, предлагаем дополнить часть 1 ст.144 УПК РФ нормой о том, что при обстоятельствах, не терпящих отлагательств, в условиях проведения СВО, лицо, проводящее проверку заявления о преступлении, кроме указанных проверочных процессуальных действий, может также проводить допрос свидетелей, показания которых необходимы для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Вопрос второй. Возбуждение уголовного дела.

В соответствии с ч.1 ст.146 УПК РФ, при наличии повода и оснований, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, в пределах своей компетенции, возбуждают уголовное дело, о чём выносится соответствующее постановление.

Требования к форме и содержанию такого постановления изложены в ч. 2 указанной статьи. В целом они понятны, однако в условиях проведения СВО может вызывать определённые сложности п.4, согласно которому в постановлении должны быть указаны пункт, часть, статья УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело.

Это связано с тем, что в условиях проведения СВО не всегда на момент возбуждения уголовного дела возможно установить квалификацию. «Букет» преступных деяний, которые совершают боевики ВСУ, охватывает множественные составы преступлений, предусмотренных УК РФ – преступления против личности (например, убийство, причинение вреда здоровью различной тяжести, истязание); преступления против собственности (например, кража, грабёж, разбой); преступления против общественной безопасности и общественного порядка (например, террористический акт) и другие.

Считаем, что в условиях проведения СВО, с учётом собранных первоначальных материалов проверки, уголовное дело может быть возбуждено по факту совершения каких-либо преступных деяний, без указания в

постановлении конкретной статьи УК РФ, о чём в резолютивной части постановления обязательно необходимо сделать соответствующее обозначение. Также, в резолютивной части такого постановления о возбуждении такого уголовного дела необходимо отдельным пунктом указать, что расследование проводится в условиях либо на территории проведения СВО.

Мотивированное постановление о квалификации деяния, по которому возбуждено уголовное дело, может быть вынесено дополнительно, когда будут установлены и доказаны все обстоятельства события, но до вынесения постановления о привлечения лица по такому уголовному делу в качестве обвиняемого. В данном случае не будет никаких противоречий или нарушений норм УПК РФ.

Ещё один вопрос по процедуре возбуждения уголовного дела по данной норме УПК РФ. В соответствии с ч.4 ст.146 УПК РФ, копия постановления о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору. Полагаем, что данная временная норма установлена законодателем не конкретно и не корректно. Во-первых, понятие «незамедлительно» является оценочным. Во-вторых, следователь, как лицо процессуально самостоятельное, особенно в условиях проведения СВО и обстрелов, сам вправе решать, какие процессуальные действия ему необходимо выполнить в неотложном порядке и их очередности.

В то же время, в УПК РФ должен быть установлен предельный граничный срок направления указанного постановления прокурору.

Полагаем, что данная норма может и должна быть изменена и изложена в следующей редакции: «копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела направляется прокурору в течение суток».

Вопрос третий. Доказывание и проведение следственных действий.

Как известно, доказывание является основой всей уголовно-процессуальной деятельности и осуществляется на протяжении всех стадий – от появления законного повода для досудебного производства до вступления приговора в законную силу.

Все обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу, указаны в ст.73 УПК РФ. Их перечень является исчерпывающим, и не установление какого-либо из перечисленных обстоятельств, ведёт к неполноте следствия, либо к существенным нарушениям норм УПК РФ.

Одним из таких обстоятельств, указанных в п.5 указанной статьи, является установление личности обвиняемого (ФИО, дата и место рождения, сведения об образовании, данные об судимости, месте работы, о составе семьи, о состоянии здоровья, характеристики с места жительства, работы (учёбы)) и др.

Эти же, и некоторые другие обстоятельства (возраст, условия жизни и воспитания, уровень психического развития), в соответствии со ст. 421 УПК РФ устанавливаются при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним.

Примерно тот же перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию установлен ч.2 ст.434 УПК РФ по делам в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

Обращаем на это особое внимание в связи с тем, что в условиях или на территории проведения СВО, многие преступления на территории РФ совершаются гражданами иностранных государств. Так, например, одним из фигурантов подготовки теракта в центре Москвы в отношении митрополита Симферопольского Тихона (Шевкунова) является гражданин Украины Д.Е. Попович, который служил у митрополита помощником, и который ранее проживал с родителями в одной из областей западной Украины [7].

Сложно представить, что письменные запросы следователя по уголовному делу о личности Д.Е. Поповича дойдут до адресатов в западную Украину, и на них будут получены ответы.

По нашему мнению, при таких обстоятельствах, которые препятствуют полноценному окончанию расследования и принятию итогового процессуального решения следователем, у которого в производстве находится данное уголовное дело, должна быть дана юридическая оценка, и принято соответствующее процессуальное решение в форме мотивированного постановления. Нормами действующего УПК РФ такая ситуация не предусмотрена и не регламентирована, однако, в соответствии с п.25 ст.5 следователь вправе принять решение в форме постановления в ходе досудебного производства и в тех случаях, когда это прямо не предусмотрено, но необходимо для полноты и всесторонности расследования.

Полагаем, что при таких обстоятельствах следователь вправе и должен составить мотивированное постановление о невозможности по объективным причинам установить отдельные данные о личности обвиняемого. Все остальные обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с ч.1 ст.73 УПК РФ могут и должны быть установлены по месту производства расследования по делу. Полагаем, что этих доказательств будет достаточно для суда, чтобы вынести законный приговор.

Вопрос четвёртый. Проведение следственных действий.

Получение, проверка и оценка сведений об обстоятельствах, которые подлежат доказыванию по каждому уголовному делу, в соответствии со ст.73 УПК РФ, проводится путём проведения различных следственных действий. Производство каждого следственного действия предусмотрено и регламентировано соответствующей нормой УПК РФ. Каждое конкретное следственное действие должно быть проведено в определённом месте (например, допрос – по месту производства предварительного следствия (ч.1 ст.187 УПК РФ)), с участием не менее двух понятых (например, осмотр, обыск, выемка и др.), с участием переводчика, если участник уголовного судопроизводства не владеет языком, на котором ведётся производство по

уголовному делу (например, допрос), по постановлению следователя (например, выемка), либо без такового, на основании судебного решения и др.

По очерёдности проведения следственные действия разделяют на неотложные и последующие. В соответствии с п.19 ч.1 ст.5 УПК РФ неотложными следственными действиями являются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия является обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

По установившейся следственной практике, в мирной обстановке, как правило, первоначальным и неотложным следственным действием является осмотр места происшествия, который позволяет его участникам установить место, иногда время, механизм (способ) совершения преступления, обнаружить, зафиксировать и изъять определённые следы преступления или иные объекты, имеющие отношение к преступлению.

В условиях проведения СВО, при наличии реальных угроз для жизни и здоровья участников, с учётом времени с момента совершения преступления до времени, когда о нём станет известно соответствующим органам, иногда проходит значительное время, и неотложность проведения такого осмотра во многом теряет своё значение и эффективность.

Полагаем, что в таких условиях первоначальным следственным действием может быть допрос лица, сообщившего о преступлении. В зависимости от сведений, полученных при допросе, следователь, как лицо, процессуально самостоятельное, с учётом других имеющихся у него сведений данным о преступлении (если таковые имеются) самостоятельно планирует необходимость, очерёдность и последовательность проведения конкретных следственных действий, а также режим их проведения.

Применяя термин «режим проведения следственных действий», мы имеем ввиду, что нормы УПК РФ содержат отдельные особые условия производства некоторых следственных действий, которые можно назвать исключением из общих правил.

Эти нормы крайне редко используются при производстве следственных действий в обычной мирной жизни, но, видимо, в условиях СВО настало время для их применения.

Так, в соответствии с ч.3 ст.170 УПК РФ, «... если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей», то оно может быть проведено без участия понятых, но и использованием технических средств фиксации его хода и результатов.

В полной мере данный режим можно использовать при осмотре места происшествия в условиях СВО. По нашему мнению, следователя и эксперта-криминалиста (в зависимости от характера преступления, и иных специалистов, например, судебно-медицинского эксперта) будет достаточно, чтобы полностью осмотреть и зафиксировать обстановку на месте совершения преступления, а также выявить, осмотреть, изъять и упаковать следы и иные объекты, которые имеют отношение к данному преступлению. При этом, в таком протоколе

осмотра следует указать, что «данное следственное действие проводится в условиях опасности для жизни и здоровья его участников».

Полагаем, что в таком же режиме, в условиях проведения СВО, по решению следователя, с учётом обстановки на месте, могут быть проведены и иные следственные действия, например, эксгумация и осмотр трупа (ст.178 УПК РФ), получение образцов для сравнительного исследования (ст.202 УПК РФ) и некоторые другие.

Кроме того, современные технические возможности и отдельные нормы УПК РФ позволяют проводить некоторые следственные действия дистанционно (из другого места) с использованием систем видео- конференц-связи (ст.189.1 УПК РФ). В соответствии с указанной нормой УПК РФ, в таком режиме могут быть проведены допрос, очная ставка и опознание. Результаты, полученные в таком режиме, имеют доказательственное значение по уголовному делу. Процедура проведения указанных следственных действий регламентирована в УПК РФ достаточно полно и понятно, однако, она сформулирована для мирной жизни. Считаем, что в условиях проведения СВО, она должна быть максимально упрощена, опять-таки, с учётом современных технических возможностей связи (имеется ввиду направление письменного поручения следователя по месту проведения данного следственного действия). Более подробная процессуальная регламентация проведения следственных действий с использованием систем видео- конференц-связи требует дополнительного исследования, однако, по нашему мнению, в условиях проведения СВО такой режим при расследовании уголовных дел крайне необходим.

Отдельно следует обратить внимание на процессуальный порядок проведения и формы фиксации опознания.

Традиционное проведение опознания предполагает непосредственное визуальное восприятие опознающим лицом предъявленных ему для опознания объектов. Как правило, указанное следственное действие происходит в одном для всех его участников помещении. Исключение составляет проведение опознания вне визуального наблюдения того лица, которое опознают.

В то же время, проведение опознания вне визуального наблюдения предусмотрено ч.8 ст.193 УПК РФ, но детально не регламентировано. Полагаем, что данный вопрос также требует дополнительной правовой регламентации в указанной норме УПК РФ.

Вопрос пятый. Избрание меры пресечения.

В соответствии со ст.97 УПК РФ, дознаватель, следователь и суд вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого одну из предусмотренных мер пресечения, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Полагаем, что формулировка *«при наличии достаточных оснований полагать»* является оценочной и не конкретной, и в условиях проведения СВО требует уточнения и конкретизации. Сложно предугадать что на уме у боевика СВО, который незаконно пересёк государственную границу РФ с оружием в руках, и на территории Курской области РФ убивает мирных граждан. Какие ещё нужны *достаточные основания полагать...*?

Президент РФ В.В. Путин назвал всех боевиков ВСУ, находящихся в настоящее время на территории Курской области, террористами. Такую же оценку и квалификацию их действиям даёт, по словам Президента РФ, и Генеральная прокуратура РФ [2].

Считаем, что сам факт незаконного нахождения иностранного наёмника на территории СВО в РФ уже является основанием для избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу, без каких-либо *«оснований предполагать»*.

С учётом изложенного, предлагаем дополнить ст.108 УПК РФ «Заключение под стражу» отдельным абзацем следующего содержания:

«Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого, который является гражданином иностранного государства, незаконно находится на территории проведения специальной военной операции РФ, и какими-либо своими действиями (бездействием) в любой форме причиняет вред интересам РФ и её гражданам».

По нашему мнению, процедура привлечения лица в качестве обвиняемого, предъявления обвинения и окончания предварительного расследования в условиях проведения (на территории) СВО не требует каких-либо дополнительных изменений, и может быть проведена в условиях действующих норм УПК РФ.

БЛОК ВТОРОЙ (вопросы уголовного законодательства РФ).

Вопрос первый. Обстоятельства,отягчающие наказание.

Изучение и анализ ныне действующего уголовного (УК РФ) законодательства РФ, свидетельствует о том, что оно формировались ещё в послереволюционный период прошлого века на основе действующих в тот период норм и укладов жизни. С развитием общества, эти законы изменялись и дополнялись. В них вносились соответствующие коррективы, но основа во многом осталась. В полной мере это относится и к обстоятельствам, которые отягчают наказание в соответствии со ст.63 Уголовного кодекса (далее – УК РФ) [5].

Вряд ли кто, на момент их принятия, мог представить и предположить, что Украина будет воевать против России.

Почти ежедневно мы видим из открытых источников о выявлении и предотвращении спецслужбами РФ готовящихся тяжких преступлений по заданию спецслужб других государств, в том числе с привлечением для их подготовки и совершения граждан других государств.

Это всем известные террористический акт в «Крокус-сити-холле», убийство начальника войск РХБЗ МО РФ генерал-лейтенанта И. Кириллова в

Москве, покушение на убийство митрополита Тихона (Шевкунова) и др. Исполнителями всех указанных деяний были граждане других государств, и совершали они эти деяния также по заказу спецслужб других государств.

Лица, готовившие и совершившие указанные деяния в своих многочисленных телевизионных интервью федеральным каналам, вполне спокойно излагали свои действия, отдавали отчёт им и руководили ими. При этом также осознавали возможные последствия.

В этой связи возникает вопрос о регламентации в УК РФ ст.63 (Обстоятельства, отягчающие наказание) перечня отягчающих обстоятельств. Данный перечень является исчерпывающим, и расширенному толкованию не подлежит. Мы считаем, что в условиях проведения СВО данный перечень следует дополнить пунктом ф) следующего содержания: «совершение умышленного преступления гражданином иностранного государства на территории РФ, либо на территории (в период) проведения Специальной военной операции, либо по заданию спецслужб иностранных государств или их представителей».

Более того, по нашему мнению, наличие в ходе предварительного расследования установленных и доказанных отягчающих обстоятельств должно быть напрямую связано с назначением меры наказания в пределах санкции предусмотренной соответствующей статьи УК РФ.

Считаем, что при таких обстоятельствах, в УК РФ отдельной статьёй должно быть указано, что «при наличии отягчающих обстоятельств при совершении преступления (преступлений) на территории СВО, наказание назначается по максимальной предусмотренной санкции».

Вопрос второй. О принципе равенства граждан перед законом.

В соответствии со ст.4 УК РФ лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Буквальное понимание указанной нормы, даёт основания сделать вывод о безусловном равенстве перед законом всех граждан, совершивших какое-либо преступление. В то же время, в соответствии с ч.2 ст.57 УК РФ, пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления до восемнадцати лет.

Возможно, в мирное время, с такой позицией законодателя можно согласиться и понять гуманность по отношению к женщинам, но то, что сейчас творят женщины, в том числе в состоянии беременности на территории СВО в отношении российских военнослужащих и мирного населения, выходит за рамки понимания адекватного человека [3].

Полагаем, что с учётом изложенного, в условиях СВО, ч.2 ст.57 УК РФ в отношении женщин может и должна быть пересмотрена законодателем в сторону ужесточения.

Выводы. В условиях и на территории проведения СВО уголовно-процессуальное и уголовное законодательство РФ требует внесения

соответствующих изменений и дополнений, с учётом реалий, которые происходят на указанных территориях. С учётом совершаемых в период СВО деяний подлежат пересмотру отдельные нормы УПК РФ. Предлагается в УПК РФ внести следующие изменения и дополнения:

- в условиях и на территории проведения СВО, граждане должны иметь право обратиться с заявлением о преступлении, которое совершено не только в отношении них, но и в отношении других граждан. Такое право не противоречит общим нормам уголовно-процессуального законодательства РФ, но существенно расширяет перечень лиц, имеющих право сообщать о преступлениях;

- дополнить часть 1 ст.144 УПК РФ нормой о том, что при обстоятельствах, не терпящих отлагательств, в условиях проведения СВО, лицо, проводящее проверку заявления о преступлении, кроме указанных проверочных процессуальных действий, может также проводить допрос свидетелей, показания которых необходимы для принятия решения о возбуждении уголовного дела;

- в условиях проведения СВО, с учётом собранных первоначальных материалов проверки, уголовное дело может быть возбуждено по факту совершения каких-либо преступных деяний, без указания в постановлении конкретной статьи УК РФ, о чём в резолютивной части постановления обязательно необходимо сделать соответствующее обозначение. Также в резолютивной части такого постановления о возбуждении такого уголовного дела необходимо отдельным пунктом указать, что расследование проводится в условиях либо на территории проведения СВО;

- изменить редакцию ч.4 ст.146 УПК РФ, о том, что копия постановления о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору, и изложить её в следующей редакции: «копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела направляется прокурору в течение суток»;

- в условиях проведения СВО, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, оно может быть проведено без участия понятых, но с использованием технических средств фиксации его хода и результатов; отдельные следственные действия могут быть проведены в дистанционном режиме;

- дополнить ст.108 УПК РФ «Заключение под стражу» отдельным абзацем следующего содержания: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого, который является гражданином иностранного государства, незаконно находится на территории проведения специальной военной операции РФ, и какими-либо своими действиями (бездействием) в любой форме причиняет вред интересам РФ и её гражданам».

Предлагается в УК РФ внести следующие изменения и дополнения:

- в условиях проведения СВО перечень обстоятельств, отягчающих наказание, следует дополнить пунктом ф) следующего содержания: «совершение умышленного преступления гражданином иностранного государства на территории РФ, либо на территории (в период) проведения Специальной

военной операции, либо по заданию спецслужб иностранных государств или их представителей»;

– в УК РФ отдельной статьёй предлагается указать, что «при наличииотягчающих обстоятельств при совершении преступления (преступлений) на территории СВО, наказание назначается по максимальной предусмотренной санкции»;

– в условиях СВО, ч.2 ст.57 УК РФ в отношении женщин может и должна быть пересмотрена законодателем в сторону ужесточения.

Указанные замечания и предложения не являются исчерпывающими, требуют дальнейшего научного исследования, обоснования и формулировки.

Список использованных источников

1. Бастрыкин рассказал о числе террористических преступлений, совершённых в условиях СВО. – URL: <https://dzen.ru/a/ZaTWuMhPYUgzdHl1> – (дата обращения: 15.03.2025).
2. В.В. Путин назвал террористами военных ВСУ, находящихся в приграничье Курской области. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/5620618966546862306> – (дата обращения: 17.03.2025).
3. Женщины ВСУ: 7 самых жестоких – Засекреченные списки (08.03.2023). Эфир телеканала РЕН ТВ. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/17348476670304404868> – (дата обращения: 17.03.2025).
4. Приложение к приказу МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приёма, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». – URL: <https://web.archive.org/web/20161024055347/http://base.garant.ru/70791976/#friends> – (дата обращения: 15.03.2025).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024 с изм., вступ. в силу с 01.03.2025). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/ – (дата обращения: 15.03.2025).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/9b1573b9df039600c96814def0c263af0d0f545/ – (дата обращения: 15.03.2025).
7. ФСБ предотвратило покушение на митрополита Симферопольского Тихона (Шевкунова). – URL: <https://yandex.ru/video/preview/3955051740691828607> – (дата обращения: 15.03.2025).

УДК 340.12

АТТРИБУТИВНОЕ И СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ БЫТИЯ ПРАВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Гребеньков Г.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры служебной психологии, социально-гуманитарных и специальных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: ggrebennoff57@mail.ru)

Ромадыкина В.С., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)
(e-mail: vitalia.romadykina@gmail.com)

Статья посвящена анализу, согласно авторскому подходу, имманентных природе права атрибутивных признаков, таких как принудительность, легитимность и легальность, выполняющих функцию правовых «скреп» общественных отношений и их функционирования, производства и воспроизводства жизнедеятельности людей как членов социума.

Ключевые слова: право, принудительность, легальность, легитимность.

ATTRIBUTIVE AND SYSTEMIC-STRUCTURAL DIMENSIONS OF THE EXISTENCE OF LAW: TOWARDS THE PROBLEM STATEMENT

Grebenkov, G.V., Romadykina, V.S.

The article is devoted to the analysis, according to the author's approach, of attributive features inherent in the nature of law, such as compulsion, legitimacy and legality, which perform the function of legal «bonds» of social relations and their functioning, production and reproduction of vital activity of people as members of society.

Keywords: law, coercion, legality, legitimacy.

Актуальность темы исследования. Проблема определения «способа причастности» права к бытию не исчерпывается исследованием природы и сущности права как аспекта культуры; иначе говоря, не ограничивается указанием на ценностную единственность права и культуры, а также анализом истоков и источников правотворения. В равной мере проблема «причастности» не исчерпывается и указанием на наличие абсолютных ценностей (универсалий) культуры, которые, собственно, и делают культуру космосом, т. е. упорядоченной, иерархизированной сферой бытия homo sapiens, а право, наряду с нравственностью и моралью, – одной из качественно своеобразных, обладающих своей, присущей только ей спецификой, формой организации этого

космоса как Порядка в качестве условия сохранения социальности и социальности людей. Поэтому указание на свободу, справедливость и равенство как сущностные признаки права, как его (права) фундаментальные ценностные основания все же, на наш взгляд, не может выявить специфику права, точно так же как и указание на формальность как атрибутивный признак права не раскрывает специфики правового. В силу этого определение права как наличие «... соответствующей принципу формального равенства системы норм» (В. Нерсисянц) нам представляется недостаточным [1, С. 8].

Цель исследований. Мы полагаем, что всю культуру пронизывает формальность; это, так сказать, априори культуры, в такой же степени, как и нормативность. И нравственность, и мораль, и право не существуют вне формальности и нормативности. И эти атрибутивные признаки роднят их друг с другом. Иное дело, что пространственно-временные границы и качественные характеристики формальности и нормативности нравственности, морали и права различны и зависят уже от конкретно-исторического характера культуры, ее этнических, географических, ментальных, цивилизационных, интеллектуальных и духовных факторов, в единстве образующих мировоззренческую матрицу смыслов и ценностей, обеспечивающих сохранение людьми своего существования в настоящем и будущем.

Изложение основного материала. Исходя из того, что понятие культуры субстанциально по отношению ко всем ее проявлениям, одним из определений культуры может быть суждение о ней как о социально унаследованной системе регулирующих механизмов, в которой основным, сущностным элементом являются ценности, обязательно стандартизированные и составляющие основу моделей поведения, упорядочивающих человеческую деятельность. Таким образом, культура изначально нормативна в своей сущности.

Нормативность является универсальным свойством культуры и «в ней, – по справедливому утверждению С. Алексеева, – выражается потребность утверждения в общественных отношениях определенных начал, связанных с обеспечением упорядоченности общественной жизни...» [2, С. 87]. В основе нормативности – типичность, повторяемость социальных и мыслительных процессов и явлений, подчиненность их определенным правилам. В связи с этим нормативность культуры обеспечивает координацию и организацию действий индивидов, входящих в социальное целое, координацию и организацию действий индивидов как составных элементов различных социальных целостностей – общностей, групп, институтов (институций).

В свою очередь, нормативность как сущностное свойство культуры, раскрывающее свой смысл в качестве универсального организационного и координирующего средства, проявляется в форме институционализации общественных отношений и поведения людей, сутью которой является появление объективных по отношению к конкретному индивиду, не зависящих от его воли правил поведения, а также появление объективных, связанных с обеспечением их выполнения определенных механизмов в качестве социальных институтов (институций), стоящих на стороне жесткого выполнения этих норм.

Именно «долженствование», превращение социальной нормы в категорический императив, в устойчивую поведенческую социальную матрицу, некий социокод экзистенциального бытия людей, организующих совместное общение, на наш взгляд, и порождает право как право.

«Каждое общество, – писал А. Хёббель, – должно по необходимости отбирать лишь ограниченное число поведенческих моделей, соответствующих его культуре, и оно должно безоговорочно и диктаторски отвергать возможность принятия своими членами тех линий поведения, которые несовместимы с отобранными ими линиями, равно как и многих других, только на одном том основании, что они другие» [3, С. 12]. Аргументирует это «долженствование» А. Хёббель тем, что живущие вместе люди должны иметь возможность предвидеть поведение других, живущих рядом с ними людей в типичных ситуациях. Если этого нет, жизнь людей превратится «в хаос или сумасшедший дом». Причем, как замечает А. Хёббель несмотря на то, что жестокость здесь характеризуется относительностью, и в каждом отдельном случае имеет свои допуски, селекция все же и психологически и социологически носит императивный характер. И это, продолжает он, «очень важно иметь в виду любой теории права, так как главная проблема, стоящая перед всеми правовыми системами, – это отбор: какую линию поведения право должно поддерживать, а какую подавлять» [3, С. 12].

Необходимость преодолевать «недоброжелательную общительность», определенно сохраняя автономность «Я» и формы коллективной социокультурной социабельности, видимо, приводила к тому, что естественные нормы нравственности и морали, использовавшиеся в качестве способов коллективной адаптации, отражавшиеся в сознании и принимавшие вид оценок результатов этой адаптации, переставали соответствовать конкретным социальным условиям. Возникшие идеи о иных способах регуляции, на наш взгляд, представляли собой нарождавшиеся идеи, но уже правового сознания, о том, что необходимы иные, не полагающиеся только на авторитет нравственности и морали способы официального принуждения. В этой связи уместно привести высказывание Р. Таппана о социальной роли и назначении права: «Сформулированное и применяемое людьми в обществе право через свой инструментарий отражает признанные правила групповой жизни» [4, С. 55].

Именно придание внешней принудительной силы моральным и нравственным нормам, которые культивировали имеющие власть социальные группы и сообщества, собственно, и придали нормам нравственности и морали статус правовой нормы, а правовым идеям статус правовой идеологии, т. е. господствующего правового сознания.

Поэтому право – это всегда формальные социальные нормы, реализующие абсолютные ценности культуры (свобода, справедливость, равенство), связанные с сохранением социального Порядка и получившие официальное (легальное) и легитимное закрепление в качестве средства обязательного принуждения поступать так, а не иначе.

Внешняя принудительность к исполнению – вот одна (но не единственная) из атрибутивных функций права, которая выражает его сущность в бытии. Но

здесь важно вот еще что иметь в виду. Принудительность права всегда категорична по отношению к тем, кто не принадлежит к источникам права. Иначе говоря, принудительность права всегда внешняя по отношению к тем, чьи нормы морали и нравственности не корреляционны с правом, регулируемым господствующими социальными элитами данного социума. Как же в таком случае право становится «правом для всех»?

Это происходит благодаря таким атрибутивным признакам права как легитимность и легальность. Но прежде чем мы будем говорить и об этих имманентных сущности права атрибутивных его признаках, еще раз отметим, что любые институты культуры – семейные, политические, экономические, религиозные, национальные, профессиональные и т. д., равно как и изменения в них, находят свое отражение в праве как средстве официального регулирования и поддержания социального порядка, притом не напрямую, а через соответствующие официально-властные механизмы отбора в рамках соответствующей формы общественного, в том числе государственного, устройства, которые и сами являются проявлением специфической культуры.

Такое толкование соотношения культуры и права дает возможность понять, что в праве закрепляются в форме «должного быть» те нравственные и моральные нормы, которые регулируют принцип воспроизводства жизнедеятельности культуры. Иное дело, что способы реализации этого принципа были и остаются не только схожими, но и подчас радикально несовместимыми как в историческом прошлом, так и в настоящем современного мира. Рассуждая в таком ракурсе, считаем необходимым исходить из важного методологического положения, согласно которому каждая культура исторически формировалась из множества черт, которые в процессе группового опыта отбирались и утверждались в качестве прежде всего способов жизнеустройства и определенных моделей поведения.

Легитимность и легальность, наряду с внешним принуждением, также принадлежат к атрибутивным (имманентным природе права) функциональным его признакам. Право всегда должно быть легитимно и легально, иначе его функция по сохранению Порядка как абсолютного условия сохранения социальности и, в конце концов, социальности вообще исчезает. Легальность означает превращение правовой нормы в бесспорный к исполнению императив, который и есть закон. Законосуществование права – это специфический политический механизм иерархизации права, механизм актуализации и манифестации тех правовых норм, которые выражают социальные (экономические, идеологические, мировоззренческие и т. д.) интересы групп и элит, в данных исторических пространственно-временных границах реализующих свою власть по отношению к иным элитам и группам, временно оттесненным на периферию властных отношений.

Таким образом, легальность (законосуществование права) обеспечивает закрепление и устойчивость общественных отношений как отношений политических, а следовательно – и правовых. Более того, легализация права обеспечивает становление и реализацию «логики» (последовательности) правоприменения, обеспечивает предсказуемость и возможность социального

конструирования реальности, т. е. создание и сохранение того, что и называется социальным Порядком вещей, идей, людей и отношений между этими элементами культуры.

Легитимность делает право – но уже в ипостаси закона – оправданным к существованию действенного, всеобще-признанного факта социального бытия. Легитимность, можно сказать, выступает способом оправдания существования права как закона, стоящего на стороне Порядка. Как это достигается? Очевидно, что не через механизмы прямого принуждения, скорее, через механизмы социализации (воспитание и образование), которые обеспечивают «воссоединение» закона как силы права с моральной силой, создание условий для возникновения веры и убеждения у всех членов социума в правовом характере принимаемых законов. Легитимность поэтому может рассматриваться как особая характеристика права, обеспечивающая приверженность Порядку, причем это, скорее, приверженность не к фактическому порядку, а к идеальной его модели, формирующейся в сознании отдельных граждан и в общественном сознании культуры под влиянием образовательных схем и политико-культурологических мифологем, сочетающих в себе «наличное» и «должное быть» знание о реальности. Таким образом, Порядок во многом и приобретает характеристики своей аксиологической значимости, приобретает статус подлинной социальной ценности.

И если сам по себе, как таковой, Порядок суть единство принуждения и легальности, ибо насилие в социуме как аспект принуждения всегда нуждается в правовой санкции, то, будучи легальным, Порядок становится как бы вписанным в широкий контекст культуры, соотносимый с историей, традициями, менталитетом, общественным сознанием, верованиями, мифами и т. д. народа. Легитимность позволяет утвердительно решать вопрос о правомочности законов, об опоре закона на право, т. е. апеллировать к ценностям свободы, справедливости, равенства.

В современной западной литературе понятие легитимности используется довольно часто. Так, в социологической концепции Т. Парсонса, где общество рассматривается в качестве коллективной жизни вокруг «структурированного нормативного порядка», нормы и правила этого порядка получают легитимность только благодаря тому, что они соотнесены с системой культуры, которая не является частью общества, а автономна и содержит ценности, несводимые к социальным условиям порождения правил и норм [5, С. 23-68].

Иной подход к пониманию сути легитимации находим у Н. Лумана. У этого автора легитимность предстает как обобщенная готовность соглашаться с определенными решениями в некоторых границах терпимости, причем эта готовность не имеет отношения к личному произволу и личной мотивации. Она вырабатывается через «процессы», т. е. особого рода системы, которые последовательно, шаг за шагом устраняют неопределенность в ожиданиях событий и решений. Именно такой процессуальный характер, по мнению Н. Лумана, носят в современном обществе судебная процедура, политические выборы и законодательство, принятие решений в аппарате управления. «Готовность принимать вырабатываемые здесь решения обеспечивается не

правильностью самих решений и не тем, что они освящены авторитетом личности, традиции или божественного закона, но тем, что они прошли через процедуру принятия, в ходе которой сужалось поле возможных и видимых альтернатив» [6, С. 47].

Итак, внешняя принудительность (императив долженствования), легальность (придание нормам права статуса закона), легитимность (необходимость укоренения права в культуре) определяют специфические (атрибутивные) признаки именно права как права. Формальность и нормативность, также имманентно присущие праву атрибуты, но они не есть сугубо правовые характеристики, они также имманентны природе нравственности и морали как социальным регулятивам жизнедеятельности людей. Нравственность, передающаяся через табу, обычаи, традиции, столь же формализована, как и право, поскольку табу, обычаи, традиции концентрируют в своем содержании не просто диалектическое единство и существование свободы, равенства и справедливости как сущностных характеристик социального регулятива, но и обеспечивают нормативность и форму трансляции этого содержания по каналам социальности.

Принудительность, легальность и легитимность, будучи атрибутивными характеристиками права, реализуют себя в контексте решения фундаментальной культуросозидающей и культуротворческой задачи – сохранения, поддержания и воспроизводства социальности и социальности людей, их тотальной жизнедеятельности в качестве Порядка в условиях, когда жизнедеятельность как способ бытия людей суть противоречивое единство «автономной» свободной индивидуальности человека, «недоброжелательной общительности», порождающей на своих высших социокультурных уровнях проявление разделения общества на страты, группы, политические партии и т. д. и т. п., и необходимости жить совместно в границах общего социокультурного ценностно-смыслового пространства-времени бытия.

Внешняя принудительность, легальность и легитимность – это и есть, на наш взгляд, та «модальность бытия..., которая праву подходит». Иное дело, что «есть право в своей онтологической структуре» (А. Кауфман) [7, С. 144].

Исходной методологической посылкой анализа и построения онтологии, правового бытия в нашем исследовании мы постулируем эпистемологический принцип соотнесения целостностей «мир» и «человек», который, согласно кантовскому суждению о «природной склонности человека к метафизике», суть исходная гносеологическая установка познания и понимания объективной по отношению к сознанию действительности. Эта установка в аспекте понимания социального мира сопряжена с интуицией и идеей Порядка (космоса) как условия становления и развития мира социальности человека. Вот поэтому мы полагали, что «Мир, Порядок и Человек – исходные интуиции сущего, исходные целостности, объективно ведущие к появлению «простейших правоотношений» (И. Кант) в виде равновесности, эквивалентности как условий созидания и поддержания Порядка.

Что означает этот метафизический пассаж применимо к предмету нашего исследования? Лишь первичную, исходную гносеологическую точку анализа

права как социального феномена в его системно-структурном онтологическом измерении, где познавательный концепт «мир» становится концептом «правового мира», понятие «человек» – понятием «человек правовой», а идея правопорядка – концептом «порядка правового», содержание которого раскрывается через анализ отношений «правовой мир – человек правовой».

При этом надо учесть, что предикат «правовой» может означать и означает иногда такие содержательные контексты, которые подчас не столько приближают предмет познания к истине, сколько его нивелируют, деформируют и искажают, приближаясь иногда просто к интеллектуальной спекуляции. Как тут не вспомнить известного российского теоретика права Е. Спекторского, утверждавшего, что правовой мир есть «совсем особый мир», который «надстраивается юриспруденцией над эмпирической действительностью, причем она очень широко пользуется ... целым рядом презумпций, конструкций и фикций, весьма далеких от эмпирической действительности» [8, С. 80].

Мы в нашем исследовании будем исходить из того, что базовые категории анализа структуры и системы правового бытия в формально-логическом смысле суть видовые понятия, и поэтому содержание категорий «человек правовой», «правовой мир», «правопорядок» несет в себе все богатство содержания исходных понятий: мир, человек, порядок. Здесь нет и не может быть никакой интеллектуальной нивелировки или процедуры предметного абстрагирования, когда за видовой абстракцией не только не видна, но и просто исчезает сущность познавательного объекта.

В современном познании накоплен огромный теоретико-концептуальный опыт описания и понимания правового бытия [9]. Однако и по сей день познавательно-теоретического консенсуса относительно сущности, пространственных границ, смысла этого феномена не найдено и общей интересубъективной, общепринятой точки зрения нет.

Так, одни современные авторы рассматривают правовое бытие как правовую реальность, полагая, что «бытие и реальность как всеохватывающие понятия – это синонимы» [10, С. 115]. Другие склонны считать, что эти понятия имеют свою семантику и содержательно различаются в зависимости от того, что понимать, собственно, под правом, а уже исходя из понимания права границы правовой реальности сужаются или расширяются. Так, В. Лазарев и В. Графский, формируя интегративные определения права, свели его реальное проявление все к тем же нормам (В. Лазарев) и к правоотношениям (В. Графский).

«Право, – пишет В. Лазарев, – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом» [11, С. 94]. «Право, – утверждает В. Графский, – есть справедливое правило взаимных отношений лиц и коллективов на основе обычая или закона, создаваемых или поддерживаемых в целях обеспечения мирного порядка и благой жизни и осуществляемых на началах согласия, уважения (в виде формального равенства) и ответственности его участников с организованным применением убеждения и принуждения в случае разногласий и конфликтов по поводу своих правомочий или обязанностей» [12, С. 48-19].

Представленные «интегративные» определения права опираются на достаточно весомые основания, уходящие в историю становления теории права, в частности – в историю правовой мысли XX века в России.

Известно, что усилиями многих отечественных ученых-юристов, в числе которых были М. Аржанов, М. Агарков, С. Голунский, М. Строгович, С. Братусь и другие, в конце 30-40-х годов XX века было выработано нормативное понимание и определение права как системы действующих в государстве юридических норм. Однако наряду с нормативным складывалось и более широкое понимание права, истоки которого восходят еще к 20-м годам XX столетия.

В 30-40-х годах прошлого века А. Стальгевич, а затем, в 50-е годы, и С. Кечежян и А. Пионтковский предложили понимать под правом помимо норм также и правоотношения. Вскоре Я. Миколенко высказался за включение в понятие права еще и правосознания [13]. Здесь следует упомянуть и концепцию Р. Лившица, который одним из первых в отечественном правознании в рамках антропологического подхода к праву сумел обосновать взгляд на право не только как систему норм, но на право как систему, в которой в неразрывном единстве сосуществуют правовые идеи, правовые нормы, правовые отношения.

Действительно, если право включает в себя вышеназванные элементы, одновременно являясь иновыражением социального мира как культуры, которая всегда системна и целостна, то, следовательно, право представляет собой нечто большее, чем правовые нормы или правовые отношения. Сошлемся здесь на автора фундаментального труда «Основные правовые системы современности» Р. Давида, писавшего, что «было бы поверхностным и неправильным видеть в праве только лишь совокупность норм... Право – это значительно более сложное явление, выступающее как система» [14, С. 19].

Система чего? Что лежит «внутри» системы? В чем сущность этой системы? Если право суть иновыражение социума, а социум представляет собой ценностно-смысловую реальность, то, следовательно, и право есть ценностно-смысловая реальность бытия, где ценности права предстают в качестве элементов этой системы, а правовые отношения представляют собой ценностные отношения, связывающие в единое целое элементы (ценности) системы.

Для того чтобы полностью раскрыть сущность права – писал в свое время создатель концепции «живого права» Е. Эрлих, – правовая наука должна быть не только исторической, но прежде всего социологической. Общество, в его понимании, не совокупность отдельных индивидуумов, а сложное, комплексное сплетение различных человеческих союзов (объединений). Следовательно, чтобы понять сущность права, необходимо, по Е. Эрлиху, изучать нормативный порядок, существующий в данных организациях. Только тогда, согласно Е. Эрлиху, теория права, и история права обретают свою познавательную ценность, когда они обретают характер социологического исследования истории правовых учреждений [15]. В нашем толковании – исследования правовых институций, призванных регулировать, а следовательно, придавать характер правового (легального) всему спектру человеческих отношений, регуляция которых не поддается нравственным и моральным регулятивам.

Подобную точку зрения на понимание природы правовых институций находим и в социологических идеях П. Сорокина, полагавшего, что право состоит из «определенных психических переживаний» (влияние Л. Петражицкого) и из «определенных правовых символов, правовых учреждений, зданий суда и т. д., объективирующих первую категорию явлений» [16, С. 46].

Необходимость правовых институций абсолютна в культуре, где «недоброжелательная общительность» обретает характер экономической (а не просто хозяйственной) и политической деятельности. Иначе говоря, там, где есть отношения собственности по поводу материальных и духовных ценностей и властные отношения по поводу присвоения этих ценностей как своей собственности, нуждающейся в политической легализации и легитимации, там есть всегда и право, задающее «логику» движения и формирующее учрежденческую структуру процедуры принятия решений, связанных с «сужением поля возможных и видимых альтернатив» (Н. Луман). Следовательно, правовой институт (институция) – это всегда социальная организация (учреждение), призванная легально и легитимно обеспечить по определенным интенциональным векторам и по определенным правилам (нормам) воспроизводство, функционирование и развитие общественной жизни как единства иных (экономических, политических и т. д.) институтов и отношений, возникающих в процессе обмена деятельностью между субъектами этих отношений и институтов по поводу производства, распределения и присвоения материальных и духовных ценностей, основываясь на принятых в данной культуре принципах понимания свободы, равенства и справедливости.

В той мере, в какой правовой институт есть аспект, сторона общественных институтов, в такой же мере правовые отношения суть аспект общественных отношений. Важно лишь помнить о специфике правовых институтов и правовых отношений, которые, собственно, становятся таковыми в результате воздействия на них правовых норм, с присущими последним характеристиками способа регулирования (информирования, организации, ориентирования, стабилизации), в качестве каковых выступают: наличие жестко императивно действующих легальных и, по возможности, легитимных форм дозволения, предписания, запрещения, санкционирования.

Правовые институты как технико-технологические механизмы реализации власти в главном не только и не столько символизируют эту власть, сколько телеономно ее превращают в правопорядок или господство правовых норм в «теле» общественных отношений, подчиняя тем самым эти отношения власти. Право «подчиняет функционирование социальной системы общезначимым и общеобязательным правилам ... через механизм закрепления прав и обязанностей субъектов общественных отношений в правовой норме, придает правовую особенность, устанавливает правовые рамки и формы иным социальным регуляторам», – пишет современный социолог права В. Лапаева [17].

Правовые институты в единстве с правовыми отношениями образуют, условно говоря, два необходимых аспекта правовой реальности. Именно они

придают и фиксируют направленность ее функционирования и развития, придают ей форму правопорядка, «фактического правопорядка» (Д. Керимов) [18].

Однако наличие правовых отношений и правовых институтов не исчерпывает анализа права как системы правовой реальности, поскольку и правовые отношения, и правовые институты есть результат творческой деятельности человека социокультурного. Именно человек есть исходная точка отсчета в понимании причин, истоков, форм проявления и способов существования того культурного феномена, который мы и обозначаем как право, причем «входит» человек в него как тотальное, со всеми присущими ему социальными и антропологическими характеристиками, существо. Поэтому размышления о системе права в контексте позитивистских представлений о человеке как некоей абстракции – субъекте права – ничего с точки зрения позитивного (аутентично-истинного) знания не дают в понимании того, что есть на самом деле правовая реальность и ее картина (правовая онтология).

Попытка адептами позитивизма представить в теории права субъекта права в качестве абстрактного юридического лица, а не живого во всей своей реальной целостности человека обернулась появлением множества юридических фикций, о которых так точно высказался упоминавшийся нами выше Е. Спекторский, а также появлением большого числа понятийных конструкторов, лишь отдаленно имеющих отношение к реальному субъекту права.

Разумеется, что такое понимание проблемы человека в праве со стороны сторонников естественно-правовой концепции вызвало серьезные возражения. Так, Л. Петражицкий, создатель психологической теории права, связал право со всем спектром психической жизни человека и полагал, что подлинное право связано с глубинными истоками сознания человека, который и есть подлинный субъект права. Иначе говоря, для Л. Петражицкого субъектом права становился человек как носитель всего спектра психического, а право превращалось в особый вид психических переживаний [19].

И. Ильин, считавший право атрибутом духа, «образом духовной жизни человека на земле», полагал подлинного человека в качестве субъекта правовой деятельности, а не некий род абстракции [20, С. 143-144]. Размышляя о кризисе права, И. Ильин напрямую связывал его с правосознанием, которое охватывает и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта [20, С. 216]. Как видим, И. Ильин рассматривал в качестве субъекта права не лицо, как абстракцию человека, а «живого» целостного человека, со всеми вытекавшими для позитивного (инструментального) права следствиями.

К сожалению, с начала 80-х годов XIX века усилиями таких ученых, как Г. Шершеневич, С. Пахман, Е. Банковский, Н. Палиенко, Д. Grimm, юридический позитивизм, задачи которого сводились не к раскрытию сущности права, а к описанию правовых явлений и их систематизации в русле юридической догматики, стал в России господствующим направлением в общей теории права и в отраслевых юридических дисциплинах. А этому были свои исторические

оправдания, связанные главным образом с деятельностью по «внутреннему» упорядочиванию действующего инструментального права в огромной Империи, разработке и утверждении в сознании юристов в качестве их правового сознания убеждения, что право суть «Свод законов Российской Империи», а не традиционные нравственные и моральные максимы «русского народа» в трактовке славянофилов.

Юридический позитивизм смог нанести решительный удар по учению о естественном праве и на многие годы вперед оказал огромное влияние на развитие правовой науки в России и СССР. А нарождавшиеся и намеченные И. Ильиным, Л. Петражицким, С. Гессеном, Е. Трубецким и другими авторами в конце XIX - начале XX столетия иные, нежели в позитивизме, методологические подходы в понимании права в его структурно-системном анализе только-только обретали конфигурации юридино-правового дискурса, но так и не успели обрести рационально-логичные понятийные формы выражения. Пришедшие же в начале XX столетия социальные потрясения и вовсе прервали эти плодотворные для естественно-правовой концепции дискуссии. Поэтому незакончившиеся споры о субъекте права как таковом, субъекте права как лице, субъекте права как личности во многом и послужили основанием вывода о нерешенности, и до нынешнего времени «открытости» вопроса о человеке как правовом феномене, человеке как «правовом существе» (В. Малахов), с нашей точки зрения, единственном и подлинном субъекте права, если, конечно, продолжать размышлять о предмете субъекта права в формальных границах классического типа рациональности, в котором, собственно, позитивное право и пребывает до сих пор, и попытаться однозначно связать понятие «субъект права» с феноменом «человек правовой».

К элементам (формам) правовой реальности кроме правовых институтов и правовых отношений мы относим человека правового как творца, носителя и ретранслятора: а) правового поведения (правовой деятельности); б) правовой психологии (от «правового» переживания, правового менталитета, правового чувствования до правового сознания (осознания права)). При этом и правовую деятельность и правовую психологию следует рассматривать не в качестве форм (элементов) правовой реальности, а лишь в качестве функций, модальностей (способов проявления) в правовой реальности человека правового. Анализ этих функциональных проявлений человека правового – предмет нашего дальнейшего исследования. Здесь лишь подчеркнем, что единство всех трех вышеобозначенных форм (правовые институты, правовые отношения, человек правовой) и представляет собой правовую реальность как составную часть бытия права.

Правовая реальность – это «живое право» (воспользуемся метафорой Е. Эрлиха), здесь-и-сейчас присутствующее в бытии; это идеально-предметное бытие права, это сфера экзистенции права как аспекта, грани тотальной ценностно-смысловой социальной реальности людей культуры, с присущей праву функцией быть регулятором, организатором и хранителем культуры, представленной в правовом измерении как Правопорядок. Действительно, и мы

здесь повторимся еще раз, культура – это всегда фактический Правопорядок вещей, идей, людей и отношений между ними.

«Источник права пребывает во внутреннем мире человека и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к внутреннему миру, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения, и сложившись, порождают живой поступок человека», – писал И. Ильин в своей знаменитой работе «Понятие права и силы. Опыт методологического анализа» [21]. Ту же идею несет в себе суждение и другого ученика П. Новгородцева – Н. Алексеева, полагавшего, что правовая реальность будет отсутствовать до тех пор, пока сторонами подобных отношений не станут реальные личности или, по крайней мере, пока реальные личности не признают для себя значение подобных правовых отношений [22, С. 186].

Выводы. Изложенную концепцию атрибутивных и системно-структурных элементов права, выражающих, с нашей точки зрения, его сущность и феноменологию, рассматриваемую нами как один из «возможных» вариантов онтологии права, мы полагаем в качестве пространственно-временных границ наших последующих размышлений о месте и роли человека в праве. В связи с этим еще раз четко обозначим главные моменты авторской концепции правового бытия.

Согласно нашим суждениям, сущностные характеристики права, восходящие к фундаментальным способам организации человеком как родом и индивидом своего бытия, к числу которых относятся трансгрессивность и «недоброжелательная общительность», совпадают с сущностными характеристиками иных социальных регуляторов – нравственностью и моралью. Эти сущностные характеристики суть социокультурные ценности, абсолютные по своему статусу в человеческой культуре и диалектически взаимосвязанные между собой: свобода, справедливость и равенство. Эти ценности всегда – а иного и быть не может – проявляются в присущей культуре форме нормативности и формальности. Иное дело, что когда мы говорим о специфике права, отличии права от нравственности и морали, мы говорим о присущих праву атрибутивных признаках, т.е. тех характеристиках права, вне которых право перестает быть таковым, но которые вытекают из его (права) сущности, общей как для нравственности, так и для морали.

К числу этих атрибутивных характеристик относятся: во-первых, внешнее по отношению к субъекту права «категорически императивное» властное принуждение к исполнению правил и образцов поведения (правовых норм); во-вторых, легальность как законосуществование правовых норм, призванных закрепить властное принуждение; и, в-третьих, легитимность как способ придания законам (правовым нормам) общезначимого, конвенционального, общепринятого статуса в данной культуре.

Все эти сущностные и атрибутивные характеристики права воплощены в предметно-идеальные формы существования, образующие системное единство правовой реальности как наличного инструментального, экзистенциального фактического права, так и правового знания и правовой психологии в качестве

«образа» правовой реальности, ее идеального, долженствующего быть, но не существующего «здесь-и-сейчас» онтологического измерения.

К числу элементов правовой реальности как наличного, инструментального и предметно-экзистенциального права, т. е. всего того, что принято называть позитивным правом, относятся правовые институты, правовые отношения и человек правовой в качестве рода и индивида.

Человек в правовой сфере – подлинное основание права, его исток и начало всевозможных функциональных проявлений права. К числу основных функциональных проявлений человека как его тотальной правовой жизнедеятельности, качественно выявляющей себя на разных этапах социального онтогенеза, следует относить, во-первых, правовую психологию во всей феноменологической гамме ее идеального существования: от правового менталитета, феноменов переживания права, «чувствования нрава», до правового сознания (осознания права); и, во-вторых, правовую идеологию как форму правознания: от отраслевых теорий права, общей теории права (социологии и истории права) и до онтологических философских моделей правовой реальности и правового бытия в целом.

Список литературы

1. Нерсисянц, В.С. Философия права : учеб. для вузов / В.С. Нерсисянц. – Москва : Инфра – М.: Норма, 1997. – 652 с.
2. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Москва : БЕК, 1995. – 320 с.
3. Hoebel E. The Law of Primitiv Man. Cambridge, Massachusetts, 1954, LI+496 p.
4. Tappen Paul W, The Sociology of Inheritance // Social meaning of Legal Consepts. – N.Y. 1948. XXI+318 p.
5. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер. – Москва : Прогресс, 1985. – 470 с.
6. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – Москва : Праксис, 2001. – 256 с.
7. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С.И. Максимов. – Х.: Право, – 2002. – 328 с.
8. Спекторский, Е.В. Юриспруденция и философия / Е.В. Спекторский // Юридический вестник. – 1913. – Кн. 7. – С. 60-92.
9. Жоль, К. Философия и социология права / К. Жоль. – К.: Юринком Интер, 2000. – 480 с.
10. Философия права. Конспект лекций / под ред. О.Г. Данильяна. – Х.: Право, 2009. – 176 с.
11. Лазарев, В.М. Принцип правового равенства и юридическая ответственность (проблемы методологии и теории взаимосвязи) / В.М. Лазарев, В.Г. Федорова. – Волгоград : ВолГУ, 2005. – 132 с.
12. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов / В.Г. Графский. – М.: Норма, 2007. – 752 с.
13. Миколенко, Я. Три концепции права / Я. Миколенко // Советсткое государство и право. – 1965. – № 7. – С. 18-36.
14. Давид, Р. Основные правовые системы современности: [пер. с франц.] / Р. Давид. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.

15. История политических и правовых учений. – М.: Инфра-М.: Кодекс, 1995. – 728 с.
16. Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 544 с.
17. Лапаева, В.В. Социология права / В В. Лапаева. – М.: Норма, 2008. – 356 с.
18. Керимов, Д.А. Философские основания политико-правовых исследований / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1986. – 332 с.
19. Петражицкий, Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. – IV+265 с.
20. Ильин, И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т.1. Философия права. Нравственная философия / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1993. – 400 с.
21. Ильин, И.А. Понятие права и силы. Опыт методологического анализа. В 2 т. Т. 1. / И.А. Ильин. – М.: Медиум, 1993. – 274 с.
22. Алексеев, Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимодействии их методов / Н.Н. Алексеев. – М.: Тип. императорского моск. ун-та, 1912. – 218 с.

УДК 342.725

ТЕНДЕНЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Гулякина Е.В., преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: elena.gulyakina72@gmail.com)

В статье рассмотрены основные тенденции развития и распространения русского языка на территории бывших советских республик, дан анализ политики рассматриваемых государств в отношении русского языка в этих странах и тенденции регулирования правового положения того или иного языка в государстве в современном мире.

Ключевые слова: русский язык, статус, государство, постсоветское пространство, правовое регулирование, языковая среда, перспективы.

TRENDS IN THE REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET STATES

Gulyakina, E.V.

The article examines the main trends in the development and spread of the Russian language in the former Soviet republics, analyzes the policy of the states in question regarding the Russian language in these countries and the trends in regulating the legal status of a particular language in the state in the modern world.

Keywords: Russian language, status, state, post-Soviet space, legal regulation, language environment, prospects.

Актуальность темы исследования. В статье изучено влияние современной антироссийской политики на роль русского языка в странах бывшего социалистического блока, где ещё тридцать лет назад он был главным, государственным языком. Актуальность данной темы обусловлена изменениями в отношении как к России в целом, так и к её культуре, важнейшей частью которой является язык. Культура отмены российской культуры всё активнее процветает не только на Западе, но и в странах, ранее являвшимися верными союзниками Российского государства.

Анализ научных исследований. Научная разработанность темы невелика. В ходе исследования изучались работы Д.В. Палаткина, И.В. Задорина, И.В. Подобеда, Е.А. Маркова.

Цель исследования. Путём изучения теоретических материалов и исследований по данной теме, а также законодательства и социальной политики

государств постсоветского пространства проведен анализ роли русского языка в данных странах и перспективы его развития в современном мире.

Изложение основного материала. Прежде чем рассмотреть нынешнее положение русского языка в других государствах, стоит определить, что именно влияет на положение того или иного языка в иностранном обществе. Тут можно выделить несколько факторов, основным из которых является исторический. Многое в государстве зависит от исторического пути его становления и развития. Данный фактор влияет в основном на процент использования иностранных языков в быту, нежели в обществе в целом. Так, население стран, образованных самостоятельно, путём сложных социальных и политических трансформаций и обладающее собственной развитой культурой и языком, отдаёт предпочтение родному языку в быту, нежели иностранному, даже при условии его широкого распространения. В качестве примера стоит привести страны Кавказского региона, такие как Армения и Грузия. Армянский язык образовался под влиянием древнегреческого, древнемакедонского и других индоевропейских языков, но менее подвержен влиянию языков других национальностей благодаря высокому уровню развития древнеармянского государства. Грузинский язык имеет также очень глубокие корни развития, неизученные полностью до сих пор. Образование грузинского языка связывают с семьёй картвельских языков [9].

Другие государства, образованные искусственно вследствие покорения местных народов и племён более мощными государствами или отколовшиеся от таковых в ходе национального самоопределения и отстаивания собственной независимости. Примеры таковых можно найти всё в том же Кавказском регионе: Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия. Данные государства много веков развивались под влиянием стран Ближнего Востока и Средней Азии. В своё время они являлись составными частями великих держав, что задавало основной вектор развития языковых, социальных и культурных норм на всю дальнейшую историю их существования. Наибольшее влияние на развитие языков Кавказа оказали Сельджукское и Персидское государства, Османская империя, а также Татаро-Монгольское Ханство. Соответственно, языки государств данной языковой семьи будут менее подвержены влиянию языковых семей других частей мира и активно будут перенимать языковые нормы языков, от которых образованы. Российское государство оказало лишь небольшое влияние на данный регион и опорой тому послужили поселения российских подданных и армейские форпосты, образованные для охраны границ империи и развития торговых связей с народами Кавказа.

Из торговых отношений исходит ещё один фактор, влияющий на положение иностранного языка в государстве – это экономические связи государств, их экономическая заинтересованность и экономическая зависимость друг от друга. Государство, заинтересованное в сотрудничестве с другой державой, так или иначе будет вынуждено развить институт изучения языковых норм страны-партнера. Без знания языка такое экономическое сотрудничество будет краткосрочно, а то и вовсе невозможно [9].

Немного иное положение возникает в странах, не обладающих достаточным уровнем экономического развития для равноценного

сотрудничества с иными странами. В связи с этим они попадают в экономическую зависимость от более развитого партнёра, а население стремится изучить язык государства, в котором имеются перспективы на трудоустройство или эмиграцию. В данном случае рассматривается показатель владения интересующим языком среди населения другого государства. Яркий пример расположен в Восточной Европе, самое бедное государство в данном регионе – Молдова. Несмотря на невысокую долю русских в населении страны, а именно 4,1% на момент 2014 года, около 81% населения страны свободно владеет русским языком, а в быту его использует 23% населения. Вызвано это тем, что большинство молдаван вынуждены искать работу за границей, и Российская Федерация занимает не последнее место в списке стран ближнего зарубежья, наиболее подходящих для трудовой миграции. Помимо РФ таковыми является Украина и Румыния, меньше Болгария [7].

Следующим, иногда имеющим судьбоносный характер, является законодательно-правовой фактор. Попадая под действие вышеописанных факторов, правительство предстаёт перед выбором: развивать изучение и использование того или иного языка в государстве или напротив, противостоять его влиянию, если, по мнению законодателя, данное влияние другого государства несёт негативный эффект для страны, в том числе для национального языка. Учитывая показатели распространённости и уровня знания иностранного языка, можно увеличить его правовое значение в государстве, вплоть до признания его государственным, а если популяризация данного языка считается невыгодной, то необходимо усилить обучение национальному или иному иностранному языку для нивелирования влияния неугодного государства. Данный фактор является подытоживающим для положения иностранного языка в государстве на основании предыдущих двух и геополитической обстановки в регионе и мире в целом.

Приняв ко вниманию вышеизложенное, можно провести исследование о положении русского языка в странах бывшего социалистического блока. В работе используются данные исследования Ассоциации «Евразийский монитор» (ЕМ). Некогда члены СССР, а ныне независимые государства, с точки языкового баланса можно разделить на 4 группы [4, С.142].

К первой группе стоит отнести саму Россию и Беларусь. В данных странах русский язык имеет статус государственного и используется абсолютным большинством населения. В Республике Беларусь, помимо русского языка, также имеется свой родной – белорусский язык. Он является представителем той же языковой семьи, что и русский, но популярностью обладает меньшей. Около 72% белорусов используют русский язык в быту. Такая популярность объясняется сразу всеми факторами из представленных выше. Тут и исторический аспект, ввиду тесного сожительства русских с белорусами, а также доминирование первых на протяжении многих веков, и экономический аспект – Беларусь хоть и не самое бедное государство в Восточной Европе, но многомиллиардные кредиты от РФ и тесное сотрудничество в сфере обмена трудовыми ресурсами накладывают свой отпечаток на приоритетность русского языка даже над родным, белорусским. Очень многие белорусы работают в

России (более высокие зарплаты, пособия, льготы – всё это делает Россию и русский язык более привлекательными в обществе). Но благодаря такому своеобразному симбиозу двух языков: русского и белорусского, в обществе нет противоречий относительно применения того или иного. Белорусы знают и любят свой язык так же, как знают и почитают русский, применяя их в быту и работе.

Во вторую группу можно внести страны, которые находятся в пограничном состоянии между дальнейшим использованием русского языка и укреплением национального языка. К таковым относятся: Украина, Казахстан и Латвия. Во всех этих странах наблюдается раскол по языковому признаку, вызванный законодательно-правовым и историческим фактором. Ранее территории этих стран нередко становились полем политических и военных конфликтов, что позволило сформироваться определённой националистической прослойке общества. Имея, на их взгляд, богатую самодостаточную историю развития и существования государства, данные страны желают избавиться от влияния России во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и от русского языка.

Казахстанские власти всё ещё в тесных и дружественных отношениях с правительством РФ, что, конечно, способствует поддержанию должного уровня знания и употребления русского языка. Однако в глубинке националистически настроенные граждане относятся с явным неуважением и презрением к носителям российского языка. В связи с недавними политическими событиями как в самом Казахстане, так и в мире, казахи всё больше сомневаются в правильности действий России и постепенно проникаются культурой отмены всего русского. В особо жестко и националистически настроенных регионах уже становится нормой избегать разговоров на русском с местным населением, т.к. это может привести к негативным последствиям, вплоть до межнационального конфликта. Тем не менее русский язык в Казахстане по-прежнему остается языком межнационального общения и перспективным в изучении среди молодежи и трудовых мигрантов.

Чуть более сложно дела обстоят в Латвии, там наблюдается языковой раскол среди общества по этническому признаку. Очень много русских проживают на территории Латвии, и они обладают своими правами на определение будущего своей страны. Однако прозападная политика латвийских властей, принятая ещё в 90-х годах и направленная на избавление от российского влияния, а также вычеркивания из истории государства и памяти граждан о советском прошлом Латвийской ССР, явно идёт в разрез с их требованиями. В отличие от прочих стран данной группы, Латвийская экономика почти независима от РФ, соответственно у населения нет стимула изучать русский язык, так как работа в Европе будет значительно перспективнее, как и знание английского языка. Соответственно, в скором времени русский язык в Латвии будут знать лишь выходцы из русских семей, при условии соблюдения такой традиции среди латвийских россиян. Поразительно и то, что 81,2% жителей владеют русским языком, из них 37,5% – как родным, но официального статуса русский язык в Латвии не имеет. Более того, в школах время его изучения

уменьшается, что в 2014 году привело к митингам русскоговорящих граждан [4, С. 143].

В Украине ситуация с русским языком является крайне противоположной белорусской и значительно худшей чем в Латвии. Безусловно, сказать, что украинский язык – продукт переосмысления и перенимания украинцами языка русского, нельзя. В период развития обоих языков это были лишь наречия из общего древнеславянского языка, а в качестве отдельных языков их можно наблюдать лишь после распада и разделения славянских племён в X-XIII вв. С тех пор их развитие продолжалось по собственным направлениям, однако в непрерывной связи друг с другом [6, С. 77].

Языковой раскол общества в Украине имеет географический принцип, так, западная часть Украины, населенная в большей степени этническими украинцами, предпочитает использовать украинский язык. На востоке Украины преобладает русскоязычное население, состоящее в основном из выходцев из России и предпочитающее русский язык как основной. Также есть центральная часть страны, где основным языком считается «суржик» – смесь русского языка с украинским. Также на территории Украины на момент 2001 года доля русских в населении составляла 17,3%, а доля свободно владеющих русским языком к 2013г. достигла 84%, из них 37% используют в быту исключительно русский язык, а 16% русский на уровне с титульным. [4, С. 148].

Согласно приведённым статистическим данным, можно сделать вывод, что русский язык в Украине достаточно распространен для того, чтобы стать государственным. Но статус русского языка в Украине никогда серьезно не рассматривался, а использовался как средство политической борьбы [3].

К 2014 году данная проблема привела к тому, что политическая борьба переросла в вооруженный конфликт. Пока на юго-востоке Украины люди сражаются за право быть русскими и самостоятельно решать судьбу своего региона, в центральной и западной части без знания украинского языка невозможно получить обслуживание ни в отеле, ни в заведении общепита, ни в магазине. Решить проблему представлялось возможным на ранней стадии, в 2000-х годах, однако в то время вопросами русского языка занимались в последнюю очередь. А нацистские движения сделали ставку на русский язык как средство для разжигания ненависти и злобы в долгосрочной перспективе, и долгие годы продвигались к политической власти с целью недопущения признания русского языка государственным, а в будущем, возможно, для его полного запрета. Реализовать данный план, вычеркнуть половину страны из участия в жизни государства при тесных экономических, политических и исторических связях не получится. Русский язык по праву занимает своё место в Украине, и его отмена приведёт к необратимым негативным последствиям [1].

Третья группа состоит из Эстонии, Молдовы и Киргизии, где русский язык используется лишь 20 – 30% населения. В Эстонии русский язык используется в основном старшим поколением, выросшем ещё при СССР, и носит скорее исторический характер. В Киргизии ситуация совершенно обратная, русский язык набирает всё большую популярность среди молодежи с целью трудовой миграции на территорию РФ. Молдова отнесена к данной группе в связи с тем,

что помимо русского языка, ещё несколько иностранных языков борются за право быть основным. А трудовая миграция, повсеместная безработица лишь способствуют продвижению в общество тех языков, со знанием которых проще найти работу за границей.

Четвёртая группа включает в себя Литву, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Армению и Грузию. Доля русских в данных странах ничтожно мала, как и доля русскоговорящего населения. Местная языковая среда, в особенности в Кавказском регионе, не считается благоприятной для использования русского языка. Однако уровень знания языка в большинстве из этих стран довольно высокий, что также справедливо для трех предыдущих групп и демонстрирует незаменимость русского языка. Одной из причин тому служит высокий уровень безработицы в некоторых из этих стран, таких как Узбекистан и Таджикистан. Для прочих стран фактором, влияющим на уровень владения русским языком, является общее прошлое в составе Советского Союза, большое количество связей между их гражданами и выходцами из России, как родственных, так и деловых.

Рассмотрев положение языка с точки зрения важности для социума, можно выделить важнейшее его значение, которое во многих рассмотренных странах утверждено законодательно и служит не только на пользу обществу, но и государству в целом.

Во времена СССР русский язык обладал статусом языка межнационального общения на территории всех республик, входящих в состав государства. В связи с этим в период существования СССР уровень знания и распространённости русского языка стремительно повышался. Жить в Советском Союзе и не знать ни слова по-русски было фактически невозможно. В каждой республике он преподавался, что в итоге привело к некоторому ущемлению позиций языков национальных. После распада СССР либеральные движения всех бывших республик буквально вымещали злобу и обиду на всё русское, в том числе и на язык. Отсутствие интереса к обучению национальному языку они видели не в рекордных уровнях безработицы и уж тем более не в низком уровне образования на всех его уровнях, а в ущемляющем русском языке. Был принят курс на популяризацию национальных языков и переосмыслению роли языка русского.

В странах Прибалтики это носило вполне обоснованный характер. Они обладали собственными языками, прошедшими долгий путь становления и развития, а уровень их преподавания позволял уменьшить изучение русского языка без вреда для общей грамотности населения. Так, в Латвии была проведена школьная реформа, установившая норму преподавания на латышском языке во всех школах не менее 60%. Как следствие, под реформу попали и школы национальных меньшинств, где предпочтение отдавалось родному для многих граждан русскому языку. В итоге это вызвало массовые протесты, и школьная реформа была пересмотрена, но общий вектор развития законодательства по отношению к русскому языку и его носителям был задан. В Эстонии дела обстояли схожим образом. Также как и в Латвии, после развала СССР была восстановлена в действии довоенная конституция, нормами которой все

носители русского языка, чьи предки не имели эстонского (в случае Латвии – латышского) гражданства лишались гражданства и приобретали абсолютно абсурдный и противоречащий всем нормам права о гражданстве статус «неграждан». В области применения языка русский язык не был подвергнут серьёзным притеснениям, в связи со своей относительно низкой популярностью. Литва имела отличительную черту среди иных Прибалтийских государств – значительный перевес коренного населения и соответственно самый низкий среди них уровень использования русского языка. Здесь в среднем всего 5% населения общается на русском языке, и с каждым годом эта цифра будет постепенно снижаться. Образовательные реформы в Литве не препятствовали обучению на родном языке до 2010 года, а в 2011 вступил в силу закон «Об образовании», в котором уже не предусматривалась возможность обучения на национальном языке. Правовое положение языка в Прибалтике не однозначно: в Латвии и Эстонии отдельного статуса русский язык не имеет, а в Литве он имеет статус иностранного языка [4, С. 157].

В Восточной Европе статус русского языка также разнится. Конституцией Республики Беларусь за русским языком закреплён статус государственного на уровне с белорусским. В Приднестровской Молдавской Республике статус официального языка на равных началах придается молдавскому, русскому и украинскому языкам. При этом чаще всего используется именно русский язык. В Молдавии и Румынии русский язык обладает официальным статусом лишь в некоторых регионах, в связи с большой долей русскоговорящего населения, проживающего в них.

Резкая смена статуса русского языка была проведена в Украине. Там русский язык, несмотря на низкие показатели опросов населения, фактически преобладает над украинским. Большинство жителей Украины в равной степени хорошо владеют как украинским, так и русским языками. До 2012 года положение русского языка было неоднозначным и неопределённым, он считался языком национального меньшинства, несмотря на значительно большую распространённость [2].

В 2012 году Законом «Об основах государственной языковой политики» русскому языку был присвоен статус «регионального языка», что значительно улучшило правовое положение и защиту русского языка, особенно в юго-восточных регионах страны. Региональный язык использовался на этой территории в работе местных органов государственной власти и ОМС, применялся и изучался в учебных заведениях. Также данный закон декларировал свободное использование региональных языков, наряду с государственным языком, практически во всех сферах жизнедеятельности [1; 8].

Однако, после государственного переворота и прихода к власти нелегитимной хунты начался процесс вытеснения русского языка с территории Украины. Теперь на законодательном уровне запрещено использование русского языка. За использование русского языка в сфере обслуживания работнику грозит предупреждение, а в дальнейшем и штраф. Всё это никак нельзя считать государственными реформами, это фактическая дискриминация на основании языкового и этнического признака, что прямо противоречит статье 24

Конституции Украины. Дальнейшее развитие политики в отношении русского языка неизвестно, однако улучшения его положения можно ожидать лишь при успешном окончании Специальной Военной Операции.

В Кавказском регионе русский язык в большинстве своём признан иностранным языком, за исключением некоторых государств. Так, Армения признаёт русский язык одновременно в двух положениях: иностранного языка и языка национального меньшинства. В Республике Южная Осетия и Нагорно-Карабахской республике за русским языком признаётся статус официального наравне с национальными языками данных государств. В Республике Абхазия русский язык также признан государственным, но в государственных органах, предприятиях и организациях он используется лишь по востребованности или при невозможности использования абхазского языка.

По уже ранее названным причинам, русский язык в Средней Азии не получил особого распространения после развала СССР. Его носителями там являются лишь люди старой закалки, обучавшиеся ещё при Советском Союзе, а также молодежь, желающая эмигрировать в Россию с целью заработка, или для налаживания экономических связей с предпринимателями из РФ на территории своих государств. Однако не стоит считать уровень знания русского языка в Средней Азии низким. При СССР общий уровень образования на данной территории оставлял желать лучшего и силами специалистов со всего союза он значительно возрос к моменту обретения ими независимости. Получив право самостоятельно определять свою судьбу, каждое из рассматриваемых государств поступило по-своему.

В Таджикистане доля русского населения крайне мала (около 2%), что естественно не потребовало особых мер по регулированию положения русского языка. Как и в СССР, в Таджикистане русский язык считается языком межнационального общения. Схожая демографическая ситуация и в Узбекистане, однако помимо и так малой распространённости русского языка, он был лишён даже статуса языка межнационального общения, а его применение в государственных органах и организациях не поощряется.

В Киргизской Республике в качестве официального употребляется русский язык, но с некоторыми ограничениями. Так, при условии преобладания на определённой территории лиц, владеющих государственным языком, государственные органы и ОМС обязаны принимать и публиковать нормативно правовые акты на государственном языке.

Наилучшим положением в Средней Азии русский язык обладает в Казахстане. Там он имеет статус официального и применяется наравне с казахским, за исключением судопроизводства и некоторых других сфер деятельности. Но даже в Казахстане статус русского языка выражен довольно неточно. Связано это со значительным оттоком русскоязычного населения из страны и постепенным падением использования русского языка среди всех слоёв населения. На данный момент идёт постепенная реформация языковой политики Республики Казахстан, в том числе переход от кириллицы к латинице при использовании казахского языка. Возможно, в будущем положение русского

языка останется неизменным и укрепление национального языка не станет преградой в изучении и использовании других языков.

Выводы. Подводя итог, можно сказать, что положение русского языка является отражением политики государства. И если рассматривать его положение в других странах, то стоит отождествлять это с положением дел в области иностранных дел и международно-экономических связей. На данный момент можно наблюдать постепенное снижение популярности русского языка в странах, где доля русскоговорящего населения мала или также претерпевает снижение. В конечном итоге такая тенденция ведёт к двум возможным исходам. Первый вариант – наиболее оптимистичный – это снижение уровня использования языка и его статуса до такого положения, которое ему позволит и дальше функционировать на территории данных стран, не притесняя права лиц, его использующих. Этот исход возможен при естественном снижении популярности и в итоге стабилизации положения языка до возникновения иных социальных, экономических или иных изменений.

Второй вариант, он же наиболее пессимистичный, – это полный отказ на государственном уровне от использования русского языка как не популярного, не соответствующего политике государства или хуже того, неугодного радикально настроенной политической элите. Данный процесс наблюдается в странах, где уже сейчас преобладают националистически настроенные радикальные русофобские движения: Латвия, Польша, Украина, Эстония – все они стремятся избавиться от русского языка и его носителей, как от страшного сна или столь неугодного им советского наследия.

Регулирование правового положения того или иного языка в государстве безусловно полностью подведомственно правительству и происходит исходя из потребностей и интересов страны. Однако страна – это прежде всего её народ, а правительство – его представитель. И ущемление представителем народа какой-либо его доли нельзя считать правомерным. Положение языка иностранного и государственного, должно в полной мере соответствовать нуждам населения страны, представляющего тот или иной язык. И дискредитация как языка по признаку носителя, так и носителя по языковому признаку считается недопустимым в современном мире.

Список литературы

1. Арковская, А.А. Изменения в статусе русского языка на Украине: анализ и тенденции социально-правовых аспектов / А.А. Арковская // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 1(3) – С. 26-37.
2. Бирюкова, С.Н. Проблемы функционирования русского языка на Украине / С.Н. Бирюкова // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2014. – №3(3). – С. 27-31. – EDN THXOUB.
3. Всеукраинская перепись населения 2001 года. Языковой состав населения Украины // Государственный комитет статистики Украины: сайт. – URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/> – (дата обращения: 24.03.2025).
4. Задорин, И.В. Русский язык в Северной Евразии: политические и

- демографические факторы распространенности и использования / И.В. Задорин, И.В. Подобед // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). – 2020. – № 3 (98). – С. 136-164. – DOI 10.30570/2078-5089-2020-98-3-136-164. – EDN CLNNQT
5. Закон Украины от 03.07.2012 № 5029-VI «Об основах государственной языковой политики» – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/5029-17> – (дата обращения: 24.03.2025).
 6. Маркова, Е.А. Политика Украины в языковой сфере: основные итоги / Е.А. Маркова // *Проблемы постсоветского пространства*. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 73-83. – DOI 10.24975/2313-8920-2020-7-1-73-83. – EDN GYPUPU.
 7. Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества. Аналитический доклад». (2017) // *Евразийский монитор*, 17.11. – URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-7-8> – (дата обращения: 24.03.2025).
 8. Решение Конституционного суда Украины от 14 декабря 1999 года № 10-рп/99. Дело №1-6/99 «По конституционному представлению 51 народного депутата Украины об официальном толковании положений статьи 10 Конституции Украины относительно применения государственного языка органами государственной власти, органами местного самоуправления и использования его в учебном процессе в учебных заведениях Украины» (Дело о применении украинского языка). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30937129 – (дата обращения: 24.03.2025).
 9. Русский язык в новых независимых государствах: состояние и перспективы. Аналитический отчет. (2007) // *Евразийский монитор*, 18.12. – URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-27-224> – (дата обращения: 24.03.2025).
 10. Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространенности. Аналитический отчет. (2009) // *Евразийский монитор*, 11.03. – URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-144-8> – (дата обращения: 24.03.2025).

УДК: 343.148:81

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дмитриева А.А., старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: AnnaFr83@mail.ru)

Статья посвящена исследованию языковых преступлений как категории правонарушений, совершаемых посредством языка. Особое внимание уделяется анализу лингвистических механизмов, которые используются в речевых преступлениях. Анализируются случаи использования языка при совершении преступлений. Рассматриваются правовые нормы, регулирующие языковые преступления.

Ключевые слова: языковые преступления, манипулирование, вражда, ложная информация.

LANGUAGE CRIMES

Dmitrieva, A.A.

The article is devoted to the study of linguistic crimes as a category of offenses committed through language. Special attention is paid to the analysis of linguistic mechanisms that are used in speech crimes. The cases of the use of language in the commission of crimes are analyzed. The legal norms governing language crimes are considered.

Keywords: language crimes, manipulation, hostility, false information.

Актуальность темы исследования. В современном мире вопросы лингвистической экологии и языковой безопасности приобретают особую значимость. Язык не только является средством общения, но и сильным инструментом воздействия, он может использоваться в деструктивных целях, что порождает феномен языковых преступлений.

Актуальность исследования данной темы обусловлена рядом факторов. Это, в первую очередь, распространение дезинформации и фейковых новостей. Посредством глобальной информационной сети манипулирование языком искажает реальность и формирует общественное мнение.

Во-вторых, растёт уровень агрессии и ненависти в онлайн-пространстве. Через цифровые платформы и социальные сети распространяется язык ненависти, что приводит к радикализации взглядов и росту насилия.

В-третьих, язык используется в целях политической пропаганды и манипуляции.

В-четвёртых, посредством языка нарушаются права человека, что ведёт к социальной напряжённости.

Таким образом, изучение языковых преступлений является важной задачей лингвистики, юриспруденции, социологии, психологии. Эффективные стратегии противодействия деструктивному использованию языка и защиты прав граждан можно разработать только при условии комплексного анализа лингвистических механизмов, лежащих в основе языкового насилия.

Анализ научных исследований. Термин «языковые преступления» впервые в своей работе использовал Ю.В. Рождественский в работе «Теория риторики», в которой речевые преступления фигурируют в связи с ограничениями свободы слова в разных странах [10, С. 494].

Исследованием речевых преступлений занимаются лингвисты, юристы, психологи и социологи. Лингвисты изучают, как используется язык для манипулирования, обмана, разжигания вражды. Юристы разрабатывают правовые нормы, которые направлены на то, чтобы пресечь языковые преступления. Психологи занимаются вопросами психологических механизмов, которые лежат в основе языковой агрессии. Социологи изучают социальные факты, которые способствуют распространению данных преступлений.

Лингвист Виктор Живков занимался изучением лингвистических признаков экстремистских текстов. Анатолий Баранов специализировался на судебной лингвистике. Юрист Ирина Михайловская занималась разработкой правовых норм, направленных на борьбу с разжиганием ненависти. Сергей Белов изучал влияние социальных сетей на распространение языка вражды. Татьяна Фролова исследовала психологические последствия словесной агрессии для детей и подростков.

Следует отметить, что речевые преступления – это та область изучения, которая требует междисциплинарного подхода и сотрудничества специалистов из разных профилей.

Цель исследования – выявление, анализ и систематизация случаев злоупотребления языком, которые негативно влияют на конкретную личность, отдельные группы и общество в целом; установление механизмов и закономерностей, при помощи которых язык используют в целях дискриминации, манипуляции, разжигания ненависти и распространения ложной информации.

Изложение основного материала. Языковые преступления – это правонарушения, которые совершаются посредством вербального речевого поведения с использованием продуктов речевой деятельности. Эти тексты могут распространяться в средствах массовой информации [7, С. 84].

К языковым преступлениям относят:

1. Диффамация – распространение порочащих сведений. От клеветы отличается тем, что при клевете преступление заключается в заведомой лживости, которая позорит того, кого оклеветали. При диффамации состав преступления заключается в разглашении, даже если разглашающая сторона уверена в правдивости информации.

Если распространяются заведомо ложные порочащие сведения, диффамация называется умышленной, недостоверной. Неумышленное распространение подобных сведений считается неумышленной недостоверной диффамацией. Распространение правдивой порочащей информации подразумевает достоверную диффамацию.

2. Клевета – это распространённое правонарушение, при котором информация не соответствует действительности и унижает честь и достоинство личности. Отличается от диффамации присутствием намерения – субъективной стороны преступления, юридизированного психологического состояния. Намерение можно установить только в суде. Это состояние можно описать термином коммуникативной лингвистики как коммуникативное намерение, интенция, которая в тексте выявляется как жанрово-дискурсивное целевое руководство, а на уровне высказывания, речевого акта как иллокутивная функция, которая обозначает коммуникативную цель высказывания, то, ради чего оно произносится.

3. Оскорбление – унижение достоинства и чести личности. Заключается в негативной оценке личности человека, его качеств, поведения, к тому же в форме, которая, противоречит установленным правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали.

4. Словесный экстремизм – публичные призывы к экстремистской деятельности, обоснование и оправдание её необходимости, осуществляемые при помощи средств массовой коммуникации.

Языковые преступления – это только начало, некий старт для совершения особо тяжких преступлений. Они функционируют в определённых языковых структурах, чаще всего это слова и словосочетания.

Лингвистическое преступление – это нарушение такой нормы существования текста, как его соответствие правилам языка, мышления и действительности. Такие преступления совершаются путём использования продуктов речевой деятельности, в нематериальной области содержаний, главное свойство которых – множество интерпретаций.

В настоящее время назначение лингвистической экспертизы является одной из главных потребностей в юридической практике, так как при решении спорных вопросов, касающихся анализа формальной и содержательно-смысловой стороны речи, требуется помощь лингвистов-экспертов.

В последнее время увеличилось количество судебных исков по делам, в которых источником правонарушения является слово. Можно лишиться свободы за напечатанную информацию, размещённую в комментарии или записанную на диктофон, поскольку результаты лингвистической экспертизы влияют на вынесение судебного решения.

Перечень вопросов, по которым назначается экспертиза, неограничен, поэтому очень часто её используют при определении смыслового содержания высказывания. Это могут быть угрозы, оскорбления, пропаганда, противоправная деятельность. В судебных делах, которые рассматривают языковые конфликты, отмечается, что правонарушения совершаются посредством продуктов речевой деятельности [3, С. 15].

Лингвистика – интегративная наука. Е.С. Кубрякова в своих исследованиях говорит о том, что в настоящее время лингвистика характеризуется принципами функционализма, экспланатарности, антропоцентризма, экспансионизма. Языкознание изучает функционирование языка в различных сферах (юридической, политической, психологической и т. д.) [4, С. 35]. Таким образом, связь лингвистики и права очевидна, что также распространяется на преступления, совершённые при помощи слова.

Рассмотрим само понятие «языковое преступление». Оно находится на стыке лингвистики и юриспруденции. Многие исследователи сходятся во мнении, что это разновидность лжи. Но относится ли любая ложь к разряду языковых преступлений? Следует отметить, что только обман, который имеет разрушительный характер, распространяется политической системой социума и вещается через средства массовой информации можно причислить к речевым преступлениям. Можно сделать вывод, что речевые преступления стали возможны при помощи передачи информации через СМИ.

Большое распространение в современных реалиях принадлежит скрытой манипуляции для управления умами и сознанием общества. Словесная манипуляция стала основанием для преступлений, совершаемых посредством слова.

Опираясь на схему «Мышление-язык-речь-манипуляция» можно рассматривать данный вид преступлений как явление языка. Всесторонний анализ языковых явлений поможет сориентироваться в сложившейся обстановке, понять суть нарушения, проанализировать мотивы и принять все необходимые меры.

Следует отметить, что данный вид преступлений направлен на скрытие реальности, искажение информации, оправдание действий разрушительного характера и преподнесение информационного контента как правильного и необходимого.

В современных СМИ всё чаще распространяется информация, которая носит разрушительный характер, направленная на формирование неадекватной картины мира, на саморазрушение личности или общества. Особенно в молодёжной среде продвигаются идеи суицида, зомбирования для беспрепятственного управления личностью.

Ложная картина мира в социуме может формироваться при активизации различных языковых средств: лексических, семасиологических, морфологических, синтаксических.

К речевым действиям, которые являются правонарушениями, относятся:

- оскорбление;
- клевета;
- распространение сведений, которые не являются действительностью и порочат честь, достоинство, деловую репутацию граждан и юридических лиц;
- неуважение к суду;
- распространение информации, выражающей явное неуважение к обществу сведений о памятных датах России, связанных с защитой Отечества,

днях воинской славы, осквернение символов воинской славы, совершённые публично;

- информационные действия, совершённые в целях оскорбления религиозных чувств верующих;

- публичные призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности;

- оправдание или пропаганда терроризма;

- возбуждение ненависти, вражды;

- унижение человеческого достоинства;

- угроза совершения террористического акта;

- ложное сообщение об акте терроризма;

- пропаганда нацистской атрибутики или символики;

- склонение, вербовка или другое вовлечение лица в террористическую деятельность;

- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью;

- доведение до самоубийства;

- склонение к совершению самоубийства или содействие этому;

- пропаганда наркотических или психотропных веществ;

- злоупотребление свободой массовой информации.

Часто возникает вопрос: является ли то или иное высказывание, призыв, лозунг, текст основанием для привлечения на скамью подсудимых, должен ли индивид нести ответственность за оскорбление, манипулирование? В этом может помочь разобраться эксперт-лингвист, но последнее слово всё равно будет за судом. Лингвисты работают не с отдельными словами, а с контекстом.

Существует четыре речевых вида деятельности – говорение, чтение, письмо, слушание. Совершить преступление посредством чтения и слушания невозможно, так как это внутренний процесс. Нарушение закона посредством говорения и письма возможно. Уголовный, административный и гражданский кодексы содержат информацию о преступлениях, касающихся речи. К таким видам речевого поведения относятся: клевета, оскорбление, распространение порочащих сведений, доведение до самоубийства, нарушение прав на интеллектуальную собственность, призывы к насильственной смене власти, к смене конституционного строя, нарушению территориальной целостности страны и др. Оскорблением считается унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Возникает вопрос: что значит «неприличная форма»? Неприличным считается то, что не принято в обществе. Сквернословие, стилистически сниженные слова, нецензурная брань могут оскорбить личность.

Следует учитывать, что ситуации бывают разными. Оскорбление является речевым ударом. Если ненормативная лексика не нарушает права человека, она является выразителем эмоций, негативной энергии. Человек, находясь, в обществе, взаимодействуя в социуме, должен понимать, что допустимо, а что нет. Какое речевое поведение является корректным, а какое недопустимым.

Различные формы наказания предусмотрены за клевету, испорченную репутацию, оскорбление, ложные показания и т. д. Нарушение уголовного права в юриспруденции считается преступлением. Не подчинение закону в

административном и гражданском кодексе считается правонарушением. Нарушение закона посредством высказываний называется речевым преступлением [9].

С точки зрения лингвистической экспертизы, те слова, которые есть в словарях русского языка, не считаются оскорбительными или унижающими честь и достоинство гражданина. В соответствии со статьёй 5.61 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП) юридические санкции за оскорбление применяются при унижении чести и достоинства личности, которое было выражено в неприличной форме. Существуют словари нецензурной лексики, которые смогут подтвердить факт того, что то или иное слово является оскорбительным. Не имеет значения, каким было слово – оскорбительным или нет – только в том случае, если унижается личное достоинство по признаку национальности, вероисповедания или социальной группы. Привлечение к ответственности за возбуждение ненависти или вражды предусмотрено Уголовным кодексом РФ. Административная статья за оскорбление предусматривает минимальные штрафы. Привлечение к ответственности за возбуждение ненависти более серьёзное. А при повторном преступлении гражданин лишается свободы сроком до трёх лет.

Распространение ложной информации может повлечь за собой тяжкие последствия. Ложной информацией считается та, которую нельзя доказать. Частым примером совершения речевых преступлений являются журналисты, которые некорректно выражают свою точку зрения. Их обвиняют в унижении чести, достоинства, оскорблении официальных лиц. Возникает вопрос: как отличить обычную критику от языкового преступления? Для того чтобы речь стала преступлением, оскорбление или унижение должно выражаться в неприличной форме. Это форма предполагает использование инвективной лексики, зооморфных метафор, слов, которые обозначают социально неприемлемое поведение. Возбуждение уголовного дела возможно при сравнении граждан, о которых говорится в публикации или лично, с историческими лицами, например, с Гитлером. Претензии могут предъявить лица, о которых распространяется критическая информация. Если в тексте нет информации, умаляющей деловую репутацию, не нарушаются общепринятые моральные нормы, честь и достоинство не унижается в неприличной форме, негативная информация не считается преступлением.

Эксперты при проведении лингвистической экспертизы текста сталкиваются с текстами массовой коммуникации. Анализ речевого поведения в суде – дополнительный, важный инструмент обнаружения истины. Суд всегда учитывает результаты лингвистической экспертизы при вынесении решений по тому или иному делу. В случае неадекватного анализа лингвисты-эксперты могут быть привлечены к уголовной ответственности.

В публичной сфере остро стоит вопрос употребления нецензурной лексики. В Законе о русском языке как государственном языке РФ указано – недопустимо употребление подобных выражений в СМИ. Работники масс-медиа несут высокую социальную ответственность. Если данными лицами

употребляется инвективная, обценная лексика, они должны нести ответственность за это [6, С. 231].

Нецензурной лексики с каждым днём становится всё больше. Из-за переизбытка информации в современном обществе мы ощущаем как позитивные, так и негативные проявления речевого разнообразия.

Клевету также можно отнести к разряду языковых преступлений. Заведомая ложность и распространение порочащих сведений также может привести индивида на скамью подсудимых. Для реализации своих целей человек может намеренно распространять ложную информацию, хотя на самом деле знает истинную сторону происходящего. Сложность состоит в том, что необходимо доказать, что личность намеренно распространяла клевету, а не просто заблуждалась. Лингвист не сможет точно доказать, что та или информация являлась клеветой. Он сможет определить, несёт ли информация в себе негатив, что именно является утверждениями и имеют ли они отношение к конкретному человеку.

На современном этапе развития общества лингвистические исследования речевых феноменов коммуникации преступника и его жертвы являются объектом языкознания. Это обусловлено тем, что очень часто действия, за которыми стоит криминальная ответственность, совершаются посредством речи. Одним из таких речевых преступлений является шантаж. Практика показывает, что большинство случаев шантажа зафиксировано в письменной форме. Всего 25% случаев данного явления относятся к устным высказываниям. В письменной форме данный феномен проявляется в шантажном письме. Этот вид насилия характеризуется грубым содержанием, угрозами, вымогательством, запугиванием и осуществляет давление на жертву. В шантажном письме присутствует речевая стратегия угрозы. Адресант избирает языковые средства для реализации коммуникативной цели с учётом моральных качеств и интеллектуального развития индивидуума.

Современные учёные постоянно акцентируют внимание на том, что современный язык – это язык ненависти, вражды, неправды и манипуляции как скрытое или не всегда скрытое и осмысленное влияние на сознание человека. В такой деструктивной информационной среде человек вынужден находиться. Поэтому в лингвистике возникают новые направления и исследовательские процедуры. Юридическая лингвистика, находясь на стыке языка и права, является направлением прикладной лингвистики, которая направлена на решение фундаментальных проблем, в том числе и коммуникативно-прагматических [2, С. 152].

Понятие дискредитации можно охарактеризовать как лингвоправовое. Оно активно используется в практике решения языковых правонарушений. Это коммуникативная стратегия, предназначенная для победы над противником в коммуникативном конфликте. Она предполагает использование недопустимых средств.

Языковой аспект лингвистического преступления заключается в речевом внушении. Такое внушение лишает человека возможности самостоятельно судить о том или ином вопросе, решать ту или иную проблему.

Языковые преступления являются предметом исследования лингвистической экспертизы. Одной из факультативных характеристик подобных преступлений является их умышленность, то есть осознанная манипуляция общественным сознанием, которая имеет разрушительные последствия для социума.

Речевые правонарушения – это вербальные преступления. Юристы говорят о том, что вербальность в разных составах преступлений может быть признаком объективной или субъективной стороны. Объектом правонарушений может быть информация, преподнесённая в виде произведений, которые являются объектом авторских прав; информация, которая является объектом патентного права; товарные знаки и знаки обслуживания.

В России рассматривается достаточно много дел, где текст – речевое произведение становится предметом споров и конфликтов. Посредством слова происходит нарушение закона. В речи индивида можно рассмотреть признаки объективной стороны правонарушения: защите чести, достоинства и деловой репутации, нарушение прав на интеллектуальную собственность, призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Выводы. Таким образом, искажение фактов, манипулирование словами, намеренное введение в заблуждение через языковые средства являются мощным инструментом воздействия на людей и их сознание. Такие преступления подрывают доверие к источникам информации, создавая тем самым почву для нестабильности в обществе.

Лингвистическая агрессия и язык вражды порождают акты насилия и радикализацию взглядов.

Борьба с языковыми преступлениями нуждается в комплексном подходе. Необходимо повышать уровень медиаграмотности населения, разрабатывать эффективные правовые механизмы и укреплять этические стандарты. Предотвращение языковых преступлений требует постоянного мониторинга и противодействия, как со стороны индивида, так и со стороны общества в целом.

Список литературы

1. Галяшина, Е.И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Е.И. Галяшина. – М., 2006. – 240 с.
2. Глинская, Н.П. Современные исследования западной юридической лингвистики: новые проблемы и подходы / Н.П. Глинская // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. – № 1. – С.152-158.
3. Дмитриева, А.А. Лингвистическая экспертиза текстов в юридической практике / Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: сборник научных трудов. – Вып. 25. – Донецк : ДГУЮ, 2023. – С.15-25.
4. Дмитриева, А.А. Юридизация естественного языка в правовой системе и текстах закона / Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки: сборник научных трудов. – Вып. 27. – Донецк : ДГУЮ, 2023. – С.35-44.

5. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита / Е.Л. Доценко. – М.: ЧеРо, 1997. – 264 с.
6. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика -2: Русский язык в его естественном и юридическом бытовании. – Барнаул, 2000. – С.223-235.
7. Золотарёва, Ю.А. Языковые преступления в аспекте общенаучной, конкретно-научной и специальной методологии / Ю.А. Золотарёва // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 45. – С.84-89.
8. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Омск, 1999. – 220 с.
9. Кара-Мурза, Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е.С. Кара-Мурза // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С.47-71.
10. Рождественский, Ю.В. Теория риторики: учебное пособие / Ю.В. Рождественский. – 6-е изд. – Москва : ФЛИНТА, 2015. – 544 с.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессах : научно-практическое пособие / под ред. Россинской Е.Р. – М., 2006. – 212 с.
12. Шаховский, В.И. Экологизация современной науки и параметры экологичного общения / В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. науч. ред. проф. В.И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С.23-34.

УДК 347

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ И КИТАЕ

Завгородняя А.А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: anastacija2015@list.ru)

Алдушина О.С., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: aldushina2025@mail.ru)

В статье проведен сравнительный анализ основных альтернативных способов разрешения конфликтов в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Особое внимание уделено такому способу как медиация. Выделены основные отличия в подходах к медиации и другим альтернативным способам разрешения конфликтов, а также определены некоторые проблемы, препятствующие развитию медиации, посредничества, фасилитации как в России, так и в Китае.

Ключевые слова: конфликт, альтернативные способы разрешения конфликтов, медиация, фасилитация, арбитраж, посредничество.

ON THE ISSUE OF ALTERNATIVE WAYS OF CONFLICT RESOLUTION IN RUSSIA AND CHINA

Zavgorodnaya, A.A., Aldushina, O.S.

The article provides a comparative analysis of the main alternative ways of conflict resolution in the Russian Federation and the People's Republic of China. Special attention is paid to such a method as mediation. The main differences in approaches to mediation and other alternative conflict resolution methods are highlighted, and some problems that hinder the development of mediation, mediation, and facilitation in both Russia and China are identified.

Keywords: conflict, alternative ways of conflict resolution, mediation, facilitation, arbitration, mediation.

Актуальность темы исследования. Всеобщая глобализация, взаимозависимость государств, миграционные процессы, смешение культур и растущее влияние информационных технологий неизбежно приводят к осложнениям в социальных отношениях и возникновению конфликтов. Следовательно, необходимы адекватные способы и подходы к разрешению

споров и урегулированию конфликтов, которые позволяют сохранить стабильность в обществе.

Задачей любого государства является предупреждение и разрешение конфликтов. Так, Конституцией РФ гарантирована защита прав и свобод гражданина, в том числе, и судебная (ст. ст. 45, 46) [1], но также предусматривается возможность защиты прав и законных интересов иными способами, не запрещенными законом. Это означает, что граждане и юридические лица могут использовать альтернативные способы разрешения конфликтов.

Основной движущей силой развития альтернативных способов разрешения споров является недостаточная эффективность работы судебной системы при рассмотрении отдельных категорий дел, что может заключаться в перегруженности судов, длительности судебного разбирательства, некачественном рассмотрении дел, а также других недостатках, присущих судебной системе того или иного государства.

Анализ научных исследований. Основу исследования составили труды таких ученых как Ю.Е. Груздев, В.В. Котлярова, О.А. Рябус, А.В. Старицын, Ч.Ю. Чайковская, и других.

Цель исследования. Целью исследования является сравнительный анализ основных альтернативных способов разрешения конфликтов в России и Китае.

Изложение основного материала. Обычно урегулирование правовых споров связано с обращением в компетентные юрисдикционные органы за процедурой, которая регламентирована процессуальным законодательством. Однако этот способ защиты не всегда оказывается действенным ввиду большой загруженности судов, что влияет на скорость принятия решений, процессуальные расходы, связанные с рассмотрением дел, и тому подобное. Поэтому все большую актуальность приобретают внесудебные способы разрешения правовых споров, доказывающие свою эффективность на практике, обеспечивая оперативное и профессиональное их урегулирование на основе компромисса сторон и возможность уменьшить нагрузку на юрисдикционные органы.

В последние десятилетия в России уделяется достаточно много внимания мирному урегулированию конфликтных ситуаций, поскольку именно такой вариант разрешения спорных ситуаций, без доведения их до судебного разбирательства, является с точки зрения правительства наиболее оптимальным.

Важным шагом в данном направлении стало принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – закон «О медиации») [2].

Термин «альтернативное разрешение споров» впервые начали применять в США еще в 60-70-х гг. XX в. для обозначения гибких и неформальных процедур урегулирования возникших конфликтов в противовес сложной и громоздкой процедуре официального правосудия, и стали его своеобразной альтернативой.

Их введение было результатом заметного кризиса в эффективности деятельности судов, растущих издержек, значительной продолжительности рассмотрения дел, чрезмерной формализации судебных процедур.

Как отмечается В.В. Котляровой, «дословный перевод термина ADR с английского языка «альтернативное разрешение споров», и в российском праве указанное понятие не всегда может быть точным для использования, поскольку им могут охватываться только процедуры по разрешению споров (например, арбитраж), но не по урегулированию (примирительные процедуры)» [3, С. 14].

На сегодняшний день в России к альтернативным способам разрешения конфликтов относят медиацию, переговоры, арбитраж (третейское разбирательство), международный коммерческий арбитраж, судебное примирение. Также выделяют досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров. Кроме того, некоторые авторы выделяют также «омбудсмена (уполномоченный по правам человека, ребенка, потребителя финансовых слуг, по защите прав предпринимателей)» [4, С. 67], а также фасилитацию (например, Ю.Е. Груздев [5]).

Использование альтернативных способов разрешения (урегулирования) споров в отечественном праве стало особенно актуальным в связи с принятием в 2002 году нового АПК РФ, в главе 15 которого было закреплено положение о том, что стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону [6]. Как отмечают: «АПК РФ также содержит ряд других положений, стимулирующих использовать альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров и развивать партнерские отношения» [7, С. 219].

Однако задолго до этого на территории России развивался институт медиации. Медиация является комплексным социальным институтом, к учению которого необходимо подходить с междисциплинарных позиций. Основные идеи медиации, ее принципы и механизмы влияния на поведение человека раскрываются в трудах представителей таких научных направлений как юридическая конфликтология, социология, психология, социальная антропология. Правовая наука начала заниматься изучением медиации, прежде всего, с привнесением элемента правового регулирования в эту сферу общественной жизни, вопросы правового регулирования медиации стоят на первом месте при решении задачи заимствования положительного опыта и его внедрения в новую социальную и правовую среду.

Как отмечает К.Ю. Чайковская, «медиация сама по себе призвана разрешать споры, которые не удаётся разрешить в обычном взаимодействии сторон (при помощи разговора в «бытовом» смысле) и выступает альтернативой примирению сторон, обычно существующей до судебного этапа» [8, С. 104].

«Медиатор – ключевое лицо, которое помогает сторонам достичь соглашения, он при помощи своего беспристрастного взгляда, профессионализма и личных качеств создаёт возможность для урегулирования. Данное обстоятельство позволяет определить особенность медиации наравне с её досудебным характером и особыми принципами» [9, С. 199].

Следует отметить, что «медиация предполагает участие нейтрального посредника – медиатора, который помогает сторонам в споре прийти к общему согласию. В отличие от судебного процесса, медиация ориентирована на сотрудничество и поиск компромиссных решений, доброжелательно учитывающих интересы обеих сторон. Медиатор не принимает решений, а создаёт условия для диалога, способствует пониманию потребностей и интересов участников конфликта» [10, С. 10].

Посредничество как альтернативный способ разрешения спора является договорной процедурой, поскольку без предварительного согласия сторон конфликта фактически невозможно начать его урегулирование. По состоянию на сегодня договорные отношения в сфере медиации состоят из трех основных видов сделок:

1) медиационная оговорка – положение договора или дополнительное соглашение к договору, предусматривающего намерение сторон применить процедуру медиации в случае возникновения спора;

2) договор о проведении медиации – соглашение о предоставлении сторонам услуг по проведению медиации с целью урегулирования конфликта (спора), заключенное сторонами конфликта (спора) и медиатором (медиаторами) в согласованной между ними форме с учетом требований законодательства;

3) соглашение об урегулировании конфликта (спора) по результатам медиации – соглашение, фиксирующее результат договоренности сторон медиации в согласованной ими форме с учетом требований законодательства, при которой стороны могут выйти за пределы предмета конфликта (спора) при условии, что такое соглашение не нарушает защищенных законом прав или интересов третьих лиц.

Таким образом, оформление договоренностей по результатам медиации осуществляется путем заключения соответствующего соглашения об урегулировании конфликтов (споров).

На сегодняшний день медиация, несмотря на свою продолжительную историю развития и многообразие сфер применения, является малоприменимой, особенно в разрешении семейных и трудовых конфликтов. Тем не менее, в последнее время этот институт переживает новую волну популяризации: подготовка специалистов – профессиональных медиаторов, информирование населения, обсуждение в научных кругах и т.д.

Как уже указывалось, одним из альтернативных способов разрешения конфликтов являются переговоры. Стоит отметить, что они могут использоваться как один из этапов медиации, арбитража, так и в роли самостоятельного способа как до, так и после возбуждения дела. Отличие данной процедуры от медиации состоит в том, что сторонам не нужен посредник: конфликт разрешается при участии сторон или их доверенных представителей.

Одним из новых методов, предусматривающих групповую работу при разрешении конфликтов, является фасилитация.

Термин фасилитация происходит от слова *facilitate*, что в переводе с английского означает помогать, облегчать, способствовать. Фасилитация – это организация процесса коллективного решения проблем в группе, руководимой

фасилитатором (ведущим, руководителем). Это одновременно процесс и совокупность навыков, позволяющих эффективно организовывать обсуждение сложной проблемы без потерь времени и в короткие сроки выполнить все запланированные действия с максимальным привлечением участников процесса [11].

Существует и такое толкование фасилитации, согласно которому это определение и решение сторонами проблемы в условиях организуемого, стимулируемого, совершенствующегося сторонним, незаинтересованным человеком [12].

Фасилитация может применяться и в переговорах, и в медиации, и как самостоятельный процесс. Конфликтующим сторонам иногда очень сложно самостоятельно осуществить некоторые процедуры в переговорах. В этих ситуациях фасилитация помогает им выполнять необходимые задачи. Например, с помощью фасилитатора организуется процесс планирования каждой стороной, группой задач и собственных действий на разных этапах переговоров, определение требований одной стороны к другой, достижение консенсуса в рамках одной группы по принятию окончательных решений и т.д.

Как самостоятельный процесс фасилитация проводится в общинах, где усиливаются межличностные, внутригрупповые конфликты. Иногда между организациями существуют недоразумения, разногласия в идеях, действиях и т.д., а потому их представителям необходимо встретиться, обсудить разные позиции, разрешить противоречия. Часто группе трудно решить актуальные для ее жизнедеятельности вопросы, поскольку разногласия во взглядах некоторых группировок или конфронтация отдельных участников создают препятствия для принятия важных решений, дестабилизирует деятельность группы. Бывает, что отдельные личности, руководители конфликтные, действуют вопреки интересам группы или их ценностные ориентации отличны от групповых, что нарушает согласие в коллективе. Подобных примеров можно привести много.

Вовлечение таких людей, групп в единый процесс, имеющий цель, направление, дает возможность всем участникам приблизиться друг к другу, решить острые проблемы, приобрести умение работать, взаимодействовать с человеком отличных религиозных, политических, нравственных позиций. Целесообразно сделать акцент, что именно в процессе взаимодействия соперников в составе одной группы, деятельность которой имеет определенную цель и фасилитируется, каждая личность имеет возможность увидеть собственное отличие и своеобразие других, и вместе с тем выявить те общие особенности, которые объединяют всех участников группы, в целом всех людей.

М. Наварро считает, что фасилитация является нейтральным процессом, который сосредотачивается на следующих аспектах:

1. цели, которые необходимо реализовать;
2. круг людей, которые должны быть включены в процесс решения проблемы;
3. как должен проходить процесс, какова последовательность решения задач;

4. какой должна быть модель общения, насколько она эффективна, какого результата должна добиться;
5. каким должен быть уровень подготовки участников и как должны быть использованы имеющиеся ресурсы;
6. как распределить включенность участников и их потенциал;
7. как создать благоприятную рабочую и психологическую атмосферу.

По его мнению, ключевую роль в процессе фасилитации также играет фасилитатор. Он является нейтральным лидером, способствующим повышению эффективности групповой работы. Он не предлагает готовые решения и не выполняет сам поставленные перед группой задачи, а предоставляет участникам обсуждения проблемы средства, с помощью которых они сами формулируют решение проблемы. Наварро определяет роль фасилитатора в трех главных задачах:

1. согласование темы и вопросы, требующие решения;
2. организация соответствующих условий для обсуждения проблемы;
3. создание свободной и творческой атмосферы, способствующей обмену мнениями и принятию решения [13].

Как отмечает Ю.Е. Груздев, «Фасилитация как методы разрешения конфликтов представляет собой новый междисциплинарный подход, дающий гуманные профессиональные средства восстановления нарушенной способности к мирному сосуществованию» [5, С. 164].

Таким образом, каждый человек принадлежит к определенной социальной и возрастной группе, классу, расе, статье и именно вследствие этого часто сталкивается с ситуациями, когда поведение других людей не соответствует его правилам, представлению, требованиям, что приводит к возникновению конфликтов. Одним из путей быстрого преодоления конфликта является фасилитация.

Что касается Китайской Народной Республики, то следует отметить, что здесь предусмотрена возможность государственного принуждения к выполнению соглашения, достигнутого в рамках медиации, а также государственный надзор за ее законностью. Это касается тех соглашений, которые были утверждены в порядке, характерном для разрешения споров в третейском суде.

Китайская система разрешения коммерческих споров эволюционировала на протяжении десятилетий от медиации до арбитража и их сочетания, совмещая в себе культурные ценности и современные практики, чтобы создать эффективную и гибкую систему, которая будет соответствовать потребностям рыночной экономики.

После введения в 1980-х годах политики «открытых дверей» («open door») Китай, получив новые возможности для привлечения иностранных инвесторов, стал привлекательным для развития внешней торговли и рынка недвижимости. Однако зарубежные бизнес-партнеры имели сомнения относительно наличия в этом государстве эффективного и надежного механизма защиты своих прав, поскольку правовая система разрешения споров в Китае для них осталась непонятной.

Поэтому, в этом контексте, гибкие внесудебные механизмы решения споров были более привлекательными как для китайских компаний, так и для иностранных инвесторов, стремящихся к быстрому и надежному способу разрешения конфликтов. Соответственно, это приобрело особое значение в условиях, когда правовая система Китая не всегда соответствовала международным стандартам, а судебные процедуры часто были длительными и непредсказуемыми.

Раскрытие сущности механизмов урегулирования конфликтов в традиционных обществах Дальнего Востока невозможно без учета особенностей их культурной специфики.

Основными факторами формирования этой культуры являются мировоззренческие и морально-этические принципы, появившиеся из религиозно-философских доктрин, в частности, конфуцианства, которое имело значительное влияние на формирование социокультурных стандартов и решение конфликтов в этих обществах. Согласно учению Конфуция, главный акцент в поддержании порядка в государстве должен основываться на моральных и этических принципах, а не на законе. Такое принципиальное отношение определяет ключевую особенность современной правовой системы традиционных стран Дальнего Востока, где конфуцианские нормы морали и этики выступают как основа легитимного регулирования общественных отношений. Для китайского правосознания характерным является приоритет морали над правом.

Поэтому традиционное китайское общество предпочитает применение альтернативных способов урегулирования споров вместо обращения в суд.

Среди многочисленных видов альтернативных способов разрешения споров, распространенных в Китае, таких как медиация, посредничество и арбитраж, именно последний приобрел репутацию наиболее эффективного инструмента для урегулирования коммерческих и трудовых споров.

Арбитраж, равно как и судебное разбирательство, является процессом принятия решений. После завершения арбитражного слушания Арбитражный суд устанавливает фактические обстоятельства дела и юридические заключения с целью принятия решения по спору между сторонами. Сравнивая арбитраж и судебное разбирательство, очевидно, что оба включают участие двух (и, возможно, более) сторон, проведение официального процесса для обмена заявлениями, раскрытие документов, вызов свидетелей и экспертов, а в случае необходимости стороны могут быть принуждены к исполнению арбитражного решения.

Арбитраж в Китае осуществляется арбитражными комиссиями, расположенными в столицах провинций и других крупных городах.

Китайская международная экономически-торговая арбитражная комиссия (CIETAC) является основным международным арбитражным органом Китая, который рассматривает внутренние и международные коммерческие споры.

Во время арбитражного разбирательства сторонам предоставляется возможность определить место проведения арбитража, арбитражный регламент и арбитров. Стороны могут выбрать одного или трех арбитров, учитывая их

профессионализм и опыт работы в отрасли, связанной со спором. В то же время, при проведении арбитражного разбирательства на китайском языке, сторонам не нужно переводить документы, написанные на английском языке, на китайский, если арбитры владеют английским языком. Кроме того, документы, составленные за пределами КНР, не требуют нотариального заверения и легализации [14].

Арбитражный процесс обычно проводится конфиденциально, что позволяет избежать любого возможного воздействия со стороны СМИ, но стороны могут быть уверены, что их деловые отношения и детали спора останутся в тайне, потому что процесс не поддается публичности.

Китай имеет историческое культурное предпочтение использования медиации (调解) в качестве инструмента для разрешения споров. Признано, что это предпочтение берет свое начало в конфуцианской мысли, которая поощряет постоянное стремление к гармоничному обществу. Идея заключается в том, что юридический спор может нарушить естественную гармонию, которая, как считалось, существует вокруг человеческих дел и общества в целом [15]. Эти идеалы видны через поразительное количество гражданских медиаций, которые происходят в Китае каждый год. Например, согласно Китайскому статистическому ежегоднику (CSY), число гражданских споров, урегулированных медиацией в 2017 году, составило 8 740 000, как определено Национальным бюро статистики Китая. CSY также обнаружило, что число зарегистрированных медиаторов в 2017 году составило 3 620 000 [16]. Что касается показателя успешности, то количество успешных медиаций в Китае велико, при этом данные указывают на то, что в период с 2007 по 2012 год показатель успешности медиации составил приблизительно 96% [17].

Огромное количество ежегодных медиаций в Китае можно отнести к политике китайского правительства системы «Большой медиации» (大调解), которая была запущена в Белой книге о судебной реформе в 2012 году. Эта политика была принята для поощрения медиации с целью снижения количества гражданских споров, передаваемых на рассмотрение суда. Система Большой медиации стала четким ответом на быстрое экономическое развитие Китая, пытаясь подчеркнуть *«роль народных посреднических организаций, социальных групп, юристов и экспертов»* [18] при создании системы медиации, которая объединяет гражданские, коммерческие и административные споры» [19]. Китайская система Большой медиации помогла продвинуть использование медиации и АРС в более общем плане, продвигая работу Народных посреднических комитетов (ПНК).

Традиционно медиация не требовала вмешательства государства и судов, что связано с глубокой ценностью мирного разрешения конфликтов и сохранения социальной гармонии. Традиции медиации в китайском обществе уходят вглубь веков, начиная с конфуцианства. Конфуцианская философия, с её акцентом на гармонию и социальный порядок, оказала сильное влияние на правовую систему.

Китайская система медиации во многом была основана на традиционных китайских подходах, но с развитием современной правовой системы и реформами, произошедшими в последние десятилетия, она также включила элементы зарубежных моделей медиации.

Как уже отмечалось, после экономических реформ 1980-х годов Китай активно начал интегрировать элементы западной правовой системы. В частности, модель медиации, используемая в США, оказала значительное влияние на китайскую судебную медиацию. В США медиация широко применяется в гражданских и коммерческих спорах, и основной акцент делается на нейтральность посредника и равенство сторон. Китай перенял этот подход в виде формализованных судебных процедур, где медиация используется для того, чтобы стороны могли прийти к соглашению без полного судебного разбирательства.

Однако в китайской модели есть значительные отличия:

- активная роль посредника. В отличие от западных стран, где посредник в основном выступает как нейтральная сторона, в Китае посредник может играть более активную роль в формировании соглашения, часто используя свои моральные авторитеты или социальную позицию;
- гармония и коллективизм. Китайская модель акцентирует внимание на социальной гармонии, что является ключевым элементом конфуцианской философии, в отличие от западных систем, где индивидуальные права и справедливость играют более важную роль.

Некоторые элементы моделей медиации, применяемых в Европе, также были заимствованы. В этих странах медиация традиционно используется в различных сферах (от семейных дел до коммерческих споров) и поддерживается в рамках судебной системы. Европейская модель также подразумевает большую роль государства в организации медиации (например, создание медиационных центров). Китай перенял этот опыт, создавая судебные медиационные центры и создавая законы, поддерживающие использование медиации в судебной практике.

Тем не менее, основа китайской модели медиации лежит в традициях, уходящих корнями в конфуцианскую философию. Конфуцианство акцентирует внимание на социальной гармонии, важности поддержания порядка в обществе и уважении к старшим. В этой модели медиатор, скорее, выступает в роли старейшины или уважаемого лица, которое помогает сторонам прийти к согласию, поддерживая моральные нормы и традиции. Этот подход сочетает элементы консенсуса и авторитета, что делает китайскую медиацию уникальной и отличной от западных моделей.

Отдельно следует отметить, что в Китае медиация всегда играла ключевую роль в разрешении внешнеэкономических споров. Так, согласно ст. 37 Закона о внешнеэкономических договорах, любые споры, возникающие из внешнеэкономического договора, прежде всего, должны решаться путем мирного урегулирования посредством консультаций или медиации с привлечением третьей стороны. Если мирное урегулирование невозможно, спор может быть передан в СИЕТАС или другой арбитражный орган при наличии

письменного соглашения об арбитраже [20]. Это уникальная для Китая система разрешения споров, которая сочетает в себе медиацию и арбитраж, известная как Med-Arb. Такую практику CIETAC внедрил в решение внешнеэкономических конфликтов.

Процесс Med-Arb сочетает в себе посредничество и этап принятия арбитражного решения, хотя эти процедуры принципиально отличаются друг от друга. Основное отличие состоит в том, что во время медиации сами стороны принимают решение об урегулировании спора, тогда как в арбитраже это делает арбитр.

В соответствии со ст. 47 арбитражного регламента CIETAC, если стороны желают разрешить спор мирным путем, но не хотят, чтобы это происходило через Арбитражный суд, CIETAC может, с согласия обеих сторон, способствовать их примирению путем медиации, учитывая их пожелания относительно условий проведения процедуры. Или, если стороны уже к началу арбитража договорились между собой путем переговоров или медиации и заключили соглашение о примирении, то любая из сторон может, на основании заключенного ранее соглашения об арбитраже CIETAC, обратиться к последней с просьбой утвердить эту сделку и сделать ее арбитражным решением. В случае неудачи медиации, Арбитражный суд возобновляет рассмотрение дела и выносит свое решение [21].

Мед-Арб – это быстрый, экономичный и удобный способ разрешения коммерческих споров благодаря сочетанию гибкости и консенсусности медиации с окончательностью арбитража в едином двухэтапном процессе. Комбинированный механизм медиации и арбитража в Китае (MedArb) стал мощным инструментом, объединив в себе преимущества обоих процессов. Это позволяет сторонам спора сначала достичь согласия через посредничество, обеспечивая конфиденциальную среду для разрешения споров, а в случае неудачи медиации, спор может быть решен путем арбитража, обеспечивая окончательное и обязательное решение. Такой подход повышает скорость и эффективность разрешения споров, предоставляя сторонам возможность осуществить обоснованный выбор способа мирного урегулирования спора.

Итак, китайская система разрешения споров претерпела значительные изменения в последние десятилетия, отражая эволюцию страны от плановой до рыночной экономики и роста ее роли на мировой арене. От традиционной медиации к более формализованному арбитражу Китай стремится достичь баланса между сохранением своих культурных ценностей и адаптацией к потребностям современного бизнеса. Понимая важность альтернативных методов разрешения споров, Китай соединил медиацию с арбитражем, предоставляя сторонам широкий спектр инструментов для эффективного разрешения споров. Реализация арбитража *ad hoc* и внедрения цифровых технологий в арбитражный процесс подчеркивает прогрессивный подход Китая к совершенствованию процессов рассмотрения споров, что свидетельствует о постоянном стремлении этой страны к модернизации и повышению эффективности правовой системы, создавая благоприятные условия для развития бизнеса и обеспечивая гражданам доступные и эффективные

механизмы защиты их прав. Китай достиг значительного прогресса в развитии современной и эффективной системы разрешения коммерческих споров, а его опыт может стать ценным для других стран, стремящихся совершенствовать свои механизмы разрешения споров.

Выводы. Проанализировав некоторые способы альтернативного урегулирования споров, считаем возможным выделить следующие их преимущества: скорость разрешения спора (конфликта), поскольку отсутствуют процессуальные порядки, предусмотренные законом; сбережение средств; конфиденциальность решения, поскольку иногда лица желают сохранить свою репутацию; гибкость, то есть стороны сами выбирают каким путем будут проводить урегулирование и в каком порядке помогают сохранить отношения между сторонами.

По результатам проведенного анализа можно отметить следующее. В рассматриваемых правовых системах обоих государств активно применяются разнообразные альтернативные способы разрешения (урегулирования) споров. Однако подходы к ним несколько отличаются. Так, на примере медиации можно отметить, что сам принцип проведения процедуры аналогичен, однако имеются различия в проведении процедуры. Так, в России медиатор – независимое лицо, не связанное с судебной системой. В Китае медиация непосредственно входит в систему государственной исполнительной власти, а деятельность медиаторов носит добровольно-принудительный (общественный) характер, оплачивается и поощряется государством. Кроме того специфика китайского менталитета заключается в том, чтобы не допустить конфликт, а в случае его проявления – сгладить его, не доводя до судебного разбирательства, и спорящие стороны стараются по возможности избежать судебного разбирательства. В российской же правовой системе к альтернативным способам прибегают в целях поиска компромисса (что в целом схоже с китайским подходом), однако решение суда для многих российских граждан все же предпочтительнее, чем процедура медиации. Связано это, прежде всего, с недостаточной осведомленностью граждан.

Тем не менее, учитывая современные условия развития общества, применение альтернативных способов разрешения споров (конфликтов) является положительным направлением реформирования отечественного законодательства. Использование медиации и других процедур, связанных с урегулированием споров, в России осуществляется с учетом зарубежного опыта, который, как свидетельствует практика, доказывает их эффективность применения в противовес судебным процедурам. Применение альтернативных способов разрешения споров (конфликтов) позволяет не только путем внесудебной процедуры решить спор, но и урегулировать конфликт между сторонами, что, в свою очередь, удовлетворит их интересы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – URL:

- <https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=m8wzj7xtep634810612> – (дата обращения: 18.03.2025).
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ : принят Государственной Думой 7 июля. – UPL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/?ysclid=m8wzntozro882884320 – (дата обращения: 18.03.2025).
 3. Котлярова, В.В. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России: учебное пособие / В.В. Котлярова; под редакцией доктора юридических наук А.В. Юдина. – Самара : Издательство Самарского университета, 2021. – 104 с.
 4. Альтернативное разрешение споров. Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. – М.: Издательский дом «Городец», 2019. – 416 с.
 5. Груздев, Ю.Е. Фасилитация как инструмент альтернативного разрешения споров и конфликтов в сфере предпринимательства / Ю.Е. Груздев // Грибоедовские чтения – 2023: Современные вызовы юридической науки и практики. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2024. – С. 158-164.
 6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Государственной Думой 14 июня 2002 года. – UPL: <https://base.garant.ru/12127526/?ysclid=m8wztx7fa0430153337> – (дата обращения: 20.03.2025).
 7. Рябус, О.А. Особенности альтернативных способов разрешения споров / О.А. Рябус, А.В. Старицын // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т.8 (74). – № 2. – С. 218-223.
 8. Чайковская, К.Ю. Понятие, сущность и особенности медиации в законодательстве Российской Федерации / К.Ю. Чайковская // Вестник науки. – 2023. – № 9 (66). – С. 102-104.
 9. Глушич, Е.А. Медиация: к вопросу определения понятия / Е.А. Глушич // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2015. – № 1. – С. 197-201.
 10. Алдушина, О.С. Медиация как способ урегулирования трудовых споров / О.С. Алдушина // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2024. – № 2. – С. 7-15.
 11. Фасилитация. Википедия. – UPL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фасилитация> – (дата обращения: 21.03.2025).
 12. Разрешение конфликтов. Опыт МПВСР. – UPL: <http://msdp.undp.org.ua/data/publications/9%20Conflict%20resolution.pps> – (дата обращения: 21.03.2025).
 13. Урегулирование конфликтов с помощью третьей стороны. Медиаторство. – UPL: https://pidruchniki.com/15790603/psihologiya/vregulyuvannya_konfliktiv_dopomogoyu_tretoy_i_storoni – (дата обращения: 21.03.2025).

14. GU, Weixia. Dispute Resolution in China: Litigation, Arbitration, Mediation and their Interactions. – Routledge. – 2021. – 64 p. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315741970> – (дата обращения: 21.03.2025).
15. Judy Winn, «The Ancient Chinese Secret: A Comparative Analysis of Chinese and American Domestic Relations Mediation» // Indiana International and Comparative Law Review. – vol.1. – 1991. – no.151-154.
16. China Statistical Yearbook, Number of Civil Disputes Mediated – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> accessed March 20, 2020. – (дата обращения: 23.03.2025).
17. Hongwei Zhang, «Revisiting people's mediation in China: practice, performance and challenges» Restorative Justice vol.1, no.2(2013):250.
18. White Paper on China's Judicial Reform issued by the State Council Information Office of the People's Republic of China in October 2012, in Beijing. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474983043170.htm accessed March 23.
19. P.C.H Chan, «The position of mediation in contemporary Chinese civil justice», Doctoral Thesis – Maastricht University. – 2016. – 66 p.
20. Law of the People's Republic of China on Foreign-Related Economic Contracts: Laws of the People's Republic of China. – URL: <http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/lotprocofec615/> – (дата обращения: 24.03.2025).
21. Rules-China International Economic and Trade Arbitration Commission: China International Economic and Trade Arbitration Commission. – URL: <http://www.cietac.org.cn/index.php?m=Page&a=index&id=42&l=en>. – (дата обращения: 24.03.2025).

УДК 343.9

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ МОШЕННИЧЕСТВА (ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Коваленко Э.Д., кандидат юридических наук, главный инспектор инспекции штаба МВД по Донецкой Народной Республике, полковник внутренней службы (г. Донецк)

(e-mail: edvard.pakhomoff.40@mail.ru)

В статье проведен анализ виктимологической характеристики жертвы мошенничества. Акцентируется внимание на том, что анализ взаимодействия жертвы и преступника свидетельствует, что мошенничество характеризуется высоким уровнем конфликтности, но конфликтности своеобразной, которая жертвой, как правило, не осознается. Важное место в таких взаимодействиях отводится рефлексии, рефлексивному управлению. При этом больше всего преимуществ у рефлексии именно на стороне мошенников.

Ключевые слова: мошенничество, жертва, виктимологическая характеристика.

CHARACTERISTICS OF THE FRAUD VICTIM (VICTIMOLOGICAL ASPECT)

Kovalenko, E.D.

The article analyzes the victimological characteristics of the fraud victim. Attention is focused on the fact that the analysis of the interaction between the victim and the perpetrator indicates that fraud is characterized by a high level of conflict, but a peculiar conflict that the victim, as a rule, is not aware of. Reflection and reflexive management play an important role in such interactions. At the same time, reflection has the most advantages on the side of scammers.

Keywords: fraud, victim, victimological characteristics.

Актуальность темы исследования. С древних времен и до наших дней обман и насилие считаются самыми распространенными способами совершения преступления. Сегодня, учитывая современную картину преступности в мире, можно утверждать, что обман все больше перевешивает насилие, и, хотя указанные тенденции начали вырисовываться еще в позапрошлом веке, но лишь в начале третьего тысячелетия их проявления стали наиболее яркими.

Среди важных предпосылок виктимологического исследования мошенничества является непосредственное участие жертвы в незаконном получении имущественных благ преступником, то есть так называемая «посредническая» деятельность жертвы мошенничества. А значит, зная

типичные виды поведения жертв мошенничества, личностные характеристики, схожие черты, однородные факторы, способствующие виктимизации, можно существенно, по мнению автора, уменьшить риск пострадать от этого преступления, а иногда и вовсе его нейтрализовать. Уголовно-правовое и виктимологическое исследование мошенничества поможет также выяснить причины негативного поведения его жертв, которое, способствуя виктимизации, является и одной из причин повышенной латентности мошенничества.

Анализ научных исследований. Исследования уголовно-правовых и криминологических аспектов мошенничества освещены в трудах Ю.М. Антоняна, Л.В. Багрий-Шахматова, В.В. Вандышева, В.В. Василевича, А.Ф. Зелинского, Ю.Ф. Иванова, В.П. Коновалова, С.С. Косенко, В.Н. Кудрявцева, Н.В. Кулаковой, Д.В. Ривмана, А.Л. Ситковского, В.А. Тулякова, Л.В. Франка и некоторых других ученых. Хотя во многих из указанных трудов освещались отдельные вопросы характеристики жертв мошенничества, вместе с тем, виктимологические проблемы подробно не исследовались.

Цель исследования. Целью исследования является выявление виктимных свойств жертвы мошенничества, закономерностей виктимизации жертв этого преступления.

Изложение основного материала. Поведение человека вообще является результатом выбора различных вариантов поведения, содержание которых предопределяется объективными экономическими, идеологическими и другими социальными факторами [1, С. 3]. Разобраться во всех этих влияниях было бы слишком сложно, но обстоятельства, под действием которых находится человек, выступают в определенном комплексе, сочетании, в форме конкретных жизненных ситуаций, воплощаясь в тех требованиях, которые выдвигает личности непосредственное окружение [2, С. 16-17].

Соотношение роли ситуации и роли личности в определении поведения индивида всегда конкретно и изменчиво. Единственное правило, которое можно здесь применить, заключается в том, что при неопределенности, нестабильности ситуации поведение в большей степени обусловлено личностью, ее свойствами; при определенности ситуации, наоборот, наблюдается меньшая зависимость поведения от личностных свойств, поскольку большинство индивидов в таких случаях ведут себя в соответствии с ситуацией. Если анализ личностных черт позволяет выяснить, почему в условиях одинаковых ситуаций разные люди действуют по-разному, то исследование ситуационных характеристик поможет прояснить причины разного поведения одного и того же человека в разных ситуациях. Например, в случаях, когда люди с устойчивыми моральными убеждениями допускают в определенных ситуациях грубые нарушения моральных норм. При этом в виктимологическом смысле, возможно, целесообразнее вести речь не столько о конкретной жизненной ситуации, сколько о ситуации жизни человека, имея в виду его социальные и социально-психологические связи [3, С. 153].

В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно понятия ситуации. Так, Ю.М. Антонян определяет ситуацию как «совокупность, сочетание обстоятельств и условий, которые создают те или иные отношения,

определяющие обстановку или положение» [1, С. 6]. С.Б. Алимов понимает под ситуацией совершения преступления «совокупность объективных обстоятельств, обусловившую возникновение, форму, степень тяжести и другие особенности конкретного проявления данного преступного акта» [4, С. 3]. По мнению В.Н. Кудрявцева, конкретная жизненная ситуация – это «определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, которые непосредственно влияют на поведение человека в данный момент» [2, С. 38].

Наряду с криминологической ситуацией выделяют также ситуацию виктимологическую – негатив криминологической ситуации [5]. Но, по нашему мнению, правильнее вести речь о виктимологическом аспекте криминологической ситуации, поскольку обстоятельства, составляющие криминологическую и «виктимологическую» ситуации (в отличие от обстоятельств криминогенных и виктимогенных, которые могут не совпадать), по сути, одни и те же.

В литературе существует также понятие виктимогенной обстановки. Л.В. Франк виктимогенной считает такую обстановку, когда возникают обстоятельства, условия, которые создают опасность причинения личности вреда, и вместе с тем определенным образом связаны с личностью или поведением жертвы. По его мнению, виктимогенная обстановка, виктимогенные факторы являются отдельным проявлением криминогенной обстановки, криминогенных факторов [6, С. 10]. То есть, виктимогенная обстановка – это совокупность объективных и субъективных факторов жизнедеятельности лица, которые, предшествуя преступному посягательству, способствовали ее виктимизации.

Виктимогенная обстановка охватывает лишь обстоятельства, предшествовавшие преступлению, акцентируя внимание на причинных аспектах виктимизации личности. Но ведь не меньшее значение имеет и непосредственная обстановка совершения преступления, после преступные взаимодействия, которые, находясь за пределами виктимогенной обстановки, раскрывают виктимологический аспект ситуации и также нуждаются в исследовании. Поэтому, считаем, целесообразно анализировать не только особенности виктимогенной обстановки при мошенничестве, но и другие виктимологические аспекты ситуации совершения этого преступления.

При мошенничестве соответствующая ситуация является необходимым условием реализации виктимности лица, поскольку при отсутствии определенных объективных условий, обстановки, даже самые большие виктимные пороки человека могут остаться нереализованными, не найдя своего «выхода». Итак, причинные связи между свойствами личности, поведением потенциальной жертвы и преступным результатом не являются непосредственными и носят, как правило, вероятностный характер. Не всегда, к примеру, доверчивый человек вступит в контакт с мошенником, давая ему возможность воспользоваться своей доверчивостью. Для этого мошеннику необходимо создать обстановку, которая бы побудила человека к такому контакту.

Таким образом, при мошенничестве существует тесная связь между личностными свойствами жертвы, элементами ситуации совершения преступления и его результатом. Даже если мошеннику удалось создать идеальные внешние условия для достижения преступного результата, он может не получить желаемого, поскольку защитные свойства определенного комплекса личностных качеств потенциальной

жертвы позволят предотвратить виктимизацию или ограничиться минимальными потерями. Вместе с тем, даже самый виктимный в отношении мошенничества индивид не превратится в реальную жертву, если для этого не созданы (случайно или целенаправленно) необходимые объективные предпосылки, определенная внешняя обстановка. Кроме того, и сама ситуация может иметь значительный виктимогенный потенциал, достаточный для ускорения виктимизации индивида с низкими виктимными качествами.

Стоит заметить, что без выяснения виктимологических особенностей ситуации невозможно разобраться относительно роли жертвы в механизме преступления, в частности, и потому, что поведение жертвы, предшествовавшее преступлению, может в определенных случаях обуславливать поведение мошенника, способствовать созданию криминогенной ситуации и выступать как повод к совершению преступления [1, С. 5].

При совершении мошенничества роль личностных качеств жертвы и факторов внешней обстановки (в том числе деятельности преступника) в причинении негативных для жертвы последствий может быть разной. Конечно же, многочисленные случаи проявления неосмотрительности, безнравственности, правового нигилизма пострадавших от этого преступления позволяют говорить о значительной роли в этом аспекте личностного потенциала жертвы. Но встречаются случаи, когда факторы умело построенной или использованной мошенником конкретной ситуации «разрушают» даже сильнейшую «личностную защиту» потенциальной жертвы.

Виктимность не обязательно проявляется в виктимном поведении, а виктимное поведение не всегда является следствием наличия у лица виктимности [7, С. 84]. Анализ поведения жертвы через призму конкретной жизненной ситуации позволяет показать, почему так происходит.

Не во всех случаях реакция человека на ситуацию является выражением его устойчивых навыков, четко определенных жизненных ориентиров и устремлений. Нередко, испытывая влияния элементов ситуации, поведение жертвы оказывается неустойчивым временным состоянием, а мотивация поступков – нехарактерной для данной личности. Кроме того, в необычной ситуации, которыми отмечается довольно значительное количество мошенничеств, потенциальная жертва неизбежно испытывает трудности в выборе цели и вариантов для действия, легко поддаваясь влиянию преступника [1, С. 43].

Важно обратить внимание на то, что в массовом сознании существует определенная совокупность присущих людям тенденциозностей, в которых проявляется фундаментальная ошибка атрибуции – склонность людей игнорировать ситуационные причины действий и их результатов в пользу диспозиционных [8, С. 148-149]. Считается, что реакции разных людей на ту или иную ситуацию не являются случайными или недетерминированными, а отражают заметные и устойчивые личностные свойства, с которыми вступают в данную ситуацию ее участники [8, С. 165]. Однако такая точка зрения не всегда подтверждается практикой реальной жизни, и это особенно заметно при совершении мошенничества, в котором влияние на поведение потенциальной жертвы внешних, ситуационных факторов является, по нашему мнению, одним из самых сильных. Нередко виктимное

поведение жертвы мошенничества обуславливается не установившимися виктимными свойствами этой личности, а действием определенных элементов непривычной, сложной или критической ситуации, в которой она оказывается.

Важное значение для объяснения отдельных закономерностей в поведении жертвы мошенничества в зависимости от ситуации имеет, по нашему мнению, теория так называемых «канализирующих факторов». Нередко поведение лица побуждается открытием определенного канала и блокируется его перекрытием. Таким образом, иногда, чтобы действовать человеку, необходимо иметь готовый «канал», благодаря которому его намерения могли бы превратиться в действия. Канализирующими факторами при этом, как правило, выступают те или иные обстоятельства (детали) ситуации. Такие факторы влияют на высвобождение или изменение направления энергии в неустойчиво уравновешенных системах, где существует напряженность между двумя или более альтернативными мотивами. Выбор линии поведения в таких случаях иногда зависит даже от незначительных изменений параметров ситуации [8, С. 44-45, 100].

Реальная жертва мошенничества несет вследствие совершения преступления определенные потери: непосредственные и более отдаленные по времени, мимолетные и долговременные, незначительные и очень серьезные. На первый план среди последствий мошенничества выступает вред, причиненный преступлением жертве. Исследование жертвы именно в силу причинения ей преступлением вреда является одним из важнейших уровней анализа виктимологических проблем мошенничества. Этот аспект позволяет определить реальные последствия мошенничества, его «цену» [9, С. 136].

В теории гражданского права под вредом понимают уменьшение или уничтожение имущественных, или неимущественных (личных) благ, охраняемых законом.

При мошенничестве нередко встречаются случаи, когда ставится под сомнение необходимость полной защиты интересов его жертв. В частности, по мнению В.А. Дубривного, действия лица, направленные на выполнение «низких побуждений и намерений» и способствующие превращению ее в жертву, противоречат моральным принципам. Поэтому эти «интересы» не должны получать поддержку закона, поскольку вряд ли они законны, если конечная их цель – получение выгоды [10, С. 49-51]. Вопрос об ответственности жертвы, влияние ее виновного негативного поведения на степень возмещения ущерба поднимаются и другими учеными. Существует и проблема уголовно-правовой оценки противоправных действий пострадавших от преступления, которая дается правоприменительными органами не всегда в точном соответствии с законом.

Мы разделяем мнение И.А. Фаргиева относительно того, что уголовное законодательство содержит достаточно норм, которые могут быть применены к потерпевшему, когда в его поведении проявляются признаки преступления. Другое дело, что в правоприменительной практике эти нормы к потерпевшему применяются довольно редко, поскольку рассматриваются такие вопросы с «эмоциональных позиций» («жертва и так пострадала»), чем в уголовно-правовом аспекте [11, С. 53]. Возможно, предоставление большей свободы

следственным и судебным органам в решении вопроса ответственности (ее целесообразности, степени и тому подобное) жертв мошенничества в подобных случаях является определенным временным выходом из ситуации. Но целесообразнее, по нашему мнению, урегулировать такие вопросы определенной законодательной нормой, предусмотрев, например, возможность освобождения от ответственности потерпевшего от мошенничества, который сам во время его совершения вел себя неправомерно, при условии, что он сообщит о совершенном в отношении него преступлении.

Очень неприятным последствием применения мошеннического обмана является причинение жертве морального вреда. Совершение любого преступления нарушает права гражданина, унижает его достоинство, вызывает у него часто страх, отвращение, обиду, злость, ненависть, горе и другие чувства. Не является исключением и мошенничество. Хотя это корыстное преступление (в отличие от насильственных) не вредит физическому здоровью жертвы, во многих случаях оно нарушает ее психологическое равновесие, снижает самооценку, вызывает негативные эмоции, а иногда и страдания. Следствием мошенничества для конкретной жертвы, как правило, становится фрустрация, что выражается в ощущении безысходности, гнев на других, потере уверенности в себе [1, С. 58]. Например, некоторые жертвы мошенничества в финансовой пирамиде «МММ» отмечали, что у них едва не случился сердечный приступ, когда они поняли, что их обманули. При этом жертва психологически страдает не только из-за потери имущества, она испытывает унижение вследствие самого факта применения обмана в отношении себя, обманного использования ее доверия. Такие неприятные эмоции могут причинить жертве мошенничества даже большие душевные страдания, чем причиненный преступлением ущерб. Для человека может стать трагической ситуация, когда он искренне хотел помочь другому человеку, который, воспользовавшись этим, обманул его доверие, причинив значительный имущественный ущерб. Лица, пострадавшие от обмана, отмечают чувство неуверенности, дискомфорта, отсутствие поддержки окружающих. Таким образом, жертва мошенничества, как правило, подвергается достаточно серьезному моральному вреду.

Кроме того, негативные ощущения сопровождают жертв и в отношениях с ближайшим социальным окружением, правоохранительными органами. Жертва часто чувствует на себе предвзятое отношение правоохранителей, ухудшаются отношения с окружающими, которые нередко обвиняют в случившемся саму жертву. Следовательно, учитывая значительное негативное влияние, которое оказывает мошенничество на психологическое самочувствие жертвы, важно, по нашему мнению, отметить, что возмещение морального ущерба, осуществления мероприятий психологической и социальной поддержки необходимо не только в обращении с жертвами насильственной преступности, но и при работе с пострадавшими от мошеннического обмана.

Ухудшение морального состояния жертвы, ощущение потери, сочетаясь иногда с осознанием доли собственной вины, нередко препятствуют уравновешенному поведению жертвы мошенничества, способствуют совершению нежелательных в социальном и правовом контексте действий.

Жертвы не сообщают о совершенных в отношении них преступлениях, повышая тем самым их латентность, распространяя безнаказанность мошенников. Нередкими являются проявления самосуда, мести со стороны жертв своим обидчикам. Встречаются даже случаи так называемого «криминального заражения», когда жертвы, пострадав от деятельности мошенников, из-за этого сами пытались совершать мошеннические действия в отношении других лиц.

Распространенными среди пострадавших от мошенничества являются случаи, когда они, уже зная, что стали жертвами, пытались получить обратно свои деньги любым способом, даже за счет других людей. Осознав факт мошенничества, такие жертвы не спешат обращаться за защитой в правоохранительные органы, а пытаются самостоятельно решить свои проблемы, и только, убедившись в невозможности этого, обращаются к государственным институтам. Иногда такое самоуправное поведение граничит с уголовным. Поэтому так называемых «виновных» жертв целесообразно условно подразделять на две группы: тех, которые в результате своих действий понесли ущерб и тех, которые, понеся ущерб, сами совершили общественно-опасное деяние.

После совершения мошенничества жертва не обращается за защитой в государственные органы также и в случаях, когда мошенник в силу различных причин возвращает ее имущество. Возмещение или невозмещение мошенником причиненных жертве убытков нередко предопределяет ее дальнейшее отношение к своему обидчику. А желание жертвы вернуть утраченное становится ведущим мотивом ее процессуальной и непроцессуальной активности во время расследования и рассмотрения дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что совершение мошенничества в подавляющем большинстве случаев не исключает возможности примирения между жертвой и преступником. У жертв этого преступления, как правило, не отмечается стремление строго наказать виновного. Если последний возмещает причиненный вред, жертва нередко инициирует даже прекращение уголовного дела, высказывается за смягчение или освобождение от ответственности виновного. Однако, в случае невозмещения причиненного вреда, позиция жертвы, как правило, становится более конфликтной и бескомпромиссной.

Заметную роль в выяснении причин виктимного поведения жертвы мошенничества играет теория «канализирующих факторов», которая позволяет объяснить, почему мошенник, используя неуравновешенность мотивационного состояния жертвы, манипулируя канализирующими факторами (обстоятельствами ситуации), может легко достигать своей цели.

Анализ взаимодействия жертвы и преступника свидетельствует, что мошенничество характеризуется высоким уровнем конфликтности, но конфликтности своеобразной, которая жертвой, как правило, не осознается. Важное место в таких взаимодействиях отводится рефлексии, рефлексивному управлению. При этом больше всего преимуществ у рефлексии именно на стороне мошенников.

Основными «мишенями» манипулятивного воздействия (психические структуры, на которые осуществляется воздействие мошенником), по нашему

мнению, являются: материальная заинтересованность жертвы (а не корысть, как часто считают), потребительские интересы; так называемые «благородные побуждения» (сострадание, милосердие, желание помочь, щедрость и тому подобное); личные чувства (привязанность, симпатия, интимные чувства и тому подобное); личностные свойства (корысть, жадность, внушаемость, доверчивость, самоуверенность, любопытство и др.). При этом прослеживается закономерность: чем шире аудитория, на которую оказывается манипулятивное влияние, тем более универсальными должны быть используемые мишени.

Выводы. Таким образом, мошенничество характеризуется своеобразной сложной системой взаимосвязей по направлениям: жертва – ситуация, преступник – ситуация, жертва – преступник. При этом «творцом» ситуации во многих случаях является сам мошенник.

Анализ взаимодействия жертвы и преступника свидетельствует, что мошенничество характеризуется высоким уровнем конфликтности, но конфликтности своеобразной, которая жертвой, как правило, не осознается. Важное место в таких взаимодействиях отводится рефлексии, рефлексивному управлению. При этом больше всего преимуществ у рефлексии именно на стороне мошенников.

Следствием мошенничества часто становится фрустрация жертвы, неуверенность, дискомфорт, иногда гнев, «сетование на себя». Ухудшение морального состояния жертвы, сочетаясь иногда с осознанием доли собственной вины в случившемся, нередко способствующих совершению нежелательных в социальном и правовом контексте действий (несообщение о совершенных преступлениях, проявления самосуда, мщения со стороны жертв своим обидчикам, «криминальное заражение» жертв). Поэтому подчеркивается необходимость психологической, социальной поддержки не только в обращении с жертвами насильственных преступлений, но и при работе с потерпевшими от мошеннического обмана.

Список литературы

1. Антонян, Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления : Учеб. пособие / Ю.М. Антонян. – М.: Редакционно-издательский отдел, 1973. – 71 с.
2. Кудрявцев, В.Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1968. – 176 с.
3. Антонян, Ю.М. Личность корыстного преступника / Ю.М. Антонян. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – 158 с.
4. Алимов, С.Б. Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение (по материалам дел о хулиганстве): Автореф. дис.. канд. юрид. наук: 12.00.00. – Москва, 1971. – 188 с.
5. Жертвоприношение преступности // Библиофонд. – URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=438395> – (дата обращения: 20.04.2025).

6. Франк, Л.В. Виктимология и виктимность: Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью : Учеб. пособие / Л.В. Франк. – Душанбе, 1972. – 112 с.
7. Репецкая, А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике: учебное пособие / А.Л. Репецкая. – Иркутск : Оттиск, 2011. – 285 с.
8. Росс, Ли. Человек и ситуация : уроки социальной психологии : для использования в учебном процессе в вузах / Л. Росс, Р. Нисбетт ; пер. с англ. В.В. Румынского. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 429 с.
9. Криминология : Учебник / В.Г. Лихолоб, В.П. Филонов, О.И. Коваленко, А.Е. Михайлов / Под ред. В.Г. Лихолоба и В.П. Филонова. – Донецк, 1997. – 398 с.
10. Дубривный, В.А. Кто является потерпевшим от преступления? / В.А. Дубривный // Социалистическая законность. – 1965. – № 4. – С. 49-51.
11. Фаргиев, И.А. Потерпевший от преступления. (Уголовно-правовые вопросы): Учеб. пособие / И.А. Фаргиев. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2012. – 72 с.

УДК 341.241.8

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО УПЛАТЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ

Ковтун Е.В., старший преподаватель кафедры административного права и административного производства, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: elena.kovtun@bk.ru)

В статье рассмотрен процесс принудительного исполнения налоговых обязательств; проведен анализ мероприятий по исполнению налоговых обязанностей; выделена классификация способов обеспечения исполнения налоговых обязанностей по функционально-целевому критерию на добровольной уплате налогов и принудительного взыскания (судебный порядок).

Ключевые слова: налоговые обязанности, залог, пеня, налогообложение, налоговое законодательство.

LEGAL FEATURES OF ENFORCEMENT OF TAX LIABILITIES FOR PAYMENT OF TAXES AND FEES

Kovtun, E.V.

The article examines the process of compulsory execution of tax obligations; analyzes measures to fulfill tax obligations; identifies a classification of methods to ensure the fulfillment of tax obligations according to the functional-target criterion for voluntary payment of taxes and compulsory collection (judicial procedure).

Keywords: tax obligations, pledge, penalty, taxation, tax legislation.

Актуальность темы исследования. Принудительное исполнение обязанности по уплате налоговых платежей является одним из важнейших явлений налогового права. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налоговых платежей – актуальный и острый предмет обсуждения, являющийся одним из составляющих налоговой (финансовой) политики Российской Федерации, а также основной фактор, влияющий на доходность бюджета.

Анализ научных исследований. Налоговая обязанность исследовались во многих работах российских ученых в области налогового права: В.Н. Назаров [1], А.С. Григорьев [2], Л.В. Щербакова [3], В.В. Лукьянов [4], А.В. Буравлева [5], А.И. Лютова [6], А.В. Галкин [7], Т.Ю. Сацихина [8] и др.

Цель статьи заключается в обосновании правовых особенностей относительно процедур принудительного исполнения налоговых обязанностей

обязанности по уплате налогов и сборов. Механизм направления принудительного исполнения налоговых обязанностей состоит в содействии эффективного осуществления налоговой (фискальной) политики государства, реализации принятых социально-экономических программ.

Изложение основного материала. Принудительное исполнение налоговых обязательств – процесс, в котором налоговые (государственные) органы применяют меры взыскания задолженности по налоговым платежам с юридических и физических лиц. Налоговые правоотношения являются фундаментальной основой финансового права по обязанности уплаты законно установленных налогов и сборов. Основная мысль заключается в том, что процесс принудительного исполнения налоговых обязательств требует тщательного соблюдения правовых норм и процедур, и важно, чтобы должники были осведомлены о своих правах и обязанностях для обеспечения справедливости и законности в этом процессе [9].

Фискальная функция является важнейшей функцией налогообложения, она заключается в формировании доходов государственного бюджета, что обеспечивает финансовую основу для выполнения государством своих задач. Поэтому в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ) закреплено «каждое лицо обязано своевременно и в полном объеме уплачивать законно установленные налоги и сборы [10]».

Налоговый кодекс рассматривает фискальную функцию в качестве модели законного поведения лиц, обязанных исчислять налоги и сборы, а также страховые платежи. Нормативное закрепление состава юридических фактов, лежащих в основе возникновения, изменения и прекращения обязанности по уплате фискальных платежей, а также механизма исполнения данной обязанности, позволяет налогоплательщикам понимать и выполнять законно установленные границы их обязанного поведения в области налогообложения.

Принудительное исполнение налоговых обязательств регулируется нормативными актами, включая Налоговый кодекс РФ, Гражданский Кодекс РФ (далее – ГК РФ) и закон о исполнительном производстве. Данные законодательные акты обуславливают порядок взыскания налоговых долгов и права сторон.

Обязанность уплачивать законно установленные налоги и сборы представляет собой законодательную меру, регулирующую общественно необходимое поведение, заключающееся в безвиновном отчуждении части собственности для финансового обеспечения государства и муниципальных образований. Эта обязанность возлагается на налогоплательщика с момента наступления предусмотренных законодательством обстоятельств, требующих уплаты конкретного налога или сбора. Ее значимость определяется конституционно-правовым закреплением, что позволяет выявить важную связь между налоговой обязанностью и конституционными правами и свободами. Надлежащее выполнение этой обязанности является необходимым условием для реализации конституционных прав и свобод [9, С. 17-19].

Без налогов, выступающих важным средством формирования бюджетных фондов, невозможно обеспечить на должном уровне права и свободы

налогоплательщиков. Иначе говоря, существует взаимосвязь не только между правами и обязанностями налогоплательщика, но и между его конституционно-правовой обязанностью и правом требовать от государства создания необходимых условий для выполнения этих обязательств. В Налоговом кодексе Российской Федерации обязанность уплаты налогов и сборов возлагается на налогоплательщиков при наличии определенных оснований, которые классифицируются специалистами в области налогового права.

Согласно ст. 45 НК РФ налогоплательщик обязан исполнить налоговую обязанность самостоятельно. Однако отдельными статьями налогового права допускается вероятность осуществления исполнения обязанности ответственным лицом консолидированной группы налогоплательщиков, при уплате налога на прибыль (условия создания консолидированной группы закреплены в ст. 25.2 НК РФ), а также третьими лицами – хозяйствующими субъектами, становящимися участниками налоговых правоотношений в силу свободного волеизъявления [10].

В соответствии с п.1. ст. 72 НК РФ исполнение обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов может обеспечиваться следующими способами: залогом имущества, поручительством, пеней, приостановлением операций по счетам в банке, приостановлением операций по счетам цифрового рубля и наложением ареста на имущество, банковской гарантией [10] (табл.1).

Таблица 1 - Мероприятия по исполнению налоговых обязанностей

Наименование мероприятия	Основное положение	Примечание
Порядок взыскания	Уведомление должника	В обязанности налоговых органов, перед началом принудительного исполнения, входит известить должника о наличии имеющейся задолженности
Меры принудительного исполнения	Арест имущества	Налоговые органы имеют право наложить арест на имущество должника, в том числе, банковские счета, недвижимость и активы
	Взыскание из доходов	В отдельных случаях, предусмотренные законом, возможно удержание задолженности из основного источника доходов налогоплательщика – заработной платы или иных доходов должника
	Принудительное исполнение через судебные органы	Не во всех случаях предусмотрено, что налоговые органы могут взыскать с налогоплательщика задолженность (долг), тогда дело

		передается в суд для дальнейшего рассмотрения
Защита прав должников	Обжалование действий налоговых органов	Должники имеют право обжаловать действия налоговых органов в административном порядке или в суде
	Право на информацию	Должники имеют право получать информацию о своей задолженности и порядке ее погашения
	Сроки давности	После истечения сроков давности налоговые органы не имеют право требовать уплаты долга
Особенности для юридических лиц	Содержатся дополнительные меры для юридических лиц в случае значительных долгов, такие как возможность временной приостановки предпринимательской деятельности или банкротство	

На основании ст. 72 Налогового Кодекса РФ к способам обеспечения налоговой обязанности относятся:

- 1) залог имущества;
- 2) поручительство;
- 3) пеня;
- 4) приостановление операций по счетам в банке;
- 5) наложение ареста на имущество налогоплательщика [10].

Залог имущества и поручительство символично можно определить к гражданско-правовым способам обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов, наложение ареста на имущество налогоплательщика и приостановление операций по счетам в банке – к административно-правовым способам.

Согласно ст. 72 НК РФ закрепленный перечень налоговых обязанностей значится закрытым, ввиду этого в налоговых правоотношениях не могут применяться иные меры обеспечения, предусмотренные, в частности, ст. 329 Гражданского Кодекса РФ – неустойка, удержание, задаток, банковская гарантия и др. [10] (рис.1)

Рисунок 1 – Способы обеспечения исполнения налоговых обязанностей

В налоговом законодательстве способы обеспечения исполнения налоговых обязанностей характеризуются сугубо вещественным характером. Налоговый Кодекс закрепляет, что к правоотношениям, возникшим при установлении залога и поручительства в качестве способа обеспечения исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов, применяются нормы гражданского законодательства, если иные не предусмотрены налоговым законодательством (п. 7 ст. 73, п. 6 ст. 74 НК РФ).

В ст. 329 ГК РФ говорится, что поручительство и залог обеспечивают гражданско-правовые обязательства. Соответственно, нормы гражданского законодательства, регулирующие залог и поручительство, выступают в данном случае в числе общих норм, а определенные нормы НК РФ – специальных норм.

В связи с вышеизложенным соотносятся данные нормы подобным образом: относительно залога и поручительства в налоговых правовых отношениях должны применяться соответствующие нормы ГК РФ, если иное не установлено налогово-правовыми нормами. Поскольку действует главенство специальной нормы перед общей нормой права. Применение залога и поручительства в сфере налогообложения ограничивается случаями изменения сроков исполнения налоговой обязанности, а именно, рассрочки, отсрочки и инвестиционного налогового кредита. Пеня, приостановление операций по

счетах в банке, а также арест имущества находят применение в каждом случае, как только налоговому органу надлежит исполнить принудительное взыскание суммы налога.

Способы обеспечения характерны классификацией функционально-целевого критерия:

1. Способы обеспечения добровольной уплаты налогов (правовые средства, стимулирующие налогоплательщиков к своевременной уплате налоговых платежей в пользу бюджета государства):

- залог имущества;
- поручительство;
- пеня.

2. Способы обеспечения принудительного взыскания налогов (все фазы движения принудительного взыскания строго регламентированы налоговым законодательством по срокам осуществления тех или иных действий):

- приостановление операций по счетам в банке;
- арест имущества.

Залог как способ обеспечения налоговых обязательств представляет собой соглашение между залогодателем и налоговым органом (залогодержателем). В соответствии с этим соглашением, залогодатель имеет право удовлетворить свои требования за счет стоимости заложенного имущества в случае, если налогоплательщик не исполнит свои обязательства по уплате налога и начисленных пеней.

Залог имущества оформляется посредством заключения договора между налоговым органом и залогодателем. Залогодателем может быть как сам налогоплательщик, так и третье лицо. В соответствии с гражданским законодательством, в качестве предмета залога, может выступать любое имущество, на которое возможно установление залога, однако исключением будет являться имущество, ранее находящееся под залогом по другому юридическому документу или ранее составленному договору.

При установлении залога – имущество вправе находиться у залогодателя или передаваться налоговому органу (залогодержателю) при условии, что залогодатель обеспечит сохранность данного имущества.

В исполнении ст. 73 НК РФ совершение разных видов сделок в отношении заложенного имущества, а также сделок, совершаемых в целях погашения сумм задолженности, может осуществляться только по согласованию с залогодержателем.

Поручительство – обязательство, при котором поручитель (третье лицо) возлагает на себя ответственность перед залогодержателем за выполнение должником обязательств перед кредитором, по уплате налогов (сборов) в случае, если последний не исчислит в установленный законом срок причитающиеся суммы налога и соответствующих пеней.

Поручительство во всех необходимых случаях, предусмотренных законодательством, оформляется договором между налоговым органом и поручителем, соответственно, поручителем могут выступать юридические или

физические лица. К тому же по одной налоговой обязанности уплате налога допустимо единовременное участие нескольких поручителей.

Солидарная ответственность возникает между поручителем и налогоплательщиком в том случае, когда происходит неисполнение налогоплательщиком налоговой обязанности. Данное действие обозначает, что налоговые органы имеют право предъявить требование об уплате напрямую поручителю без выставления соответствующего требования налогоплательщику. Налоговым органом производится в судебном порядке принудительное взыскание налога и соответствующих пеней с поручителя. Статья 74 НК РФ предусматривает после исполнения поручителем взятых на себя обязательств к нему переходит право требовать от налогоплательщика уплаченных им сумм, а также процентов по этим суммам и возмещения убытков, понесенных в связи с исполнением обязанности налогоплательщика [10].

Пеня – вид финансового наказания (денежная сумма) за невыполнение в срок обязательств, которую налогоплательщик должны выплатить в случае уплаты налогов в более поздние сроки по сравнению с установленными налоговым законодательством.

Сумма пеней уплачивается за вычетом задолженности независимо от того, какие меры применялись ранее для обеспечения исполнения налоговой обязанности, а также мера ответственности за налоговые правонарушения.

В силу п. 3 ст. 75 НК РФ пеня начисляется за каждый календарный день просрочки исполнения обязанности по уплате налога, начиная со следующего за установленным законодательством о налогах и сборах дня уплаты налога, если иное не предусмотрено ст. 75 НК РФ и гл. 25 и 26.1 НК РФ. Следовательно, уплату пеней налоговое законодательство прикрепляет не к отчетному периоду, а только лишь к сроку уплаты налога (сбора). Предусмотрены аспекты, в случаях, когда пени не могут начисляться на сумму задолженности (недоимки), непогашенную налогоплательщиком вследствие того, что согласно решению суда или налогового органа, были приостановлены его операции в банке или же на имущество наложен арест. Взыскание пеней с юридических лиц (организаций) осуществляется в бесспорном порядке, с физических лиц – в судебном порядке (ст. 75 НК РФ).

Алгоритм взыскание пеней с юридических лиц в бесспорном порядке осуществляется следующим образом:

1. Выставление требований об уплате налога, сбора, пени и штрафа.
2. Осуществление взыскания задолженности за счет денежных средств (в т.ч. электронных).
3. Принятие обеспечительных мер, таких как, приостановление операций по счетам в банках и арест имущества.
4. Принятие решения о взыскании за счет имущества должника.

Алгоритм взыскание пеней с физических лиц в судебном порядке осуществляется следующим образом:

1. Выставление требования об уплате налога.
2. Подача заявления в судебные инстанции о взыскании за счет имущества физического лица.

3. Подготовка судебного приказа, исполнительного листа.

В данных вышеперечисленных случаях необходимо судебному приставу-исполнителю подготовить исполнительный документ для совершения исполнительного действия.

Ненадлежащее исполнение обязанности или неисполнение по уплате налога является бесспорным основанием для применения со стороны государства мер принудительного исполнения налоговой обязанности. Данные меры применяются в обязательном последовательном порядке в три основных этапа:

1. Подготовка требования об уплате налога (налоговые органы извещают налогоплательщика об имеющейся у него недоимке, необходимую к уплате в установленный законом срок, с начисленными на момент оформления требования пени).

2. Взыскание налога за счет денежных средств, находящихся на счетах налогоплательщика в банках (процедура выполняется согласно решению налогового органа. В финансовое учреждение (банк), где открыты счета налогоплательщика, направляется инкассовое поручение (распоряжение) на списание и перечисление необходимых средств в бюджет (внебюджетные фонды).

3. Взыскание налога за счет имущества налогоплательщика регулируется ст. 47 Налогового кодекса РФ (взыскание налога происходит, в том случае, если налогоплательщик не имеет денежных средств на банковских счетах или их недостаточно; либо налоговый орган не располагает информацией об открытых налогоплательщиком счетах в банках).

Выводы. Таким образом, способы обеспечения налоговых обязательств мотивируют должника к своевременному исполнению возложенного на него обязательства. Принудительное исполнение налоговых обязательств – затруднительный процесс, трудоемкое исполнение, требующее соблюдения целого ряда правовых норм и законодательных процедур. Значимо, чтобы должники (налогоплательщики) разбирались и знали свои права и обязанности для обеспечения справедливости и законности в процессе взыскания налогов.

Принудительное исполнение налоговых обязательств представляет собой важный механизм обеспечения исполнения законодательства в области налогообложения. Этот процесс регулируется большой требовательностью и строгими правовыми нормами, направленными на защиту интересов государства и налогоплательщиков. Важнейшими аспектами является эффективное взаимодействие налоговых органов и налогоплательщиков, а также прозрачность и предсказуемость действий со стороны государственных органов, которые способствуют созданию справедливой и устойчивой налоговой системы. Учитывая вышесказанное, соблюдение правовых особенностей в процессе принудительного исполнения налоговых обязательств является необходимым условием для обеспечения законности и справедливости в налоговых отношениях.

Список литературы

1. Назаров, В.Н. Основы налогового права / В.Н. Назаров. – М.: Компания Спутник, 2008. – 146 с.
2. Григорьев, А.С. Конструкция налогового обязательственного правоотношения и проблемы устранения международного двойного налогообложения / А.С. Григорьев // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 150.
3. Щербакова, Л.В. О теоретико-методологических аспектах обязательственной концепции налоговых правоотношений / Л.В. Щербакова // Налоговое и бюджетное право: современные проблемы имущественных правоотношений: материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 29-31 марта 2012 г. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2012. – С. 527-534.
4. Лукьянов, В.В. Правовые основы исполнения обязанности по уплате налогов : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Лукьянов – Саратов, 2006. – 172 с.
5. Буравлева, А.В. Добросовестность в налоговом праве / А.В. Буравлева // Диалог. – 2017. – № 1(6). – С. 46-50.
6. Лютова, О.И. Налоговая обязанность как институт налогового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.И. Лютова. – М., 2014. – 223 с.
7. Галкин, А.В. Основания возникновения налоговой задолженности / А.В. Галкин // Налоги. – 2009. – № 5 – С. 20-31.
8. Сацихина, Т.Ю. Налоговая обязанность и ее исполнение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Ю. Сацихина. – М., 2008. – 25 с.
9. Садчиков, М.Н. Индивидуализация налоговой обязанности / М.Н. Садчиков // Налоги. – 2018. – № 4. – С. 17-19.
10. Налоговый кодекс : Федеральный закон № 146-ФЗ от 31 июля 1998 г. : принят Государственной Думой 16 июля 1998 г. (ред. от 29.11.2024). – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487481&ysclid=masizhaoyi43855866> – (дата обращения: 14.05.2025).

УДК 343.2

ПРОБЛЕМА ВЕРХНЕГО ВОЗРАСТНОГО ПРЕДЕЛА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Козачёк Е.С., старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kozachok0303@gmail.com)

В статье анализируется проблема верхнего возрастного предела уголовной ответственности. Делается вывод о неприемлемости ее законодательного закрепления, учитывая сугубо индивидуальные особенности психофизиологических изменений у пожилых людей.

Ключевые слова: *верхний возрастной предел уголовной ответственности, старческое слабоумие, вменяемость, лицо преклонного возраста, старость.*

THE PROBLEM OF THE UPPER AGE LIMIT OF CRIMINAL LIABILITY

Kozachok, E.S.

The article analyzes the problem of the upper age limit of criminal liability. It is concluded that its legislative consolidation is unacceptable, given the purely individual characteristics of psychophysiological changes in the elderly.

Keywords: *the upper age limit of criminal responsibility, senile dementia, sanity, old age, old age.*

Актуальность темы исследования. Тема субъекта преступления в целом, а также вопрос возраста уголовной ответственности, в частности, всегда волновал научное сообщество уголовно-правовой направленности. Если вопрос о нижней возрастной границе уголовной ответственности постоянно изучался и продолжает изучаться, то проблеме верхнего возрастного предела уделяется гораздо меньше внимания. Исходя из этого, у некоторых ученых возникает вопрос, а стоит ли устанавливать верхний предел уголовной ответственности ввиду того, что люди пожилого возраста не всегда могут оценить характер своих деяний, руководить своими действиями, а порой просто забывать о совершенных деяниях.

Анализ научных исследований. До революции в 1917 году тему верхнего возрастного предела уголовной ответственности затрагивали в своих трудах такие известные учёные, как Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, Н.Д. Сергиевский, В.В. Есипов, В.Д. Спасович, П.Д. Калмыков и др. Впоследствии вопрос верхнего

возрастного порога уголовной ответственности выпал из поля зрения юристов, им интересовались только специалисты-психиатры. На сегодняшний день единственной расширенной авторской позицией по этому вопросу является наследие русского психолога О.Д. Ситковской [10; 11, С. 115-125].

Цель статьи. Целью данной статьи является анализ вопросов, связанных с пределами возраста уголовной ответственности. И если нижний порог уже давно установлен, то верхней возрастной границы в уголовном законодательстве Российской Федерации не было и нет, однако среди ученых такой вопрос поднимается. При этом следует отметить, что это вопрос не только сугубо уголовно-правовой, также данная тематика касается таких наук как психология и геронтология. Изучая мнения разных ученых, целью исследования также является формирование собственной позиции и выводов.

Изложение основного материала. Неудовлетворительное изучение указанной проблемы в правовой науке и юридической психологии, по мнению О.Д. Ситковской, объясняется двумя причинами: 1) сфера правового регулирования верхней возрастной границы уголовной ответственности, если бы она имела место, была бы намного уже, чем сфера регулирования нижней возрастной границы, т.е. необходимость в таком регулировании менее актуальна по сравнению с определением соответствующего возрастного предела для несовершеннолетних; 2) представители юридической психологии, следуя традициям, словно отстранились от этой проблемы, «отдав» ее судебной психиатрии, при очевидной невозможности ее сведения к судебно-психиатрической проблематике [10, С. 76; 11, С. 115].

Следует согласиться с Р.И. Михеевым [8, С.163], который считает высказанные О.Д. Ситковской рассуждения небесспорными, поскольку в связи со старением населения постепенно растет количество преступлений, совершаемых лицами пожилого возраста, а, соответственно, отечественная правовая система должна быть готова к указанным изменениям. К тому же следует поддержать мнение самой же О.Д. Ситковской, которая пишет, что «значимость вынесения справедливых решений, от которых зависит судьба (а, возможно, и жизнь, если учитывать последствия вынесения обвинительного приговора для лица старческого возраста), не определяется большим или меньшим количеством случаев, когда в этом возникает необходимость. Приоритетный характер охраны и защиты прав человека выдвигает потребность обратить внимание законодателя и правоприменителя к проблеме верхнего порога уголовной ответственности, а не только нижнего» [10, С. 77-78; 11, С. 117]. Учитывая это, проблема верхнего возрастного порога уголовной ответственности должна наконец-то больше заинтересовать не только судебных психиатров, но и юристов и психологов.

Поэтому целью этой статьи является проанализировать разные подходы к проблеме верхнего возрастного предела уголовной ответственности и сделать вывод о целесообразности или нецелесообразности ее законодательного закрепления.

Следует отметить, что в течение XIX-XX веков учеными высказывались разные мнения по поводу возможности влияния пожилых людей и

психофизиологических изменений, связанных со старением, на уголовную ответственность таких лиц. Да, в конце XIX ст. известный немецкий психиатр Эмиль Крепелин дал такую характеристику старости: «Сама старость становится болезнью, которой, наконец, к определенной мере, не избежит никто. Способность восприятия и психическая подвижность в старческом возрасте падают; старик начинает постепенно терять интерес к своей обстановке и распределения своего времени. Память его становится ненадежной, особенно относительно событий недалекого прошлого, круг его увлечений сужается вследствие недоступности нового восприятия, богатство представлений уменьшается, поскольку прогрессирующая потеря представлений не компенсируется уже новыми достижениями. В сфере душевных эмоций дело также идет к обеднению» [4, С. 9-10]. С такими соображениями можно согласиться лишь отчасти. Совершенно очевидно: если у одних людей, достигших пожилого возраста, названные «симптомы» являются имеющимися и заметными, то у других их влияние на психическое самочувствие значительно меньше. Утрачивая физические силы, человек все же может сохранять способность и дальше развиваться как личность, в полной мере осознавать свои действия и управлять ими. В этом контексте хотелось бы согласиться с А.Ф. Кистяковским, который еще в конце XIX века писал: «Хотя старость в общем сопровождается ослаблением умственных и моральных сил, но случаи полного угасания ума с наступлением старости, вообще-то говоря, редки, они скорее означают признак болезненной, чем нормальной старости» [5, С. 435].

Впрочем, в литературе неоднократно обращалось внимание на старческое одряхление как элемент психических аномалий, что может исключать уголовную ответственность. Так, по мнению О.Д. Ситковской, «нарушения психической деятельности, которые развиваются и проявляются в старческом возрасте, могут существенно нарушить или даже аннулировать управление поведением в конкретном случае» [10, С. 81; 11, С. 122]. В то же время О.Д. Ситковская указывает и на отличие этого вопроса от проблемы способности к виновной ответственности несовершеннолетних. Если последняя «решается на уровне неопровержимой презумпции определенной с точностью до времени возрастного предела, недостижение которого снимает необходимость выяснения, способен ли данный подросток к виновной ответственности в конкретном случае», то проблема верхнего возрастного предела уголовной ответственности «носит качественно иной характер, связан с последствиями достижения определенного возраста. Лица старческого возраста в свое время после достижения 14 (16, 18) лет приобрели статус способных к виновной ответственности. И нужно решать, сохраняют они его или нет» [10, С. 81; 11, С. 122].

Представляется, что избранный О.Д. Ситковской и другими авторами термин «одряхление» для обозначения психических изменений, связанных со старением, которые не всегда можно отнести к психическим заболеваниям в буквальном смысле этого слова, является не самым удачным. Он заранее нацеливает на определенное преувеличение значения указанных выше изменений, не позволяет провести четкую разницу между грубыми

психическими заболеваниями пожилых людей и психическими возрастными изменениями, которые хотя и приводят иногда к ослаблению интеллектуально-волевых возможностей человека, однако не лишают его способности осознавать свои деяния и управлять ними.

Отметим, что инволюционный отрезок онтогенеза человека в литературе обычно называется периодом «обратного развития». Е.С. Авербух подчеркивает, что отдельные психиатры и психологи клинически и экспериментально-психологически даже устанавливают абсолютное сходство между психической деятельностью человека в старости и на ранних этапах онтогенеза, в период развития и становления [1, С. 757]. К таким психологам и психиатрам приобщаются и отдельные криминалисты. Так, Л.В. Боровых пишет: «Многочисленные изменения в организме и психике человека позволяют утверждать, что в конце жизни человек иногда впадает в состояние престарелости, что подобно детству, склонен к потере всех этих моральных качеств, устанавливающих состояние вменяемости. В это время иногда угасает в человеке разум и моральная сила, что обуславливает свободу человека, то есть его способность к осознанному выбору между добром и злом. Таким образом, старческий возраст, подобно детскому, может породить особое состояние психики, которое должно учитываться в уголовно-правовой теории и практике» [2, С. 39].

По моему мнению, прямолинейное понимание инволюционной регрессии как повторения, но в обратном порядке, этапов развития психической деятельности, является явно упрощенным и неоправданным. Но все же целесообразно задать вопрос: может ли старческий возраст сам по себе обусловить невменяемость личности? Кажется, что нет. Следует согласиться с А.П. Козловым, который отмечает, что речь здесь должна идти не про старческий возраст, как таковой, так как многие люди, доживая до старости, сохраняют здравый смысл [6, С. 468]. Причиной невменяемости является конкретная психическая болезнь (например, сенильная деменция), связанная с биологическими процессами старения. Прав профессор Н.С. Таганцев: «Но так как не старость сама по себе, а умственное бессилие, которое является производным от нее, устраняющим ответственность, то определение этого момента должно делаться только в каждом конкретном случае» [14, С. 145].

Очевидно, что большинство свидетельств «обратного развития», разнообразных «странностей характера» сегодня адекватно объясняются психиатрами, указывающими заболеваемостью того или иного индивида конкретной психической болезнью (предстарческие и старческие расстройства психики). О верности этой мысли может в определенной степени свидетельствовать хотя бы сам факт того, что О.Д. Ситковская для аргументации своей позиции о старческом одряхлении как факторе, который исключает способность личности осознавать свое деяние или управлять им, ссылается на труды авторов (С.П. Разумовская [9], Л.А. Яхимович [16], Ю.Д. Криворучко [7]), которые анализируют психические отклонения, связанные с церебральным атеросклерозом. Не следует забывать, что психические расстройства сосудистого генеза, хотя и редко уходят в характер психоза, все же являются

наиболее распространенной формой патологии в позднем возрасте. В литературе подчеркивается, что после 60 лет они выявляются почти у каждого пятого пациента [3, С.155].

О.Д. Ситковская указывает на склонность «дряхлых» стариков к сексуальным расстройствам, соращению несовершеннолетних [10, С. 80; 11, С. 121]. Но ведь на аналогичные проявления в один голос указывают психиатры как на характерные симптомы деменций [3, С. 150, 155; 12, С. 233, 234; 13, С. 224]. Для аргументации своей позиции О.Д. Ситковская отмечает, что наступление признаков дряхлости происходит незаметно, со значительными индивидуальными отличиями, с маскировкой интеллектуальных снижений, изменениями характера [10, С. 79; 11, С. 119]. Но и психические расстройства (в т.ч. и тяжелые) у лиц пожилого возраста также появляются совершенно незаметно, с абсолютно «невинных» странностей характера, с психических изменений, присущих физиологическому старению [3, С. 148, 149; 13, С. 221].

Стоит отметить, что «наступление симптомов дряхлости» на самом деле есть не что иное, как начало серьезной психической болезни (например, старческого слабоумия), а значит, налицо медицинский критерий невменяемости. В глазах окружающих определенный старый человек, действительно, может выглядеть просто «психически дряхлым», однако в психиатрии такие признаки адекватно объясняются. В то же время следует подчеркнуть, что наличие старческих изменений психики далеко не всегда свидетельствует о начальном периоде психического расстройства: такие изменения личности могут уступить место грубым интеллектуальным и волевым расстройствам, а могут и сгладиться (что, конечно, имеет место гораздо чаще).

Учитывая сказанное, позиция О.Д. Ситковской кажется недостаточно аргументированной. Однако и полностью отвергать ее нельзя. Нельзя быть абсолютно уверенным в том, что «психофизиологическое одряхление как таковое, безотносительно к наличию психиатрического заболевания в точном смысле этого слова» [10, С. 83; 11, С. 124], не может иметь места и не может влиять на способность субъекта подлежать уголовной ответственности. Понятно, например, что связанные со старением нарушения памяти и внимания могут иметь большое значение для механизма неосторожного преступления. Существенными для уголовного закона могут быть и другие интеллектуальные, эмоциональные и волевые особенности лиц пожилого возраста: замедление восприятия, обработки и передачи информации; ослабление и нарушение баланса процессов возбуждения и торможения; диссоциация между нарушенной способностью понимать ситуацию и достаточной сохранностью привычных навыков поведения; сложность или невозможность найти оптимальное разрешение ситуации, в которой необходима скорая ориентация; утрата возможностей осмысливать некоторые ситуации в целом, прогнозировать последствия своих и чужих поступков (несмотря на сохранение формально правильной ориентировки в других конкретных ситуациях) [11, С. 120-121]. Существуют также данные о том, что в период старения человеческого организма уменьшается вес мозга (в возрасте от 60 до 75 лет она снижается на

6%), происходят атрофические процессы в белом и сером веществе, дистрофические процессы в нервных клетках [12, С. 232-233].

Подчеркивая ошибочность поверхностных суждений о сохранности таких лиц, Густав Ашаффенбург писал, что у них «целым является фасад, но не дом» [16, С. 45]. Важны также слова известного геронтопсихиатра Е.С. Авербуха: «В старости граница между физиологическим и патофизиологической, между нормой и патологией значительно сглажена. Так называемые «старческие недуги», «старческие неполадки» хоть и не являются, грубо говоря, болезнями, все же доставляют немало неприятностей» [1, С. 760]. Поэтому, кажется, сама вероятность факта влияния старческого одряхления (наличие интеллектуальных и волевых признаков) на способность быть или не быть субъектом преступления, подлежать уголовной ответственности требует дальнейшего изучения и дополнительной аргументации. Учитывая это, следует подытожить, что полный и окончательный ответ на этот вопрос может дать только всестороннее обсуждение указанной проблемы как психиатрами, так и юристами, психологами и геронтологами.

Выводы. Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что законодательное установление верхнего возрастного предела уголовной ответственности будет неприемлемым, так как особенности психофизиологических изменений у людей пожилого возраста являются сугубо индивидуальными. В отличие от нижнего возрастного порога, зафиксировать верхний на «все случаи жизни» просто невозможно. Очень часто можно видеть людей, которые, несмотря на свой преклонный или старческий возраст, мало отмечены психологическим старением. Если в случае с лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, их состояние возрастной невменяемости презюмируется, то в случае со старческим возрастом, говорить все же следует о разных психических расстройствах, позволяющим некоторым проводить такие аналогии. Нет необходимости также конструировать особые критерии невменяемости для лиц пожилого возраста. Вопрос о вменяемости или невменяемости таких лиц должен решаться на общих началах, предусмотренных в уголовном законе. Такой является мировая практика законотворчества и правоприменения.

Список литературы

1. Авербух, Е.С. Соотношение биологического и социального в формировании личностных особенностей при физиологическом и патологическом старении // Соотношение биологического и социального в человеке / Отв. ред. В.М. Банщиков, Б.Ф. Ломов. – М.: Всероссийское научное общество невропатологов и психиатров, 1975. – С. 757-762.
2. Боровых, Л.В. Психолого-правовая характеристика и особенности уголовной ответственности лиц пожилого возраста / Л.В. Боровых // Теория и практика совершенствования законодательства на современном этапе. Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Уральская академия Трудового Красного Знамени гос. юрид. академия, 1993. – С. 39-40.

3. Жариков, Н.М., Судебная психиатрия / Н.М. Жариков, Г.В. Морозов, Д.Ф. Хритинин. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 432 с.
4. Заменгоф, М.Ф. Преступность стариков / М.Ф. Заменгоф // Журнал Министерства Юстиции. – Петроград, 1915. – № 4. – 42 с.
5. Кистяковский, А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства : Часть общая / [Соч.] Орд. проф. Ун-та св. Владимира, д-ра уголовного права А.Ф. Кистяковского. – 3-е изд., печатанное без перемен со 2-го. – Киев : Ф.А. Иогансон, 1891. – 887с.
6. Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.
7. Криворучко, Ю.Д. Дифференцированная оценка признаков юридического критерия невменяемости в некоторых случаях органического поражения головного мозга у лиц позднего возраста // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии / Под ред. Г.В. Морозова. – М.: Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени НИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 1983. – С. 104-110.
8. Михеев, Р.И. Старческая преступность (в порядке обсуждения проблемы) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Материалы научно-практической конференции (3-4 февраля 2000 г.). Часть 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. – С. 161-165.
9. Разумовская, С.П. Вопросы судебно-психиатрической оценки сосудистых заболеваний головного мозга // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии / Под ред. Г.В. Морозова. – М.: Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени НИИ общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 1983. – С. 95-103.
10. Ситковская, О.Д. Проблема верхней возрастной границы уголовной ответственности / О.Д. Ситковская // Особенности развития уголовной политики в современных условиях. – М.: Академия МВД России, 1996. – С. 76-83.
11. Ситковская, О.Д. Психология уголовной ответственности / О.Д. Ситковская. – М.: Норма, 1998. – 285 с.
12. Судебная психиатрия / Под ред. проф. А.Н. Бунеева, доц. Ц.М. Фейнберга, проф. А.М. Халецкого. – М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1949. – 400 с.
13. Судебная психиатрия : Учебник / Под ред. проф. А.С. Дмитриева, проф. Т.В. Клименко. – М.: Юрист, 1998. – 408 с.
14. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права: Учение о преступлении. Часть общая. Кн. 1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1874. – 292 с.
15. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / Под науч. ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 384 с.
16. Яхимович, Л.А. Судебно-психиатрическое значение атеросклеротического слабоумия (вопросы дееспособности) // Теоретические и организационные

вопросы судебной психиатрии / Под ред. Г.В. Морозова. – М.: Центральный Ордена Трудового Красного Знамени НИИ судебной психиатрии им. проф. В. П. Сербского, 1977. – С. 44-48.

17. Первомайский, В.Б. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта / В.Б. Первомайский // Государство и право. 2014. – № 5. – С. 69.
18. Павлов, В.Г. Субъект преступления в уголовном законодательстве / В.Г. Павлов // Правоведение. – 2012. – № 1. – С. 99-100.
19. Боровых, Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993. – 189 с.

УДК 340

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ

Лобов Д.В., кандидат юридических наук, проректор по экономике и административно-хозяйственной деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

Николаев А.А., кандидат юридических наук, доцент, директор института правосудия и правоохранительной деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikolaev_alex02@mail.ru)

В статье анализируется проблема адаптации и интеграции беженцев в современной России. Аргументируется необходимость проведения подготовки и переподготовки сотрудников, работающих с мигрантами. Указано на недостатки реализации миграционной политики в отношении беженцев. Выявлен ряд проблем, имеющих региональную специфику. Делается вывод о необходимости изменений в действующем законодательстве. Вносятся ряд предложений, адресованных органам государственной власти, институтам гражданского общества, которые будут способствовать совершенствованию законодательства, гармонизации межнациональных отношений.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, иностранные граждане, беженцы, адаптация, интеграция.

SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL ISSUES OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF REFUGEES

Lobov, D.V., Nikolaev, A.A.

The article analyzes the problem of adaptation and integration of refugees in modern Russia. The need for training and retraining of employees working with migrants is substantiated. The shortcomings of the implementation of migration policy in relation to refugees are indicated. A number of problems with regional specifics are identified. A conclusion is made about the need for changes in the current legislation. A number of proposals are made addressed to government bodies, civil society institutions that will contribute to the improvement of legislation, harmonization of interethnic relations.

Keywords: migration, illegal migration, foreign citizens, refugees, adaptation, integration.

Актуальность темы исследования. Миграция, как важное социальное явление, действительно остается актуальной темой в глобальном масштабе,

особенно в условиях современных экономических и политических изменений. На фоне глобализации рынок труда становится все более интегрированным, и трудовая миграция занимает центральное место в этой динамике. Тем не менее, процесс миграции влечет за собой множество сложных вопросов, требующих комплексного подхода и международного сотрудничества.

В контексте правового статуса беженцев, указанные международные соглашения, такие как Конвенция ООН о правовом статусе беженца и Европейская Конвенция о гражданстве, играют ключевую роль. Они задают рамки для защиты прав беженцев и упрощения процедур получения ими гражданства в странах пребывания. Однако, реализовать эти рекомендации на практике далеко не всегда удастся, и охватывающие нормы для лиц, ищущих защиту, варьируются от страны к стране.

Такая ситуация создает неравные условия для мигрантов и беженцев, чего следует стремиться избегать в условиях глобальных вызовов. К примеру, некоторые страны предлагают более лояльные условия натурализации и признают права определенных категорий беженцев, тогда как другие остаются более строгими, что создает риски для прав людей, находящихся в уязвимом положении [1, С. 27].

Таким образом, необходимо развивать диалог и сотрудничество между государствами для гармонизации подходов к миграционной политике и усиления мер по защите прав беженцев и мигрантов. На уровне международных организаций можно работать над созданием рекомендаций, которые учитывали бы лучшие практики, и способствовали бы улучшению условий для интеграции мигрантов и беженцев в общества, где они ищут новый дом.

Как справедливо отмечают ученые, занимающиеся проблемами беженцев, сегодня в юридической науке исследователям необходимо решить следующие задачи: исследовать процесс развития вопроса беженцев в глобальном контексте; дать дефиницию понятия «беженец», исходя из правовой точки зрения; выявить содержание адаптации и интеграции беженцев; обосновать роль органов государственной власти, общественных организаций в системе адаптации и интеграции беженцев; сформулировать понятие государственного управления в области интеграции беженцев; обосновать точку зрения о необходимости повышения эффективности его функционирования в исследуемой сфере; провести анализ управления вынужденной миграцией в части касающейся интеграции, реализации социальных прав; разработать рекомендации по решению проблем вынужденной миграции [2].

Интеграция и адаптация иностранных граждан, в особенности такой категории мигрантов, как беженцы, – важнейшая составляющая реализации миграционной политики, что говорит о безусловной актуальности темы данного научного исследования.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты организационно-правовых вопросов адаптации и интеграции беженцев рассматривались такими учеными, как С.Ю. Андрейцо, А.В. Богданов, В.А. Волох, И.Ю. Екимов, С.Г. Жестянников, Е.Ю. Зинченко, В.М. Исаков, Е.Н. Хазов и др. Однако, учитывая значительно возросший в последнее время поток беженцев на

территорию Российской Федерации, существует необходимость дальнейших исследований проблем их адаптации и интеграции.

Цель статьи состоит в изучении организационно-правовых вопросов адаптации и интеграции беженцев.

Изложение основного материала. Следует обратить внимание на важные аспекты интеграции и адаптации мигрантов в России, проблемы, с которыми сталкиваются как сами мигранты, так и государственные органы, работающие в этой сфере. Важным моментом является необходимость выработки эффективных решений как на федеральном, так и на региональном уровнях. В данном контексте обратим внимание на следующее.

1. Интеграция и адаптация мигрантов. Понятия интеграции и адаптации часто используются в контексте миграционных процессов. Интеграция подразумевает более глубокую ассимиляцию мигрантов в новую культуру и общество, тогда как адаптация охватывает начальные процессы приспособления к новым условиям. Важно, чтобы мигранты имели возможность для самореализации и участия в общественной жизни

2. Правовые аспекты. Необходимость наличия легальных документов для нахождения на территории РФ является важным вопросом, так как отсутствие таких документов ставит мигрантов в уязвимое положение, ограничивая их права и свободы. Сложности в получении статуса беженца также требуют внимания со стороны государственных органов.

3. Региональные инициативы. Так, С.Ю. Андрейцо и Е.Н. Хазов приводят следующий пример. На совещании в офисе Санкт-Петербургского омбудсмена обсуждались трудности реализации прав лиц, содержащихся в Центре временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ) № 1 ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, возникшие в связи с реорганизацией органов миграции, отсутствием законодательного регулирования процедуры доставления содержащихся в ЦВСИГе граждан на судебные заседания (эта функция была снята с судебных приставов) и др. [4]. Накануне заседания предложения петербургского омбудсмена по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере миграции были направлены Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации.

Участники встречи выделили несколько ключевых вопросов:

1) многие иностранцы и лица без гражданства, освободившиеся из мест лишения свободы, оказываются в ситуации, когда у них нет оснований для дальнейшего пребывания в России, а также отсутствуют возможности для административного выдворения или депортации. Эта проблема неоднократно поднималась УФСИН по СПб и ЛО и общественными организациями, однако остается нерешенной;

2) обсуждалось бездействие дипломатических и консульских учреждений в случаях обращения граждан, выехавших из Донецкой и Луганской областей, за документами, подтверждающими выход из гражданства России. Эта ситуация касается и других категорий граждан Украины. Представители Управления по вопросам миграции рассказали о существующих трудностях и мерах,

принимаемых для их устранения, отметив, что ранее уже направлялись предложения в адрес МВД России. Отмечалось, что необходимо повторно рассмотреть эти предложения и реализовать их через право законодательной инициативы;

3) в некоммерческих организациях города (таких как ПСП-фонд и отделение Красного Креста) накопилось большое количество обращений от людей с неурегулированным миграционным статусом. Требуется найти решение их проблем и проработать статус НКО в данной области;

4) граждане Украины, прибывшие в Санкт-Петербург из Донецкой и Луганской областей с целью получения убежища, намеренно затрудняют свою интеграцию, рассчитывая сохранить украинское гражданство;

5) существуют серьезные опасения относительно возможного выдворения граждан Украины, участвовавших в боях на Донбассе, на территорию Украины. Это может нарушить международные обязательства России, в частности, принцип невысылки и поставить под угрозу жизнь этих людей;

6) Кроме того, выделяется ряд проблем, связанных с реализацией прав иностранных граждан на охрану здоровья, получение медицинской помощи и безопасные условия труда в Санкт-Петербурге.

По итогам межсекторного совещания сформулирован пакет рекомендаций федеральным и региональным органам власти.

Примеры из Санкт-Петербурга показывают, как на местах можно реагировать на миграционные вызовы. Координация действий между различными структурами, такими как общественные организации и государственные учреждения, может стать эффективным способом решения проблем мигрантов.

1. Проблемы целевых групп. Важно обозначить, что разные группы мигрантов, такие как граждане Украины или лица без гражданства, могут сталкиваться с различными проблемами. Необходим индивидуализированный подход к каждой группе, учитывающий их специфические нужды.

2. Здравоохранение и социальные услуги. Реализация права на медицинскую помощь и защиту здоровья является одним из основных условий успешной интеграции. Необходимо создать доступные механизмы для мигрантов, чтобы обеспечить им возможность получать необходимые услуги.

3. Стратегические направления. Российские стратегические документы подтверждают, что проблемы миграции и интеграции являются приоритетными для российского государства. Эффективное их выполнение требует вовлечения всех уровней власти и развития соответствующих местных инициатив.

Отмечено, что направления интеграции расположены по степени снижения приоритетности для конкретного человека: главным условием интеграции является его возможность получения легального правового статуса, затем важны жилищные условия, работа и только потом его включенность в местное сообщество. При этом, конечно, человек обладает всеми правами одновременно. Типология лишь позволяет авторам, реализующим миграционную политику, определять приоритеты в политике интеграции [5].

Анализируя лишь стратегические элементы программ: цели, наименования основных разделов, отражающих задачи (и, соответственно, исключая практики реализации), можно сделать следующие выводы: созданию правовой, экономической и полноценной социальной интеграции, той, которая действительно необходима в первую очередь, программы не уделяют должного внимания. Главный приоритет – культурная интеграция. Это подтверждает закон политического управления о том, что реальное выражение политика приобретает в бюджетном процессе [6].

Концептуальный документ (о миграции) только на национальном уровне уже существует. Важная проблема – мы до сих пор не можем понять даже на федеральном уровне, зачем нам мигранты и что мы хотим с ними делать.

В целом, успешная интеграция мигрантов требует комплексного подхода, включающего правовые, социальные и культурные меры, а также активное взаимодействие между государственными и некоммерческими секторами.

Можно выделить важные аспекты миграционной политики России, включая противоречия и вызовы, связанные с интеграцией мигрантов. Рассмотрим основные моменты:

1. Противоречивость государственной политики. Подчеркнем, что сегодня существует две взаимосвязанные тенденции: признание необходимости мигрантов для развития экономики и демографии, в то время как со стороны государства наблюдается распространение языка вражды. Это, безусловно, создает напряженность и может усложнить интеграцию мигрантов в российское общество.

2. Интеграция как средство уменьшения конфликтов. Безусловно, существует необходимость успешной интеграции мигрантов для снижения этнической напряженности. Эта аксиома должна стать основой для формирования более эффективной миграционной политики и программ поддержки мигрантов.

3. Проблемы с законодательством и правоприменением. Необходимость усовершенствования законодательства для решения проблем, связанных с предоставлением статуса беженца, актуальна. Важность создания более гибкой и доступной системы для вынужденных мигрантов не может быть переоценена.

4. Опыт прошлых миграционных потоков. Изучение ситуации с мигрантами после событий на Украине в 2014 году позволит выявить успешные и неудачные практики. Корректировка механизма перераспределения мигрантов может помочь в более устойчивом размещении, а также снизить риск концентрации в крупных городах.

5. Жилищные вопросы. Проблема поиска жилья для мигрантов является ключевым фактором, влияющим на их интеграцию. Создание эффективных механизмов временного предоставления жилья и сопровождения мигрантов на данном этапе может значительно улучшить их адаптацию.

6. Миграционный учет. Необходимость упрощения процедуры для вынужденных мигрантов также важна. Это позволит избежать дополнительной нагрузки на мигрантов и снизит уровень стресса, связанного с бюрократическими процессами.

В настоящее время актуальной проблемой в Российской Федерации выступает контроль за соблюдением законности и правопорядка в связи с наличием в стране значительного числа трудовых мигрантов, часть из которых находится в России без надлежащего оформления документов (нелегально). Поэтому, по нашему мнению, следует также остановиться на таком важном аспекте, как общественный контроль за трудовыми мигрантами. Это обусловлено следующими факторами.

1. Общественные отношения и права трудовых мигрантов. Трудовые мигранты составляют значительную часть рабочей силы в России, и их защита, а также контроль за соблюдением их прав важно не только для самих мигрантов, но и для стабильности общества в целом. Особое внимание следует уделить борьбе с нарушениями трудовых прав, такими как невыплата заработной платы, плохие условия труда и дискриминация.

2. Роль государственных органов. Важно, чтобы уполномоченные органы соблюдали свои обязательства по контролю и обеспечению прав мигрантов. Однако, фактический контроль за их деятельностью может быть затруднен отсутствием четкой регуляции общественного контроля.

3. Общественные объединения и участие мигрантов. Формирование и поддержка неформальных и формальных объединений трудовых мигрантов могут значительно усилить их защиту и дать возможность более эффективно представлять свои интересы. Общественные организации могут сыграть ключевую роль в информировании мигрантов о их правах и способах их защиты.

4. Участие в специальных операциях. То, что трудовые мигранты участвуют в специальных военных операциях и могут использовать оружие, поднимает дополнительные вопросы о регулировании и контроле за их действиями, а также рассмотрении юридических аспектов их вовлечения в такие операции.

5. Актуальность институтов общественного контроля. Общественный контроль, как вы справедливо заметили, является важным инструментом обеспечения прав и свобод граждан. Создание и поддержка независимых контролирующих организаций, а также развитие механизмов общественного контроля смогут повысить уровень защиты прав трудовых мигрантов.

Выводы. В процессе анализа актуальных вопросов, связанных с адаптацией и интеграцией беженцев, можно выделить несколько ключевых выводов:

1. Под понятием государственного управления в сфере интеграции беженцев подразумевается целенаправленная и последовательная деятельность органов власти Российской Федерации. Это проявляется в виде исполнения и регулирования, направленного на эффективное взаимодействие с объектами управления. Основная цель этой деятельности заключается в обеспечении прав на убежище и других связанных с адаптацией и интеграцией прав, гарантированных государством.

2. Существуют обоснованные предпосылки для повышения эффективности работы МВД России в рассматриваемой области.

3. Исследование в области управления вынужденной миграцией, особенно в аспекте интеграции и реализации социальных прав, показало, что ключевую роль в решении этих задач играют органы власти субъектов Российской Федерации. Для вынужденных мигрантов именно они остаются основными действующими лицами в урегулировании возникающих проблем, в отличие от трудовых мигрантов, ответственность за которых частично несут работодатели. Тем не менее, существующие модели работы на уровне субъектов проявляют недостаточную результативность. Необходимо четкое разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере вынужденной миграции с последующим законодательным закреплением.

4. Механизм защиты прав вынужденных мигрантов можно условно разделить на три уровня:

1) Международный уровень: на этом уровне защита прав обеспечивается такими организациями, как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международная организация по миграции и другими международными структурами.

2) Федеральный уровень: здесь основным координатором выступает Правительство РФ, а большинство полномочий сосредоточено в руках МВД России. Однако взаимодействие между Правительством и МВД пока не может считаться достаточным.

3) Региональный уровень: на этом уровне наблюдается недостаток полномочий у субъектов РФ в сфере миграции. Из-за этого их работа по адаптации и интеграции беженцев оказывается малорезультативной, несмотря на активные усилия по вовлечению гражданского общества в решение проблем вынужденных мигрантов. Например, многие субъекты РФ разработали эффективные системы социальной помощи для беженцев из Украины. Однако на этом уровне все еще проявляется нехватка взаимодействия с федеральной властью, что объясняется отсутствием четкого разграничения полномочий.

5. Для улучшения управления в области адаптации и интеграции беженцев предлагается обобщить положительный опыт, накопленный в регионах в процессе приема граждан Украины, и создать условия для взаимодействия с региональными властями и общественными организациями. Также необходимо разработать и утвердить приказ МВД России, который будет регламентировать действия подразделений в условиях массового притока людей, ищущих убежище.

6. Общественный контроль является важнейшим институтом гражданского общества, выступающим надежной юридической гарантией реализации и защиты системы конституционных принципов, а также прав, свобод и законных интересов граждан и негосударственных некоммерческих организаций.

Список литературы

1. Ракитин, П.С. Гражданство и безгражданство: практические и правовые последствия / П.С. Ракитин. – М.: КЛАСТЕР. – 2015. – 250 с.

2. Жестянников, С.Г. Актуальные вопросы и основные направления адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российское общество (на примере опыта работы УФМС России по Вологодской области) / С.Г. Жестянников, И.В. Екимов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 172-175.
3. Зинченко, Е.Ю. Правовой статус иностранных граждан, признанных носителями русского языка / Е.Ю. Зинченко, Е.Н. Хазов. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – 155 с.
4. Андрейцо, С.Ю. Уполномоченные по правам человека в России и их роль в защите прав потерпевших / С.Ю. Андрейцо, Е.Н. Хазов // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 46-52.
5. Волох, В.А. Международное и национальное право о статусе беженца: теория и практика / В.А. Волох // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.А. Сошниковой. – 2016. – С. 170-175.
6. Зинченко, Е.Ю. Добровольное переселение соотечественников, проживающих в странах СНГ, в Россию / Е.Ю. Зинченко, Е.Н. Хазов // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ : ежегод. междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. / под общ. ред. А.А. Беженцева. – СПб., 2022. – С. 103-110.

УДК 343.97

СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мироненко Н.С., аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

В статье проводится анализ теоретических и прикладных вопросов влияния общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения преступности. Предупреждение преступности следует рассматривать как комплекс мер экономического, социального, организационного, законодательного, идеологического, культурного, воспитательного и иного характера, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности по субъектам, уровню, объему, содержанию реализации мер и тому подобное. Определен круг субъектов предупреждения преступлений.

Ключевые слова: преступность, борьба с преступностью, предупреждение преступлений, субъекты.

SUBJECTS OF CRIME PREVENTION

Mironenko, N.S.

The article analyzes the theoretical and applied issues of the impact of general social and special criminological crime prevention measures. Crime prevention should be considered as a set of economic, social, organizational, legislative, ideological, cultural, educational and other measures aimed at eliminating, reducing or neutralizing the causes and conditions of crime by subjects, level, volume, content of measures, and the like. The range of subjects of crime prevention is defined.

Keywords: crime, crime control, crime prevention, subjects.

Актуальность темы исследования. Конституция Российской Федерации дает основания утверждать, что все органы власти способствуют деятельности по предупреждению преступности, поскольку охрана внутренней государственной безопасности, укрепление правопорядка является одной из основных функций государства. Борьбу с преступностью и другими правонарушениями разнообразными мерами осуществляют законодательная, исполнительная и судебная ветви власти.

Политика государства в сфере противодействия преступности играет ключевую роль в обеспечении безопасности и правопорядка в обществе. Она определяет стратегические цели, средства и меры, предпринимаемые государством и его исполнительными органами для предотвращения преступлений [1, С. 92].

Государственная система предупреждения преступности должна иметь собственную законодательную основу, которая определяет общие принципы, субъекты предупреждения преступлений, формы и другие важные положения относительно этой сферы деятельности, а также отдельные законодательные и нормативно-правовые акты, которые должны регулировать применение мер профилактического воздействия. Основные принципы деятельности по предупреждению преступлений требуют обязательного закрепления на законодательном уровне.

В предупреждении преступлений должны использоваться разнообразные по содержанию мероприятия, в целом образующие систему экономических, политических, правовых, психологических, организационных, технических, социальных, идеологических и других факторов. Криминологическая теория требует научного исследования указанных факторов и изучения механизма их влияния на причины и условия преступности.

Анализ научных исследований. Вопросы, связанные с разработкой проблем предупреждения преступности, исследовались в трудах отечественных ученых: Г.А. Аванесова, Л.В. Багрий-Шахматова, В.В. Борисова, Е.В. Благова, Я.М. Брайнина, М.А. Гельфера, А.А. Герцензона, В.А. Глушкова, В.К. Грищука, Н.И. Загородникова, А.П. Закалюка, Ю.Ф. Иванова, Е.И. Каиржанова, А.Ф. Кистяковского, А.Н. Костенко, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, И.С. Ноя, А.А. Пионтковского, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, А.И. Чучаева и других.

Цель исследования. Целью исследования является анализ и определение системы субъектов в сфере предупреждения преступности.

Изложение основного материала. Развитие криминологической науки показывает, что преступность имеет глубоко скрытое внутреннее содержание, поэтому выводы о возможности ее искоренения в конкретные исторические сроки являются ошибочными. В начале XXI века она остается самым опасным общественным явлением. С изменением социально-экономических отношений, преступность быстро переместилась в сферы экономической, хозяйственной и государственной деятельности, и адаптировавшись к новому состоянию общества, активно генерирует разнообразие организованных форм и коррупционных связей, распространяет прочные «теневые» экономические корни и одновременно является хорошо вооруженной, оснащенной, организованной и законспирированной.

Несмотря на то, что на рубеже тысячелетий органам внутренних дел удалось нейтрализовать наиболее опасные организованные преступные группировки, криминологическая ситуация требует создания в государстве надежной системы предупреждения преступности, которая должна базироваться на принципах: научной обоснованности, законности, демократизма, гласности, комплексности, координации, своевременности и достаточности.

На современном этапе разработка научных проблем эффективности предупреждения преступлений требует еще большей активизации. Это объясняется следующим. Во-первых, многие вопросы, относящиеся к понятию и содержанию предупреждения преступлений, не нашли в теории юридической науки более или менее одинакового решения, что, безусловно, негативно

сказывается на организации борьбы с преступностью. Во-вторых, реальное состояние преступности в нашем обществе характеризуется, начиная с момента распада СССР, не только ее ростом, но и изменением структуры и характера. В частности, увеличилась доля насильственных и корыстных преступлений, появились новые виды тяжких преступлений и т.д. [2, С. 50].

Субъектом правоохранительной деятельности выступает государство через свои представительские, исполнительные, судебные органы и прокуратуру, а также общественные организации и объединения. В научных работах по криминологии встречаются определения субъектов предупреждения преступлений как совокупности государственных и общественных организаций и граждан [3, С. 38].

Щедрин Н.В. отмечает: «субъекты предупреждения преступности – это государственные органы, должностные лица, негосударственные организации и граждане, которые осуществляют соответствующее влияние на определенный объект с целью предупреждения преступлений». По его мнению, одни из них (субъекты социальной профилактики) осуществляют предупреждение непринудительными методами, другие (субъекты мер безопасности, компенсации и наказания) – с использованием методов принуждения [4, С. 30]. Отдельные криминологи определяют в первой группе субъекты общесоциальной профилактики, к которым относят региональные и местные органы власти и управления, а также общественные формирования, которые непосредственно не выполняют правоохранительных задач (министерства, партии, профсоюзы, церковь и другие), а ко второй группе относят субъекты специально-криминологической профилактики (МВД, прокуратура, суд, частные и общественные охранные структуры и другие) [5, С. 184-185]. В этом контексте вызывает сомнение целесообразность выделения в отдельную группу субъектов работников вышеупомянутых органов и учреждений, осуществляющих индивидуальную профилактику (участковый уполномоченный, оперуполномоченный уголовного розыска и другие служебные лица).

Центральное ядро субъектов, непосредственно осуществляющих профилактическую деятельность, образуют правоохранительные органы, ведь обеспечение общественной безопасности возлагается именно на них. Понятие «правоохранительные органы» широко используется в теории и практике предупреждения преступности, но имеет различное толкование. Отдельные ученые охватывают этим понятием все государственные органы и общественные организации, хотя бы в некоторой степени наделенные правоохранительными функциями [6]. Другие рассматривают его в широком содержании, в которое включают все государственные органы, наделенные полномочиями контроля за соблюдением законности и правопорядка, а также в узком – государственные органы, специально созданные для обеспечения законности и правопорядка, борьбы с преступностью, которым предоставлены полномочия применять меры принуждения и перевоспитания правонарушителей (суд, органы юстиции, прокуратуры, внутренних дел, национальной гвардии) [7].

Ведущее, центральное место в многоплановой деятельности правоохранительных органов государства занимает выполнение задач по

обеспечению правопорядка и законности, защите прав и свобод человека, борьбе с преступностью и предупреждению преступлений.

Реализуясь в сфере правоотношений между государством и гражданином, правоохранительная деятельность выполняет роль правовых стандартов, приписывая определенную общественно позитивную модель поведения [8, С. 371]. Часть 1 статьи 2 Федерального закона «О полиции» гласит: «Деятельность полиции осуществляется по следующим основным направлениям: ...предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений...» [9]. В части 1 статьи 9 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сказано: «Войска национальной гвардии наделены следующими полномочиями: ...пресекать преступления, административные правонарушения и противоправные действия...» [10].

Таким образом, конкретизация основных, определяющих признаков деятельности правоохранительных органов дает основания для вывода, что одним из ее направлений обязательно является предупреждение преступлений. Деятельность по предупреждению преступлений является разновидностью государственно-правовой деятельности, осуществляемой с целью противодействия возникновению и совершению общественно опасных посягательств, нейтрализации и ликвидации их последствий, правовой оценке совершенного, обеспечение соответствующего государственного принуждения или другого общественного влияния.

Значение деятельности по предупреждению преступлений в современном обществе необходимо рассматривать через функцию государства, которая демонстрирует уровень защиты граждан, а не движение по следам совершенных преступлений. Принципиально новый взгляд на общественную ценность предупреждения преступности заключается в том, что оно рассматривается как средство обеспечения прав и свобод человека в сфере функционирования исполнительной власти государства.

Профилактическая деятельность правоохранительных органов в широком понимании рассматривается как: осуществление общих мер организационно-правового характера по обеспечению правоохранительной деятельности; непосредственное применение мер предупреждения в отношении лиц, совершающих преступления; применение средств профилактического характера по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Опыт развития гражданского общества указывает на необходимость разработки, принятия и реализации концепций и программ борьбы с преступностью, создания более совершенной законодательной базы в борьбе с преступностью, координации деятельности между правоохранительными органами и другими субъектами. Указанные органы осуществляют государственную законодательную политику стратегии и тактики предупреждения преступности, организуют мероприятия по созданию информационных баз данных об уровне, структуре и динамике преступности, создают условия для криминологических исследований.

Важное место в предупреждении преступлений занимает применение правовых мер в отношении лиц, совершающих преступления. В рамках этой деятельности правоохранительные органы выявляют преступления и другие правонарушения, принимают меры по их пресечению в зависимости от стадий совершения, привлекают к уголовной ответственности, а при необходимости назначают наказания к лицам, признанным виновными в совершении преступлений.

Таким образом, наличие в деятельности правоохранительных органов профилактической функции предусмотрено в подавляющем большинстве законодательных актов относительно их задач, полномочий или обязанностей. Она прямо называется или определяется через такие понятия, как предупреждение, профилактика, пресечение, предотвращение преступлений.

Опыт профилактической деятельности показывает, что осуществляя на соответствующей территории профилактические мероприятия в пределах своей компетенции, органы исполнительной власти и органы местного самоуправления осуществляют следующие мероприятия: разрабатывают программы профилактики преступности и планы предупреждения отдельных видов преступлений; координируют деятельность субъектов профилактики; обобщают и распространяют опыт профилактики преступности; обеспечивают трудоустройство, лечение лиц от алкогольной, наркотической зависимости; создают приюты и центры медицинской и социальной реабилитации для несовершеннолетних и тому подобное.

Значительным профилактическим потенциалом отличаются общественные организации, имеющие непосредственное отношение к правоохранительной деятельности, к которым относятся: общественные пункты охраны порядка, добровольные народные дружины, другие общественные формирования, осуществляющие охранные и профилактические функции.

Таким образом, к системе субъектов предупреждения преступлений в пределах своих задач, компетенции и полномочий, необходимо отнести:

1) субъекты, определяющие криминологическую политику, направления и задачи предупреждения преступности (Президент Российской Федерации, Государственная Дума, Правительство России, Совет Безопасности Российской Федерации);

2) субъекты, выявляющие криминогенные факторы и реализующие меры по ослаблению криминогенных факторов, устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений (органы прокуратуры, внутренних дел, судебные, таможенной службы, национальная гвардия, органы государственной охраны, пограничной службы и другие);

3) субъекты, которые на региональном и местном уровнях при выполнении своих непосредственных функций влияют на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений (органы государственной власти и органы местного самоуправления);

4) субъекты, которые на общественных началах способствуют правоохранительной деятельности в сфере нейтрализации причин и условий совершения преступлений и других правонарушений (общественные пункты

охраны порядка, добровольные народные дружины, другие общественные формирования, осуществляющие охранные и профилактические функции);

5) субъекты, которые на основании государственных полномочий осуществляют специализированные функции по координации и контролю правоохранительных органов и других субъектов по предупреждению преступности (Совет Безопасности Российской Федерации).

Предупреждение преступности – одна из главных теоретических и прикладных задач криминологии, поскольку доктрины о быстром преодолении преступности являются научно необоснованными и не нашли подтверждения практикой. Несмотря на это, на фоне современных достижений мировой цивилизации наблюдается появление и распространение преступлений, которые имеют международный, транснациональный характер.

В условиях рыночных социально-экономических преобразований растет и преступность, что требует от криминологической науки решения новых сложных проблем и, прежде всего, создания государственной системы предупреждения преступности, определения принципиально новых основ относительно учения о предупреждении преступности как самостоятельной научной задачи, а также его ключевых категорий (профилактика преступности, предупреждение преступности, пресечение преступности и т.д.) путем поиска научного консенсуса среди криминологов вместо углубления понятийной путаницы.

Предупреждение преступности следует рассматривать как комплекс мер экономического, социального, организационного, законодательного, идеологического, культурного, воспитательного и иного характера, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности по субъектам, уровню (государственный, региональный, местный, отраслевой), объему (общая, индивидуальная профилактика), содержанию реализации мероприятий и тому подобное.

Исследование указывает на необходимость дальнейшей углубленной разработки теоретических и прикладных вопросов влияния общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения преступности, изучения их содержания, механизма и эффективности воздействия на причины и условия преступности.

Правовой основой предупреждения преступности является Конституция Российской Федерации, законодательные и другие нормативно-правовые акты. При разработке и принятии последних, следует рассматривать предупреждение преступлений как предмет отдельного правового регулирования с обязательным закреплением на законодательном уровне принципов этой деятельности.

Предупреждение преступлений реализуется в рамках профилактической функции правоохранительных органов, система которых постепенно совершенствуется и требует постоянного научного сопровождения и соответствующего законодательного обеспечения.

Таким образом, исследование развития криминологической теории относительно учения о предупреждении преступлений дает основания для таких основных выводов.

Предупреждение преступности – одна из главных теоретических и прикладных задач криминологии, поскольку доктрины о быстрой преодолемости преступности являются научно необоснованными и не нашли подтверждения практикой. Несмотря на это, на фоне современных достижений мировой цивилизации наблюдается возникновение и распространение преступлений, которые имеют международный, транснациональный характер.

Обобщение теории и практики борьбы с преступностью дает основания для вывода, что к системе субъектов предупреждения преступлений относятся: субъекты, определяющие криминологическую политику, направления и задачи предупреждения преступности; субъекты, выявляющие криминогенные факторы и реализующие меры по ослаблению криминогенных факторов, устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений; субъекты, которые на региональном и местном уровнях при выполнении своих непосредственных функций влияют на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений; субъекты, которые на общественных началах способствуют правоохранительной деятельности в сфере нейтрализации причин и условий совершения преступлений и других правонарушений; субъекты, которые на основании государственных полномочий осуществляют специализированные функции по координации и контролю правоохранительных органов и других субъектов по предупреждению преступности.

Список литературы

1. Смирнов, Л.Б. Уголовно-исполнительная политика как составная часть политики государства по противодействию преступности / Л.Б. Смирнов // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2024. – № 2. – С. 90-100.
2. Булавкин, А.А. Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений / А.А. Булавкин, С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 1(3). – С. 49-59.
3. Чуфаровский, Ю.В. Криминология. Учебное пособие / Ю.В. Чуфаровский. – М.: Профобразование, 2002. – 144 с.
4. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: Учебное пособие / Н.В. Щедрин. – Красноярск : КГУ, 1999. – 56 с.
5. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб.: «Питер», 2002. – 432 с.
6. Булгакова, Л.С. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность / Л.С. Булгакова // Криминалисть. – 2022. – № 3(40). – С. 112-118.
7. Тевлин, Р. О понятии «правоохранительные органы» в узком и широком смысле / Р. Тевлин // Советское право. – 1985. – № 7. – С. 53-55.
8. Нагель Э. Функционализм в общественных науках / Э. Нагель // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – М, 1968. – С. 371-375.

9. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ – (дата обращения: 19.04.2025).
10. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ – (дата обращения: 22.04.2025).

УДК 343.33

СООТНОШЕНИЕ ЭКОЦИДА С ДРУГИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ И КВАЛИФИКАЦИЯ

Мироненко С.Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: mironenko_2009@mail.ru)

В статье проводится анализ состава преступления, предусмотренного ст. 358 УК РФ «Экоцид», его разграничение с экологическими преступлениями. Экоцид относится к преступлениям против мира и безопасности человечества. Разграничение экоцида со смежными составами преступлений осуществляется прежде всего по отдельным признакам их субъективной и объективной стороны. С экологическими преступлениями экоцид разграничивается по содержанию вины, критерием разграничения могут выступать отдельные признаки последствий экоцида.

Ключевые слова: экоцид, преступления против безопасности человечества, экологические преступления.

CORRELATION OF ECOCIDE WITH OTHER CRIMES: DIFFERENTIATION AND QUALIFICATION

Mironenko, S.Yu.

The article analyzes the corpus delicti provided for in Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation «Ecocide», its differentiation from environmental crimes. Ecocide refers to crimes against the peace and security of mankind. The differentiation of ecocide with related crimes is carried out primarily on the basis of individual signs of their subjective and objective sides. With environmental crimes, ecocide is distinguished by the content of guilt, the criterion of differentiation may be individual signs of the consequences of ecocide.

Keywords: ecocide, crimes against human security, environmental crimes.

Актуальность темы исследования. Одной из приоритетных задач, стоящих сейчас перед человечеством, является проблема экологической безопасности, которая находится под угрозой вследствие значительного загрязнения атмосферы, интенсивного уменьшения озонового слоя, глобального потепления. Назревает и приобретает реальные черты глобальная экологическая катастрофа, которая ставит под угрозу существование самого рода человеческого.

Согласно ст. 42 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Одним из правовых средств обеспечения выполнения этой обязанности государства является ст. 358 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Экоцид», который также корреспондирует с такими его задачами, как правовое обеспечение охраны окружающей среды, обеспечение мира и безопасности человечества (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Важным направлением, способствующим реализации указанных задач, является системное научное исследование особенностей уголовной ответственности за экоцид по УК РФ, совмещенное с анализом соответствующих международно-правовых положений, а также положений об экоциде в уголовном законодательстве зарубежных государств.

Анализ научных исследований. Теоретической основой исследования международно-правового понимания экоцида и его сравнительно-правового анализа были труды отечественных и зарубежных ученых, в частности: В.А. Василенко, Л.Г. Гусейнова, Р. Давида, К. Жоффре-Спинозы, А.Г. Кибальника, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, И.И. Лукашука, М.Н. Марченко, А.В. Наумова, А.И. Рарога, А.Х. Саидова, И.Г. Соломоненко, Л.В. Сперанской, А.И. Чучаева и других.

Целью исследования является анализ и определение соотношения экоцида с другими преступлениями.

Изложение основного материала. Для исследования определенного преступления, выяснения его признаков и, в конечном итоге, для правильной квалификации необходимо провести четкое разграничение его со смежными составами преступлений.

Значительное внимание этому вопросу уделит В.Н. Кудрявцев. По его мнению, в зависимости от количества разграничительных признаков между составами преступлений выделяется три основных варианта схожести составов преступлений: 1) составы, не имеющие между собой никакого общего признака (кроме вменяемости и возраста субъекта); 2) составы, имеющие небольшое количество общих признаков; 3) составы, имеющие все общие признаки, кроме одного. Первые два варианта сложности для разграничения не составляют, поскольку имеют много разграничительных признаков. Самым сложным является разграничение третьей группы, именно такие преступления можно считать смежными. При этом смежность преступлений необходимо отличать от конкуренции норм. Различие между этими категориями в том, что «смежные составы разграничиваются между собой по одному или нескольким признакам, то есть один из смежных составов преступлений имеет признак, которого нет в другом составе, но при этом другой состав имеет признак(и), отсутствующий в первом составе преступления, а при конкуренции норм лишь один из них имеет признак, который отсутствует в другом» [2, С. 127, 215]. Этот подход поддерживается и другими учеными.

Учитывая такое доктринальное понимание смежных составов преступлений, считаем возможным рассматривать как преступления, смежные экоциду, ряд преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, в частности:

применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356), некоторые экологические преступления (ст. ст. 246, 251, 254 УК РФ). От всех экологических преступлений экоцид, по мнению отдельных ученых, отличается, в частности, тем, что с субъективной стороны он является преступлением, в котором психическое отношение виновного к деянию и к его последствиям характеризуется прямым умыслом [7].

Экоцид, как и преступление, предусмотренное ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», относится к преступлениям против мира и безопасности человечества. В соответствии с доктриной уголовного права и международного права, преступления против мира и безопасности человечества относятся к международным преступлениям. Международные преступления характеризуются повышенной степенью общественной опасности, поскольку они посягают на фундаментальные принципы международного права, такие как обеспечение мира, безопасности человечества. Данная категория преступлений затрагивает интересы всего мирового сообщества, нарушая основополагающие ценности и устои международного правопорядка [3, С. 80].

Сходство некоторых признаков с экоцидом присуще преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны». Схожие черты прослеживаются в определенных элементах объективной стороны рассматриваемых преступных деяний, их субъективной стороны, а также в характеристиках субъекта, совершившего преступление. Так, диспозиция ч. 1 ст. 356 УК РФ как применение запрещенных средств и методов ведения войны предусматривает «...применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». Конвенцией против экоцида считается Конвенция 1977 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [1]. Принимая во внимание положения указанной конвенции, можно констатировать определенное содержательное сходство с диспозицией ст. 358 УК РФ «... совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу».

Совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, возможно только с прямым умыслом лицом, достигшим возраста 16 лет. Но принципиальное отличие ч. 1 ст. 356 и ст. 358 УК РФ в следующем. Если главной задачей ст. 358 УК РФ является предотвращение нанесения чрезвычайно большого вреда окружающей природной среде, а, соответственно, объектом экоцида является экологическая безопасность человечества, то преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 356 УК РФ, имеет совершенно другой объект. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасное существование и развитие человечества, и надлежащее проведение боевых и связанных с ними действий в ходе вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера [6, С. 355].

С объективной стороны экоцид характеризуется в определенной мере действиями, охватываемыми диспозицией ст. 356 УК РФ, которые являются нарушениями международно-правовых запретов, обязательных для Российской Федерации. Если говорить о соотношении этих преступлений, то можно отметить, что в отдельных случаях экоцид возможен и вследствие применения запрещенных

средств и методов ведения войны, то есть фактически деяния, предусмотренные диспозицией ст. 356 УК РФ, могут быть способом совершения экоцида. Разграничительными признаками преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 356 и ст. 358 УК РФ, являются следующие. Преступления имеют разные объекты, а диспозиции статей предусматривают различные признаки объективной стороны их составов. «Применение запрещенных средств и методов ведения войны, считается окончанным преступлением, когда лицо совершило любое деяние, предусмотренное ст. 356 УК РФ. Вместе с тем нам представляется, что для этого преступления (ч. 1 ст. 356 УК РФ) характерны и определенные последствия, в частности при совершении таких деяний, как: «жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением», «разграбление национального имущества». Поэтому, можно отметить лишь то, что юридический состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, не предусматривает последствия, которые характерны для экоцида. Кроме того, совершение экоцида возможно и с косвенным умыслом, тогда как применение запрещенных средств и методов ведения войны возможно лишь с прямым умыслом» [5, С. 962, 966]. Следовательно, сравниваемые преступления имеют существенные различия. Если деяние субъекта, в сочетании с другими признаками, содержит признаки преступления экоцида и преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, то возможна квалификация и по совокупности этих преступлений.

Экологические преступления могут рассматриваться как смежные с экоцидом из-за наличия ряда подобных признаков. Прежде всего, подобными являются признаки основного объекта этих преступлений, которым у них, как и у экоцида, является экологическая безопасность, причем это может касаться как населения только Российской Федерации, так и человеческого сообщества в целом. Основания для такого заключения дает анализ последствий этих преступлений. Так, в преступлении, предусмотренном ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», последствиями являются: «существенное изменение радиационного фона, причинение вреда здоровью человека, массовая гибель животных либо иные тяжкие последствия», что является подобными последствиями экоцида, поскольку и угроза наступления экологической катастрофы, и сама экологическая катастрофа, предусматривают по крайней мере экологическое загрязнение значительных территорий, характеризующееся высокой степенью опасности для жизни и здоровья человека. При этом необходимо уточнить, что последствия, характерные для этого преступления, не обязательно должны быть сходны с последствиями экоцида, но могут таковыми быть, поэтому нами при разграничении берется вариант именно таких последствий, которые схожи с последствиями экоцида.

Что касается субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, то здесь имеет место умысел или неосторожность в отношении действий и неосторожность в отношении последствий. Соответственно в целом преступление является неосторожным. Основания для такого заключения дает анализ положений главы 5 Общей части УК РФ, согласно которым форма вины – умысел или неосторожность в обеих их разновидностях, в конкретном преступлении определяется психическим отношением виновного, прежде всего, к последствиям совершенного им деяния.

Указанный подход к возможной форме вины в преступлении, предусмотренном ст. 246 УК РФ, является вполне оправданным по следующим причинам. Так, в этом случае ни один из видов умысла ввиду их характерных признаков невозможен, «поскольку для волевого элемента обоих видов умысла общим является положительное, приемлемое для субъекта отношение к наступлению общественно опасных последствий, в форме: желания – при прямом умысле, и сознательного предположения наступления последствий – при косвенном умысле, а интеллектуальный элемент умысла характеризуется предвидением, как правило, неотвратимости, а иногда реальной возможности наступления последствий – при прямом умысле и предвидением лишь реальной возможности их наступления – при косвенном умысле» [4, С. 99]. Наличие в психическом отношении виновного к последствиям, предусмотренным диспозицией ст. 246 УК РФ, таких признаков интеллектуального и волевого элементов умысла вместе с другими признаками превратило бы указанные в диспозиции деяния в качественно иное преступление, а именно против жизни или здоровья лица, или даже экоцид. Зато, вполне очевидной является возможность совершения преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, с неосторожной формой вины, поскольку возможными являются признаки как легкомыслия, так и небрежности. В частности, что касается легкомыслия, то в данном случае могут иметь место его интеллектуальные и волевые признаки, которые выделяются учеными [4, С. 113-115]. А именно, три признака интеллектуальной составляющей: «1) осознание общественной опасности деяния, которое несет потенциальную угрозу причинения вредных для общества последствий; 2) предвидение абстрактной возможности наступления последствий, то есть лицо абстрагируется от реально существующей ситуации и не распространяет на нее возможность наступления таких последствий; 3) осознание субъектом фактического наличия сил и обстоятельств, способных, по его мнению, предотвратить наступление опасных последствий. Содержание волевого элемента, являющегося главным разграничительным признаком легкомыслия и косвенного умысла, в данном случае заключается в следующем. Если при косвенном умысле виновный сознательно предполагает наступление общественно опасных последствий, то есть относится к ним как к приемлемым, то при легкомыслии отсутствует не только желание, но и сознательное предположение этих последствий, наоборот, субъект стремится не допустить их наступления, относится к ним негативно. Отсутствие у лица положительного отношения к наступлению последствий подтверждается наличием расчета лица на предотвращение наступления последствий, хотя этот расчет и оказывается легкомысленным из-за ненадлежащего подхода субъекта к оценке обстоятельств, которые, по его мнению, могут помешать наступлению вредных последствий» [4, С. 113-115].

Среди признаков небрежности ученые выделяют такие, как: 1) отсутствие осознания общественной опасности совершаемого деяния; 2) отсутствие предвидения преступных последствий – как в форме неизбежности, так и в форме реальной или даже абстрактной возможности их наступления. Это, так называемые, негативные признаки. Положительный признак интеллектуального элемента небрежности заключается в том, что виновный должен был и мог предвидеть наступление преступных последствий. То есть выделяются объективный – «должен был» и

субъективный – «мог» – критерии небрежности. Согласно одному из подходов к пониманию объективного критерия он имеет нормативный характер и означает определенное различными социальными нормами обязательство лица предусматривать возможность наступления последствий. Эта обязанность может вытекать из указания в законе, специальных правил, профессиональных и других функций виновного, а также из общеобязательных правил сосуществования. При этом виновный «должен иметь в данном конкретном случае и с учетом его индивидуальных качеств реальную возможность предусмотреть наступление общественно опасных последствий (субъективный критерий), но эту возможность не реализовал и не предотвратил наступление преступных последствий» [4, С. 118-121].

Указанное содержание признаков обеих разновидностей неосторожной формы вины позволяет утверждать, что совершение преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, возможно с любой из этих разновидностей вины. В пользу того, что рассматриваемое преступление может быть лишь неосторожным, свидетельствует и специфика формулировки диспозиции нормы ст. 246 УК РФ, где перечисленные деяния становятся преступными лишь в случае наступления предусмотренных нормой общественно опасных последствий. Существенными по этому поводу являются замечания А.И. Рарога о том, что по закону ответственность за неосторожность, как правило, наступает при наличии общественно опасных последствий [4, С. 112].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что основным критерием разграничения преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, и экоцида являются признаки субъективной стороны этих составов преступлений. Хотя, как уже отмечалось, и сами последствия преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, могут быть менее тяжкими, чем при экоциде.

Общими признаками экоцида и экологических преступлений являются также признаки преступлений, предусмотренные ст. 254 «Порча земли» и ст. 251 «Загрязнение атмосферы» УК РФ, которые имеют объект, частично совпадающий с объектом экоцида, а именно – это экологически безопасное состояние земель и экологически безопасное состояние атмосферного воздуха. Эти объекты, совершенно очевидно, являются составными частями экологической безопасности. Сходными с признаками экоцида являются отдельные признаки объективной стороны этих преступлений, а именно: ч. 1 ст. 254 УК РФ: «Отравление, загрязнение или иная порча земли..., повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде»; ч. 1 ст. 251 УК РФ: «Нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ ..., если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха». Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 254 УК РФ и ч. 1 ст. 251 УК РФ, как и экоцида, может характеризоваться косвенным умыслом. Субъект у каждого из этих преступлений специальный, но таким же он может быть и у экоцида.

Разграничение этих преступлений и экоцида следует начать с того, что «основные объекты преступлений, предусмотренных: ст. 254 УК РФ (общественные отношения по охране и рациональному использованию земли) и ст. 251 УК РФ (общественные отношения, возникающие по поводу охраны атмосферного воздуха)»

[5, С. 766, 768], уже основного объекта экоцида – экологической безопасности человечества, поскольку являются лишь предпосылками ее обеспечения.

Отличие признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, от экоцида в следующем. Одной из разновидностей экоцида является «отравление атмосферы», которое выражается в ее «насыщении вредными для жизни и здоровья человека, а также растительного и животного мира веществами биологического, химического или другого происхождения» [5, С. 962]. Несколько более широким по содержанию является понятие «загрязнение атмосферы», которое используется для обозначения соответствующего деяния в ч. 1 ст. 251 УК РФ. Под загрязнением атмосферного воздуха «понимается его превышение загрязняющими веществами свыше нормативов, установленных санитарным и экологическим законодательством» [5, С. 767]. Исходя из такого определения понятий «отравление» и «загрязнение», можно отметить, что отравление может быть определенной стадией загрязнения, очевидно, наиболее опасной. Следствием совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ, является «загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха», тогда как следствием экоцида является, в частности, угроза наступления экологической катастрофы. Следовательно, в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 254 УК РФ и ч. 1 ст. 251 УК РФ, последствия имеют более низкую степень опасности, чем у экоцида.

Субъективная сторона деликтов создания опасности характеризуется косвенным умыслом или неосторожностью к угрозе (опасности) наступления определенных последствий. Признаки косвенного умысла возможны и в составах преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 254 УК РФ и ч. 1 ст. 251 УК РФ. Как уже отмечалось, косвенному умыслу присущ ряд признаков: интеллектуальный признак – предвидение реальной возможности наступления общественно опасных последствий, и волевой признак – сознательное предположение наступления последствий, которое является формой положительного волевого отношения виновного к преступным последствиям его деяния. В обоих этих преступлениях вполне возможна ситуация, когда виновный сознательно предполагает возникновение опасности, скажем – нанесение ущерба окружающей природной среде, вследствие совершения таких действий.

Отдельно следует обратить внимание на соотношение экоцида с убийством. Как уже указывалось, при анализе признаков объективной стороны экоцида, последствие в виде экологической катастрофы может охватывать и гибель людей. В этом случае, учитывая умышленный характер экоцида, встает вопрос о квалификации такой ситуации. Квалификация действий виновного только по ст. 358 УК РФ в действующей редакции недостаточна и требуется дополнительная квалификация, по крайней мере по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное общеопасным способом), хотя бы потому, что эта норма Кодекса предусматривает более строгое наказание чем наказание, предусмотренное ст. 358 УК РФ (санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью, а санкция ст. 358 УК РФ – лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет). Было бы целесообразным дополнить ст. 358 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как гибель людей.

Выводы. Таким образом, разграничение экоцида со смежными составами преступлений осуществляется прежде всего по отдельным признакам их субъективной и объективной стороны. В частности, с экологическими преступлениями экоцид разграничивается по содержанию вины, критерием разграничения могут выступать отдельные признаки последствий экоцида – в этом отношении идеальная совокупность экоцида с любым из экологических преступлений, по нашему мнению, невозможна. От применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ) экоцид отличается конкретным содержанием деяния. В то же время, по нашему мнению, не исключается идеальная совокупность экоцида и этих преступлений, поскольку состав каждого из них в принципе не исключает признаков экоцида, которые предусмотрены ст. 358 УК РФ.

Список литературы

1. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду / Рекомендована для рассмотрения, подписания и ратификации всеми государствами резолюцией 31/72 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1976 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml – (дата обращения: 29.04.2025).
2. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Москва : Юристъ, 2006. – 304 с.
3. Мироненко, С.Ю. Норма о применении запрещенных средств и методов ведения войны в системе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества / С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2024. – № 1. – С. 77-88.
4. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 304 с.
5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский Криминологический взгляд, 2015. – С. 955.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : Учебник / под редакцией доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. – М.: «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2013. – 372 с.
7. Шикула, И.Р. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации / И.Р. Шикула, А.И. Проскуряков // Право: история и современность. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 200-212.

УДК 343

РЕКОМЕНДАЦИИ СУДЬЯМ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

Ольков С.Г., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: olkovsg@mail.ru)

В научной статье показано применение общей теории справедливости С.Г. Олькова к решению практических задач по оптимизации обвинительных приговоров с назначением уголовного наказания в различных государствах современного мира с примерами по России, США и Индии.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, судья, приговор, справедливость, обоснованность, законность, линия допустимых комбинаций уголовных наказаний, оптимальность, обвинительный приговор, наказание, лишение свободы.

RECOMMENDATIONS TO JUDGES ON OPTIMIZING CONVICTIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF VARIOUS STATES

Ol'kov, S.G.

The application of the general theory of justice to solving practical problems of optimizing convictions with the use of criminal punishment in Russia, the USA and India is shown.

Keywords: criminal procedure, court, judge, sentence, justice, validity, legality, line of permissible combinations of criminal penalties, optimality, conviction, punishment, imprisonment.

Актуальность темы исследования. Вынесение справедливого приговора в уголовном процессе любого государства – это центральная задача органов судебной власти, на что обращается внимание в ст. 297 УПК РФ, Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре», Индийском уголовном кодексе (The Indian Penal Code) [2], уголовно-процессуальном законодательстве США и других современных государств, поскольку основными свойствами приговора являются законность, обоснованность и справедливость, как точно подчеркивается в ч. 1 ст. 297 УПК РФ. Соответственно в уголовно-процессуальном законодательстве различных современных государств, практике его применения уполномоченные субъекты пытаются добиться максимально эффективных результатов в этом архиважном деле. Совершенно не случайно в американском руководстве по назначению уголовных наказаний [3] впервые в истории человечества система наказаний была введена в виде табличной функции, что, несомненно, является важным шагом на пути становления действительно справедливых приговоров, но в России теория уголовного процесса шагнула дальше и этого прогрессивного шага, позволяя применять при

вынесении обвинительных приговоров полноценный математический анализ и математическую теорию справедливости.

Анализ научных исследований. В работе показано приложение разработанной мной экономической теории справедливости к оптимизации судебных приговоров. Эта теория является самостоятельной, но «стоит на плечах» микроэкономической теории полезности развитой в середине XIX века великим прусским юристом Германом Генрихом Госсеном (первый и второй законы Госсена), а также на «плечах» теории условной оптимизации, где ключевой вклад принадлежит французскому математику Жозефу Луи Лагранжу, поскольку при оптимизации приговоров используется изобретенный им лагранжиан.

Цель статьи показать практическое применение в судебной системе любых государств современного мира серии научных результатов из теории справедливости С.Г. Олькова, в частности, как вводится функция справедливости в систему принятия судебных решений, как в систему вводится линия допустимых комбинаций уголовных наказаний, Лагранжиан, оптимизационное уравнение, получается предельная справедливость по общественной опасности преступного деяния и общественной опасности личности, его совершившей, строится система алгебраических линейных уравнений для определения баллов общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей; как осуществляется проверка полученного результата на соответствие второму закону Госсена и, наконец, каким должно быть итоговое наказание подсудимому.

Изложение основного материала. Как видно из названия, работа не имеет привязки к конкретному национальному уголовному судопроизводству, и ориентирована, как на уголовно-процессуальное законодательство любого современного государства, так и его судебную практику. Мы рассмотрим три простых примера применения общей теории справедливости в уголовном процессе США, России и Индии. С США начнем потому, что в этой стране было разработано специальное руководство по назначению уголовных наказаний, а в России ничего подобного пока нет, да, собственно и не требуется, ибо здесь сразу можно ввести более прогрессивную систему назначения уголовных наказаний, что и будет видно из изложенного.

Для упрощения понимания теории справедливости в уголовном процессе, как было отмечено, начнем с простых числовых примеров, и рассмотрим, как судья из США, судья из России и судья из Индии должны действовать, чтобы вынести оптимально правосудный приговор, приговор, содержащий в себе максимум справедливости, обоснованности и законности.

Положим, что федеральный судья в США решил вынести приговор по конкретному уголовному делу. То есть решил назначить уголовное наказание подсудимому. Для решения подобных задач в его распоряжении имеется таблица справедливых наказаний, которая носит название «Руководство по назначению уголовных наказаний». Представим эту таблицу ниже.

Таблица №1. Таблица приговоров в месяцах заключения в зависимости от уровня преступления и категории криминальной истории преступника в США (на ноябрь 2012 года) [3].

Sentencing Table (effective Nov. 2012) (showing <i>months of imprisonment</i>)							
Offense Level ↓		Criminal History Category (Criminal History Points)					
		I (0 or 1)	II (2 or 3)	III (4,5,6)	IV (7,8,9)	V (10,11,12)	VI (13+)
Zone A	1	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6
	2	0-6	0-6	0-6	0-6	0-6	1-7
	3	0-6	0-6	0-6	0-6	2-8	3-9
	4	0-6	0-6	0-6	2-8	4-10	6-12
	5	0-6	0-6	1-7	4-10	6-12	9-15
	6	0-6	1-7	2-8	6-12	9-15	12-18
	7	0-6	2-8	4-10	8-14	12-18	15-21
	8	0-6	4-10	6-12	10-16	15-21	18-24
Zone B	9	4-10	6-12	8-14	12-18	18-24	21-27
	10	6-12	8-14	10-16	15-21	21-27	24-30
	11	8-14	10-16	12-18	18-24	24-30	27-33
Zone C	12	10-16	12-18	15-21	21-27	27-33	30-37
	13	12-18	15-21	18-24	24-30	30-37	33-41

Zone D	14	15-21	18-24	21-27	27-33	33-41	37-46
	15	18-24	21-27	24-30	30-37	37-46	41-51
	16	21-27	24-30	27-33	33-41	41-51	46-57
	17	24-30	27-33	30-37	37-46	46-57	51-63
	18	27-33	30-37	33-41	41-51	51-63	57-71
	19	30-37	33-41	37-46	46-57	57-71	63-78
	20	33-41	37-46	41-51	51-63	63-78	70-87
	21	37-46	41-51	46-57	57-71	70-87	77-96
	22	41-51	46-57	51-63	63-78	77-96	84-105
	23	46-57	51-63	57-71	70-87	84-105	92-115
	24	51-63	57-71	63-78	77-96	92-115	100-125
	25	57-71	63-78	70-87	84-105	100-125	110-137
	26	63-78	70-87	78-97	92-115	110-137	120-150
	27	70-87	78-97	87-108	100-125	120-150	130-162
	28	78-97	87-108	97-121	110-137	130-162	140-175
	29	87-108	97-121	108-135	121-151	140-175	151-188

	30	97-121	108-135	121-151	135-168	151-188	168-210
	31	108-135	121-151	135-168	151-188	168-210	188-235
	32	121-151	135-168	151-188	168-210	188-235	210-262
	33	135-168	151-188	168-210	188-235	210-262	235-293
	34	151-188	168-210	188-235	210-262	235-293	262-327
	35	168-210	188-235	210-262	235-293	262-327	292-365
	36	188-235	210-262	235-293	262-327	292-365	324-405
	37	210-262	235-293	262-327	292-365	324-405	360-life
	38	235-293	262-327	292-365	324-405	360-life	360-life
	39	262-327	292-365	324-405	360-life	360-life	360-life
	40	292-365	324-405	360-life	360-life	360-life	360-life
	41	324-405	360-life	360-life	360-life	360-life	360-life
	42	360-life	360-life	360-life	360-life	360-life	360-life
	43	life	life	life	life	life	life

Положим, что величина общественной опасности преступного деяния (*Offense Level*) имеет девятый уровень, а общественная опасность личности (*Criminal History Category or Criminal History Points*) относится к третьей категории. Спрашивается, какое наказание получит подсудимый? – Судья находит в таблице ячейку на пересечении девятой строки и третьего столбца, в которой указан размах (*R*) возможных уголовных наказаний от 8 до 14 месяцев: $R = 14 - 8 = 6$ месяцев лишения свободы или 180 суток, и здесь возникает

вопрос, а как судье действовать дальше, чтобы приговор был максимально справедливым в отношении каждого подсудимого, к которому применяется данная ячейка таблицы? – Ведь в природе не существует двух одинаковых уголовных дел, двух одинаковых преступлений и преступников. Да, уровень общественной опасности деяния определен, да, категория преступника определена, но осталась неопределенность в размере наказания, которая составляет 180 суток. Как быть? – Какому подсудимому дать минимальное наказание в виде 8 месяцев, а какому максимальное – в виде 14 месяцев? – Можно пойти по пути наименьшего сопротивления, и в каждом случае брать простое среднее арифметическое: $\bar{p} = \frac{8+14}{2} = 11$ месяцев лишения свободы, но максимального уровня справедливости при этом мы не получим.

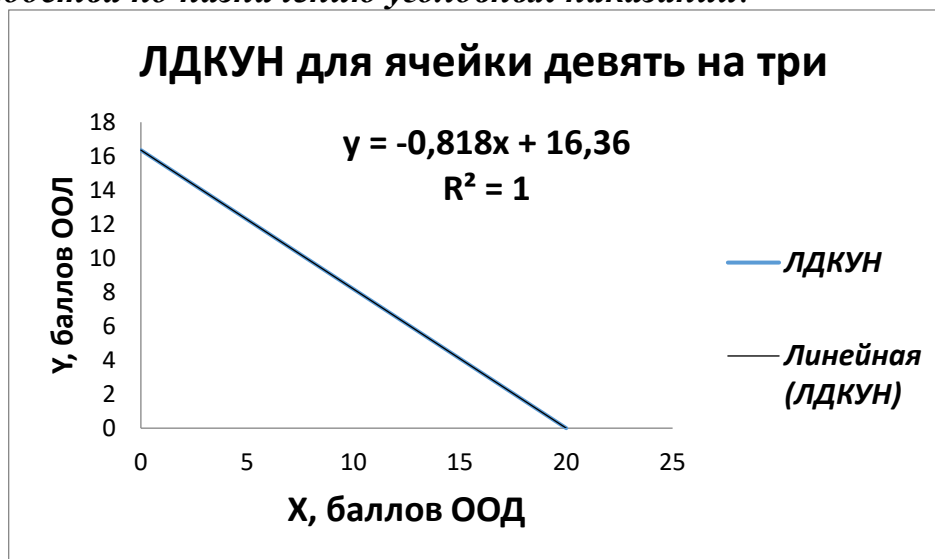
Вообще, работая с таблицей дискретных данных, в частности, и таблицей уголовных наказаний, разработанной для американской фемиды, мы существенно теряем в точности измерения величины наказания каждому конкретному подсудимому. Да, в американском руководстве по назначению уголовных наказаний задана функция справедливости, и она в общем виде задана правильно (исходит из нуля, является строго возрастающей), но функцию справедливости нужно задавать не дискретно, а в виде аналитической непрерывной функции от двух переменных: $p = f(x, y)$, где p – цена преступления (величина уголовного наказания в его единицах измерения), x – величина общественной опасности преступного деяния в баллах ООД (общественной опасности деяний), y – величина общественной опасности личности в баллах ООЛ (общественной опасности личности). Обстоятельства, смягчающие и отягчающие величину наказания, будут привязаны соответственно, либо к ООД, либо к ООЛ.

В нашем примере представитель американской фемиды стоит перед выбором величины наказания в диапазоне от 8 до 14 месяцев, то есть имеет в своем распоряжении 180 дней (суток). При этом он может выбрать число нуль, и назначить наказание в виде 8 месяцев лишения свободы, выбрать 14 месяцев или любое другое число в промежутке от 8 до 14 месяцев. Как ему быть?

Общая теория справедливости показывает, что американский судья должен **сначала** найти **линию допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН)** по формуле $m = p_y y + p_x x$, где m – максимальное наказание в единицах измерения вида наказаний (в данном случае в днях (сутках) лишения свободы), y – общественная опасность личности в баллах ООЛ, x – общественная опасность деяния в баллах ООД, p_y – цена одного балла ООЛ, p_x – цена одного балла ООД.

Положим, что цена одного балла общественной опасности преступного деяния составляет по девятой категории ООД девять ($p_x = 9$) дней лишения свободы, а цена одного балла ООЛ составляет одиннадцать дней лишения свободы ($p_y = 11$), откуда уравнение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний примет вид: $180 = 11y + 9x$ или в явном виде: $y = \frac{180}{11} - \frac{9}{11}x$, что показано на нижеследующем графике.

Рис. №1. Линия допустимых комбинаций для ячейки 9 × 3 таблицы руководства по назначению уголовных наказаний.

Второй шаг судьи будет состоять в использовании принятой на вооружение функции справедливости. Положим, что эта функция имеет вид функции Кобба-Дугласа со степенями равными единице: $p = xy$, что в полной мере соответствует требованиям теории справедливости.

Третий шаг судьи будет заключаться в нахождении предельной справедливости по общественной опасности деяния и личности его совершившей. Для это нужно взять первые частные производные от принятой функции справедливости. Получим, что предельная справедливость по общественной опасности деяния: $\frac{\partial p}{\partial x} = y$ и предельная справедливость по общественной опасности личности: $\frac{\partial p}{\partial y} = x$. Предельная справедливость по общественной опасности деяния показывает величину справедливости, приходящуюся на 1 день (сутки) лишения свободы, а предельная справедливость по общественной опасности личности показывает величину справедливости, приходящуюся на один день лишения свободы.

Согласно второму закону Госсена функция справедливости, как и функция полезности, будет максимизирована лишь тогда, когда выполняется условие:

$$\frac{\frac{\partial p}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial p}{\partial y}}{p_y} = \lambda, \quad \text{где } \lambda \text{ (лямбда) — множитель Лагранжа (лагранжиан),}$$

показывающий в данном случае общую справедливость от применения данного вида уголовного наказания, в частности, одного дня лишения свободы. Следовательно, предельная справедливость ООД, приходящаяся на один день лишения свободы, должна быть равна предельной справедливости ООЛ, приходящейся на один день лишения свободы, и также должна соблюдаться эквивалентность общей справедливости, приходящейся на один день лишения свободы (в противном случае общую функцию справедливости можно еще повысить, то есть перейти на более высокую кривую постоянных наказаний (аналог кривой безразличия в теории полезности или изокванте в теории

издержек)), что и показано соотношением: $\frac{\frac{\partial p}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial p}{\partial y}}{p_y} = \lambda$, отвечающим второму закону Госсена.

Четвертым шагом американского судьи по назначению справедливого наказания подсудимому будет составление оптимизационного уравнения справедливости: $P = xy - \lambda(180 - 11y - 9x)$, в котором из принятой на вооружение функции справедливости вычитается уравнение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний умноженное на множитель Лагранжа (лагранжиан).

Пятый шаг судьи будет состоять в составлении системы линейных уравнений (**СЛАУ**), решение которой даст оптимальные значения баллов ООД и ООЛ. Два первых уравнения системы приравняем к нулю (приравняем к нулю частные производные, что является необходимым условием оптимизации).

Запишем систему:

$$\begin{cases} \frac{\partial P}{\partial y} = x - 11\lambda = 0 \\ \frac{\partial P}{\partial x} = y - 9\lambda = 0 \\ \frac{\partial P}{\partial \lambda} = 180 - 11y - 9x \end{cases}$$

Что эквивалентно записи:

$$\begin{cases} x - 0y - 11\lambda = 0 \\ 0x + y - 9\lambda = 0 \\ 9x + 11y - 0\lambda = 180 \end{cases}$$

Решив данную систему из трёх линейных уравнений, находим оптимальные значения баллов ООД и ООЛ: $x = \frac{110}{9} \approx 12,22$ баллов ООД, $y = 10$, $\lambda = \frac{10}{9} \approx 1,11$.

Последний – **шестой шаг** судьи заключается в получении оптимальной величины уголовного наказания подсудимому по принятой функции справедливости: $p = xy = 12,22 \cdot 10 = 122$ дня лишения свободы.

Судье остается лишь проверить соответствие оптимального приговора второму закону Госсена, то есть проверить выполняется ли равенство: $\frac{\frac{\partial p}{\partial x}}{p_x} =$

$\frac{\frac{\partial p}{\partial y}}{p_y} = \lambda$, и он записывает: $\frac{y}{p_x} = \frac{x}{p_y} = \lambda$, и далее: $\frac{10}{9} = \frac{12,22}{11} = 1,11$. Как видно,

требование второго закона Госсена выполнено. Это значит, что линия допустимых комбинаций наказаний коснулась наивысшей при заданных ограничениях кривой постоянных наказаний, как линии уровня снятой с поверхности принятой на вооружение функции справедливости.

Рассмотрим теперь поведение российского судьи, который намеревается вынести максимально справедливый приговор, отвечающий требованиям ст. 297

УПК РФ (свойства приговора – законность, обоснованность, справедливость) и Постановления Пленума Верховного Суда РФ №55 от 29.11.2016 г. «О судебном приговоре».

Общая справедливость в российском уголовном законодательстве задается в Особенной части УК РФ законодателем, и закладывается в санкции каждой конкретной статьи, в которую заложен конкретный состав преступления. Например, в ч. 2 ст. 124 УК РФ определяет, что за неоказание помощи больному подсудимый наказывается принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Положим, что судья выбрал наказание в виде лишения свободы. В санкции ч. 2 ст. 124 УК РФ отмечается, что уголовное наказание в виде лишения свободы может быть назначено на срок до 4 лет, то есть до 48 месяцев. Минимальная величина уголовного наказания определяется в ч. 2 ст. 56 Общей части УК РФ, где сказано, что лишение свободы устанавливается на срок от двух месяцев до двадцати лет. То есть судья не может назначить уголовное наказание в виде лишения свободы, как на срок менее двух месяцев, так и на срок более 48 месяцев.

Размах уголовного наказания по ч. 2 ст. 124 УК РФ составляет: $R = 48 - 2 = 46$ месяцев лишения свободы или 1380 суток. Как видно полномочия судьи довольно-таки широки.

Первым делом российский судья должен записать уравнение ограничения по уголовному наказанию: $m = p_y y + p_x x$, в котором ему уже известно значение максимума: $m = 1380$ суток лишения свободы, если он будет использовать в качестве единицы измерения времени не месяцы и годы, а календарные сутки. Положим, что Пленумом Верховного Суда РФ рекомендованы цены одного балла ООД в виде 23 суток лишения свободы, и одного балла ООЛ в виде 25 суток лишения свободы для данного вида преступления, откуда уравнение ограничения примет вид: $1380 = 25y + 23x$.

Положим также, что Пленумом Верховного Суда РФ взята на вооружение функция справедливости вида: $p = xy$, откуда российский судья может сразу записать уравнение оптимизации справедливости вида: $P = xy - \lambda(1380 - 15y - 13x)$, а также составить систему из трёх алгебраических линейных уравнений с введением лагранжиана:

$$\begin{cases} \frac{\partial P}{\partial y} = x - 25\lambda = 0 \\ \frac{\partial P}{\partial x} = y - 23\lambda = 0 \\ \frac{\partial P}{\partial \lambda} = 1380 - 25y - 23x \end{cases}$$

И далее:

$$\begin{cases} x - 0y - 25\lambda = 0 \\ 0x + y - 23\lambda = 0 \\ 23x + 25y - 0\lambda = 1380 \end{cases}$$

Решая которую, получит: $x = 30$, $y = 27,6$, $\lambda \approx 1,2$.

Чтобы получить оптимальный приговор, судья подставляет в функцию справедливости, полученные значения баллов: $p = xy = 30 \cdot 27,6 = 828$ суток лишения свободы.

Остается лишь проверить выполняется ли соответствие оптимизации второму закону Госсена: $\frac{\partial p}{\partial x} = \frac{\partial p}{\partial y} = \lambda$, что судья и делает: $\frac{27,6}{23} = \frac{30}{25} = 1,2$. Как видно **требование по максимизации уровня справедливости** в системе судей выполнено.

Рассмотрим теперь действия индийского судьи, который для назначения уголовного наказания использует Индийский уголовный кодекс, который носит название: ***The Indian Penal Code***. Очевидно, что для назначения максимального уголовного наказания он должен действовать по тому же алгоритму, что и судьи из России и США.

Пусть индийский судья рассматривает уголовное дело по обвинению вора за совершенную кражу (***theft***) предусмотренную ст. 378 Индийского уголовного кодекса (ст.378). В следующей статье – статье 379 устанавливается наказание за кражу (***punishment for theft***), где сказано: «Тот, кто совершает кражу, наказывается тюремным заключением любого вида на срок, который может достигать трех лет, или штрафом, или тем и другим вместе».

Линия допустимых комбинаций уголовных наказаний будет выглядеть следующим образом: $36 = p_y y + p_x x$ или в сутках $1080 = p_y y + p_x x$. Положим цену одного балла ООД равной 16, а одного балла ООЛ равной 17, получив уравнение ограничения: $1080 = 17y + 16x$, откуда уравнение оптимизации примет вид: $P = xy - \lambda(1080 - 17y - 16x)$.

Запишем систему линейных уравнений:

$$\begin{cases} \frac{\partial P}{\partial y} = x - 17\lambda = 0 \\ \frac{\partial P}{\partial x} = y - 16\lambda = 0 \\ \frac{\partial P}{\partial \lambda} = 1080 - 17y - 16x \end{cases}$$

Что соответствует системе:

$$\begin{cases} x - 0y - 17\lambda = 0 \\ 0x + y - 16\lambda = 0 \\ 16x + 17y - 0\lambda = 1080 \end{cases}$$

Решая систему линейных алгебраических уравнений, судья получит: $x = 33,75$, $y = 31$, $\lambda \approx 1,98$.

Чтобы получить оптимальный приговор судья подставляет в функцию справедливости, полученные значения баллов: $p = xy = 33,75 \cdot 31 = 1046$ суток лишения свободы.

Остается лишь проверить выполняется ли соответствие оптимизации второму закону Госсена: $\frac{\partial p}{\partial x} = \frac{\partial p}{\partial y} = \lambda$, что судья и делает: $\frac{31}{16} = \frac{33,75}{17} = 1,98$. Как видно требование по максимизации уровня справедливости в системе судей выполнено.

Таким образом, мы видим, что оптимизация приговора по уровню справедливости не имеет временных и пространственных границ. В любой развитой правовой системе, где дифференцированы уголовные наказания по видам преступлений такая оптимизация дает максимально точные результаты (если наказание задано константой, то оптимизация приговора невозможна, поскольку производная от константы равна нулю, и мы не можем найти предельную справедливость). И судьи получают максимально законные, обоснованные и справедливые обвинительные приговоры с назначением уголовного наказания. Для России – это полное соответствие приговора требованиям ст. 297 УПК РФ и требованиям, указанным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре».

Список использованных источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре» // Российская газета, № 277, 2016.
2. The Indian Penal Code. – URL: <https://indiacode.nic.in/about.jsp> – (дата обращения: 18.05.2025).
3. Sentencing Table (effective Nov. 2012) (showing months of imprisonment) – URL: <http://www.ussc.gov> – (дата обращения: 20.05.2025).
4. Математический подход к назначению наказания: теория С.Г. Олькова // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т.6. Назначение наказания / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М.: «Юрлитинформ», 2021. – С. 469-544.
5. Ольков С.Г. Математические начала теории судебных приговоров / С.Г. Ольков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2016. – №3. – С. 4-24.
6. Ольков С.Г. О сверхточной математической модели юридической ответственности / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы правоправедения. – 2007. – №2. – С. 142-146.

УДК 342.9

СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Охременко С.И., кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой управления проектами и аудиторской деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: sveta_okhremenko@mail.ru)

Перебейнос Е.Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры управления проектами и аудиторской деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: solgenicina@mail.ru)

Заремба П.А., доктор экономических наук, профессор (г. Донецк)

(e-mail: pavelz09@gmail.com)

В данной работе рассматривается роль образовательного менеджмента в формировании полноценного компетентностного багажа юристов. В работе обосновывается, что для успешной подготовки квалифицированных юристов необходимо использовать системный подход в образовательном процессе, учитывающий как требования образовательных стандартов, так и возможность развития индивидуальных компетенций студентов. высококвалифицированных преподавателей и тщательного отбора абитуриентов. Важно также применять творческий подход в обучении и соблюдение принципа индивидуализации, что позволит подготовить высококлассных специалистов, способных к решению современных правовых задач.

Ключевые слова: образовательный менеджмент, компетентность, системный подход, образовательный стандарт, качество юридических услуг, творческий подход, правовые задачи.

THE STRATEGY OF EDUCATIONAL MANAGEMENT IN THE TRAINING OF LEGAL PERSONNEL IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF SOCIETY IN RUSSIA

Ohremenko, S.I., Perebeynos, E.N., Zaremba, P.A.

This paper examines the role of educational management in the formation of a full-fledged competence of lawyers. The paper substantiates that for the successful training of qualified lawyers it is necessary to use a systematic approach in the educational process, taking into account both the requirements of educational standards and the possibility of developing individual competencies of students. highly qualified teachers and careful selection of applicants. It is also important to apply a

creative approach in training and to adhere to the principle of individualization, which will allow us to train highly qualified specialists capable of solving modern legal problems.

Keywords: *educational management, competence, system approach, educational standard, creative approach, legal tasks.*

Актуальность темы исследования. Современная система образования в России сталкивается с множеством проблем и противоречий, что ставит под сомнение ее способность подготовить высококвалифицированных специалистов, в том числе юристов. Нововведения, активно внедряемые в образовательный процесс, порой оказываются неэффективными и требуют серьезного пересмотра.

Обсуждение подготовки новых специалистов – это давняя тема, поскольку ученые и практики постоянно ищут способы повышения уровня образованности. Однако в сфере юриспруденции, как и в других отраслях, существуют искусственные проблемы, которые создают препятствия на пути к качественному образованию.

Попытки перенять западные методы и системы обучения, не учитывая уникальные особенности российской реальности, привели к искажению действующей образовательной системы.

ЕГЭ стал настоящим символом деградации школьного образования, выстраивая систему подготовки, ориентированную исключительно на тестирование. Это создало целую культуру «тестового мышления», где акцент смещается с глубокого понимания предмета на получение высоких баллов в тестах. Таким образом, настоящая образовательная ценность теряется, а выпускники приходят в вузы с недостаточным объемом знаний и навыков.

Современные технологии и активное использование интернета формируют так называемое «клиповое мышление». Оно сокращает словарный запас студентов, упрощает требования к языку и, в целом, тормозит личностное развитие. В таком контексте необходимо подчеркнуть важность полноценного школьного образования, которое закладывает основы для дальнейшего обучения.

Дистанционное обучение, безусловно, имеет свои преимущества и может быть интегрировано в традиционный образовательный процесс, однако не должно заменять его. Как отметили эксперты, включая ректора Московской государственной юридической академии В.В. Блажеева, дистанционные элементы полезны, но они должны сосуществовать с другими формами обучения. «Дистанционные элементы в разной степени должны присутствовать во всех других формах обучения – дневной, вечерней, заочной. Конечно, значительнее всего роль дистанционных способов при заочном обучении. Мы разрабатываем актуализированные лекции, создаем всевозможные учебно-методические материалы, которые студенты могут получить посредством Интернета, не тратя время на поездку. Изучив тему, они направляют нам свои работы в электронной форме. Дистанционная форма предполагает также лекции

в режиме онлайн. Это дает возможность нашим слушателям, обучающимся в филиалах, своими глазами увидеть живых классиков, послушать их выступления» [1].

Слишком большая зависимость от онлайн-форматов может привести к уменьшению личной ответственности студентов за свое образование.

Актуальность данной работы связана с тем, что формулировки требований к подготовке юристов, описывающие способности анализа, критического осмысления, креативного мышления и коммуникации, чаще всего остаются в теории. На практике система образования не всегда эффективно способствует их формированию, и выпускники зачастую оказываются невостребованными на рынке труда.

Анализ научных исследований. Вопросам, касающимся модернизации образования и формирования компетенций юристов посвящены исследования Б.М. Асфандиярова., В.В. Блажеева, Ю.Г. Волкова, П.Д. Гаджиева, Н.В. Голубихиной, Г.П. Курдюк, Л.В. Лаврентьевой, Ю.В. Оносова, И.И. Салихова, Н.Я. Соколова, Н.П. Симаевой, Ю.Г. Татур и др.

Цель статьи. Настоящее исследование направлено на выявление роли образовательного менеджмента в формировании полноценного компетентностного высшего образования юристов.

Изложение основного материала. Ответственность вузов за образовательный процесс охватывает широкий спектр аспектов – от зачисления до выпуска студентов. Важным является создание условий для эффективного обучения, включая различные формы занятий, практическую деятельность и активное участие в дополнительных проектах. Преподаватели играют ключевую роль в этом процессе, стремясь не только передать знания, но и развивать у студентов необходимые профессиональные и личные компетенции, что, в свою очередь, будет способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов на рынке труда.

В условиях «послешкольного» юридического образования в России важно не только обеспечить качественную теоретическую подготовку, но и формировать социальную и эмоциональную зрелость у студентов. Это является необходимым условием для успешной профессиональной деятельности юристов, обеспечивая не только понимание законодательства, но и способность применять его с учетом социального контекста и реальных жизненных ситуаций. Таким образом, эффективность юридического образования будет зависеть от комплексного подхода к обучению, включающего как академические знания, так и практические навыки, а также воспитательный аспект, способствующий полному развитию личности будущего юриста [2].

В процессе обучения юристов преподавателю необходимо находить баланс между инновациями и классическими методами. Научные основы юридической науки необходимо передавать не только через современные игровые методики, но и через глубокие знания, дискуссии и практическое применение [3].

Многие эксперты в области юриспруденции признают наличие проблем с качеством юридических услуг. Эти услуги представляют собой продукт

интеллектуального труда, который включает в себя практическое применение основополагающих юридических знаний, а также специализированных навыков и умений. Оказание таких услуг требует от исполнителя определённого уровня правового мышления и высокой культуры работы.

Качество юридических услуг напрямую зависит от профессиональной подготовки исполнителя, так как ошибки, допущенные в процессе их оказания, могут помешать клиенту достичь желаемого результата. Ошибки в юридической практике стоят очень дорого и могут привести к неудачам для клиента, что подчеркивает важность высокого качества предоставляемых услуг.

Понимание качества юридических услуг – это сложный и многогранный вопрос, который в условиях современной экономики становится всё более актуальным. Зарубежный опыт внедрения систем менеджмента качества в работу юридических компаний демонстрирует эффективность таких подходов. Однако остаётся открытым вопрос о том, насколько успешно эти инструменты смогут функционировать на отечественном рынке юридических услуг, учитывая его уникальные характеристики и особенности [4].

Таким образом, процесс подготовки юристов в России сталкивается с множеством вызовов. Необходимость пересмотра образовательной системы стала настоятельной, и внимание должно быть сосредоточено не только на внедрении новейших технологий, но и на сохранении и адаптации классических методов преподавания. Это позволит создать качественную образовательную среду, способствующую формированию компетентных и высококвалифицированных специалистов.

Анализ степени удовлетворенности юристов своей работой показывает разнообразие мнений, что отражает сложную реальность их профессиональной жизни. Проведенное исследование выявило несколько ключевых аспектов, касающихся удовлетворенности различных групп юристов.

Согласно опросу, результаты распределились так: вполне удовлетворены своей работой 40,4%, не совсем удовлетворены 51,1%, не удовлетворены 5,8%, затрудняюсь ответить 2,8%. Очевидно, что в целом более половины опрошенных (51,1%) выражают некую степень неудовлетворенности своей работой. Это подчеркивает наличие проблем в области профессионального самочувствия юристов, несмотря на значительное количество тех, кто считает себя вполне удовлетворенным (40,4%).

Изучение данных по специализированным группам юристов выявляет интересные закономерности в вопросе удовлетворенности по профессиональной специализации. Следователь прокуратуры не совсем удовлетворен: 52,6%, прокурор, заместитель, помощник прокурора не совсем удовлетворен: 59,4%, юрисконсульт не совсем удовлетворен: 57,7%, судебный пристав не совсем удовлетворен: 65,5%, нотариус вполне удовлетворен: 49,6%, адвокат вполне удовлетворен: 55,3%, судья вполне удовлетворен: 52,3%.

Адвокаты и судьи показывают наивысший уровень удовлетворенности своей работой, что может свидетельствовать о большей автономии и контроле над профессиональной деятельностью в сравнении с другими группами. Судебные приставы, напротив, имеют самый низкий уровень удовлетворенности

(21,8%) и наивысший процент тех, кто не совсем удовлетворен работой (65,5%).

Это может указывать на специфические трудности и давление, с которым они сталкиваются. Нотариусы и юрисконсульты находятся в промежуточной позиции, показывая относительный баланс между удовлетворенностью и неудовлетворенностью. Следователи прокуратуры и прокуроры также демонстрируют высокие уровни неудовлетворенности, что может быть связано с высоким уровнем стресса и ответственностью, связанными с их должностными обязанностями. Небольшое число респондентов, затруднившихся с ответом, указывает на определенную неопределенность и возможно отсутствие четкого понимания своей профессиональной удовлетворенности среди некоторых юристов, особенно среди следователей [5].

Результаты опроса показывают, что удовлетворенность юристов своей работой варьируется в зависимости от профессиональной специализации. Общее ощущение неудовлетворенности среди значительного числа респондентов подчеркивает необходимость глубокого анализа проблем, с которыми сталкиваются юристы в своей повседневной работе, а также разработки мер, направленных на улучшение профессиональных условий и повышение общей удовлетворенности.

Правовая система играет системообразующую роль в любом обществе, и ее эффективная работа является ключевым ресурсом для устойчивого прогрессивного развития. Качество работы правовой системы во многом определяется компетентностным багажом специалистов-юристов. В этом контексте важно рассмотреть факторы, влияющие на формирование этого багажа, а также определить пути совершенствования образовательного процесса в юридических вузах [6].

Формирование полноценного компетентностного багажа будущих юристов зависит от трех основных факторов [7]:

- Система образовательного менеджмента в юридических вузах должна соответствовать задачам создания правовой государственности. Это включает в себя адаптацию образовательных программ к современным требованиям и нуждам рынка труда.

- Качество преподавания непосредственно связано с научно-методической квалификацией и опытом педагогических кадров. Преподаватели должны не только передавать знание, но и уметь внедрять инновационные методики, способствующие развитию профессиональных компетенций, критического и креативного мышления студентов.

- Качество набора студентов также существенно влияет на формирование компетентностей. Эгалитарная система отбора, существующая в России, требует внимания к подбору абитуриентов, чтобы обеспечить высокий уровень подготовки и соответствие их навыков и способностей требованиям профессии.

Для повышения качества юридического образования необходимо сосредоточиться на содержательном совершенствовании стратегии управления образовательным процессом. Это включает в себя:

- Важно учитывать роль творческого фактора, креативность как значимый элемент в образовательном процессе. Применение творческих методов обучения

позволит стимулировать интерес студентов к учебным дисциплинам и развивать их креативные способности, что является необходимостью в условиях быстро меняющегося правового поля [8].

– Принцип справедливости в сфере предоставления образовательных услуг должен органично сочетаться с индивидуальным подходом к развитию компетентностного потенциала студентов.

Образовательные процессы должны адаптироваться под особенности каждого студента, его интересы и способности.

Организация учебного процесса должна обеспечивать равный доступ студентов ко всем видам обучения, включая лекции, практические (семинарские) занятия и консультативную помощь. Это способствует:

– Разнообразию форм обучения, использование различных образовательных методов и технологий позволит создавать более динамичную и интерактивную образовательную среду, что поможет студентам быстрее усваивать материал и развивать необходимые навыки.

– Применению современных технологий и обновленных методик обучения, наряду с созданием качественной материально-информационной базы, является условием успешного формирования компетентностного багажа у будущих юристов.

Направления подготовки по программам 40.03.01 «Юриспруденция» (бакалавриат) и 40.04.01 «Юриспруденция» (магистратура: программы «Юрист в сфере гражданского, уголовного и административного судопроизводства» и «Юрист в сфере государственного и муниципального управления») требуют скоординированных усилий педагогического коллектива для реализации учебных планов и успешного формирования компетентностного потенциала обучаемых.

Для достижения этой цели необходимо создать ряд условий, способствующих эффективному образовательному процессу.

Реализация образовательного менеджмента должна основываться на:

– анализе существующих образовательных практик, что позволит выявить сильные и слабые стороны текущих методик и программ;

– разработке инновационных подходов, а именно – применение методов, которые соответствуют современным требованиям к юридическому образованию, включая активное обучение, кейс-методы и исследовательские проекты;

– систематизации управленческих процессов. При этом четкая организация управления образовательным процессом позволит оптимизировать взаимодействие между преподавателями и студентами.

Для качественного преподавания необходимо:

– Постоянное повышение квалификации педагогов, которые должны участвовать в семинарах, вебинарах и стажировках для ознакомления с новыми методами и технологиями обучения.

– Регулярная самооценка и внешняя проверка компетенций педагогов поможет поддерживать высокий уровень квалификации.

– Интеграция преподавательского и научного процесса в виде поощрения

преподавателей к выполнению исследований и публикациям, которые могут обогатить учебные программы.

На современном этапе важно:

- Оснащение учебных аудиторий: инвестирование в современное оборудование и программное обеспечение для учебного процесса.

- Использование онлайн-ресурсов: включение в учебный процесс платформ e-learning и доступ к актуальной юридической информации через интернет.

- Создание библиотек с актуальными изданиями: обеспечение студентов необходимыми учебниками, научными статьями и другими ресурсами.

С целью поддержки студенческой самоорганизации педагогический коллектив должен способствовать:

- Активному включению студентов в учебный процесс путем организации дискуссий, дебатов и различных мероприятий, где студенты могут проявить свои знания и навыки.

- Поддержке инициатив студентов в создании юридических клубов и ассоциаций, способствующих обмену опытом и знаниями.

- Участию студентов в проектах по правовому просвещению и волонтерской деятельности для развития их гражданской ответственности.

Менеджеральное обеспечение подготовки студентов в сфере юриспруденции – это ключевой аспект, который влияет на эффективность учебного процесса и качество образования. Управление образовательным процессом должно быть целенаправленным, системным и адаптивным к быстро меняющимся требованиям современного общества и рынка труда.

Подготовка специалиста в области юриспруденции в российских вузах определяется рядом ключевых требований, направленных на формирование у выпускников определенных навыков и способностей. Эти требования ориентированы на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных успешно работать в адвокатуре, судопроизводстве, государственном управлении и других сферах, требующих юридической экспертизы.

Требования к результатам освоения основных образовательных программ для подготовки специалистов-юристов подчеркивают многофункциональность и комплексный подход к обучению. У выпускников должны развиваться как аналитические и логические способности, так и креативность, а также высокие навыки коммуникации. Эти характеристики позволяют им эффективно работать в различных сферах юридической деятельности, обеспечивая качественное правоприменение и активное участие в правотворчестве, защите прав и интересов граждан. Подготовка успешного юриста требует баланса между теоретическими знаниями и практическими навыками, учитывающими современный контекст и вызовы юридической профессии [9].

Выводы. Качество предоставляемой юридической фирмой услуги является определяющим фактором формирования ее конкурентных преимуществ. Наряду с результатом оказания юридической услуги сам процесс достижения результата является также его составляющим.

Для успешной подготовки квалифицированных юристов необходимо

создать системный подход к образовательному процессу, учитывающий как требования образовательных стандартов, так и возможность развития индивидуальных компетенций студентов. Координация усилий педагогического коллектива, непрерывное совершенствование образовательных практик и активное вовлечение студентов в процесс обучения создадут условия для подготовки высококвалифицированных специалистов в области юриспруденции, способных эффективно действовать в современных социально-экономических условиях.

Проблема менеджериального обеспечения подготовки студентов – это многогранный и многослойный процесс, требующий комплексного подхода. Успешное управление образовательным процессом зависит от организации взаимодействия между преподавателями, студентами и администрацией, внедрения современных технологий и методов обучения, а также формирования здоровой и поддерживающей образовательной среды. Это, в свою очередь, обеспечит подготовку высококвалифицированных юристов, готовых к современным вызовам и требованиям рынка труда.

Список литературы

1. Интервью с В.В. Блажеевым, ректором Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина, заслуженным юристом Российской Федерации // «Законодательство», № 12, декабрь 2011 г. – URL: <https://base.garant.ru/57856841/?ysclid=m85s17tpci583342112> – (дата обращения: 12.03.2025).
2. Салихов, И.И. Проблемы развития юридического образования России в свете глобальных трансформаций (по материалам I Международного форума выпускников юридического факультета К(П)ФУ) / И.И. Салихов // Вестник экономики, права и социологии, – 2016, – № 3. – С. 193-199.
3. Курдюк, Г.П. К вопросу о проблемах современного образования в процессе подготовки юристов / Г.П. Курдюк, Н.В. Голубихина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-problemah-sovremennogo-obrazovaniya-v-protssesse-podgotovki-yuristov?ysclid=m843s2peor907460818> – (дата обращения: 05.03.2025).
4. Заремба, П.А. Менеджмент качества юридических услуг / П.А. Заремба, С.И. Охременко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2020. – № 14. – С. 62-71.
5. Соколов, Н.Я. Юристы об удовлетворенности своей работой / Н.Я. Соколов // ТЕОРИЯ ПРАВА THEORIA LEX. – № 1 (146). – 2019. – С. 9-18.
6. Гаджиева, П.Д. Современные тенденции модернизации отечественного правового образования / П.Д. Гаджиева, М.А. Курбанов // Международный научный журнал «Символ науки». – 2015. – № 5. – С. 195-196.
7. Татур, Ю.Г. Компетентность в структуре модели подготовки специалиста / Ю.Г. Татур // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 20-26.
8. Волков, Ю.Г. Креативность: творчество против имитации. / Ю.Г. Волков // М.: Альфа-М, Инфра-М, – 2013. – 430 с.
9. Об утверждении и введении в действие федерального государственного

образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация (степень) «специалист») : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 янв. 2011 г. – № 20 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. – № 23. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-14012011-n-20/?ysclid=m85smw5gqr833877024> – (дата обращения: 11.03.2025).

УДК 343.1

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПЕНОЛОГИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Смирнов Л.Б., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (г. Санкт-Петербург)
(e-mail: lbs1958@yandex.ru)

В статье обосновывается формирование пенитенциарной пенологии как интегративной научной дисциплины. Представлен комплексный анализ исторических предпосылок, теоретико-методологических оснований и практической значимости данного направления. Особое внимание уделено междисциплинарному характеру пенитенциарной пенологии, объединяющей правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты изучения наказания в виде лишения свободы в связи с его исполнением.

Ключевые слова: пенитенциарная пенология, институт наказания в виде лишения свободы, пенитенциарная система, междисциплинарный подход, исправление и ресоциализация, уголовно-исполнительная политика.

PENITENTIARY PENOLOGY AS AN INTERDISCIPLINARY FIELD OF RESEARCH IN THE INSTITUTION OF INCARCERATION

Smirnov, L.B.

The article substantiates the formation of penitentiary penology as an integrative scientific discipline. A comprehensive analysis of the historical background, theoretical and methodological foundations and the practical significance of this area is presented. Special attention is paid to the interdisciplinary nature of penitentiary penology, which combines the legal, social, psychological and pedagogical aspects of the study of punishment in the form of imprisonment in connection with its execution.

Keywords: penitentiary penology, institution of punishment in the form of imprisonment, penitentiary system, interdisciplinary approach, correction and re-socialization, penal enforcement policy.

Актуальность нового научного направления обусловлена проблемами традиционных подходов к изучению наказания в виде лишения свободы, не учитывающих особенности пенитенциарной проблематики.

Цель статьи – обосновать необходимость формирования пенитенциарной пенологии как самостоятельной комплексной научной дисциплины.

Современное общество характеризуется системными проблемами уголовного наказания в виде лишения свободы и его исполнения, что требует их комплексного исследования.

Проблемы наказания в виде лишения свободы и его исполнения могут быть разрешены путем выделения институтов наказания в виде лишения свободы и его исполнения в отдельную науку. В частности, необходимо выделить в отдельную отрасль знаний науку о наказании в виде лишения свободы в связи его исполнением.

Вопросы, связанные с наказанием в виде лишения свободы и его реализацией, традиционно составляют предмет изучения уголовного и уголовно-исполнительного права. Уголовное право сосредоточено на теоретико-догматическом анализе самого наказания как меры государственного принуждения, тогда как уголовно-исполнительное право исследует механизмы его практического воплощения.

Предметная область науки уголовно-исполнительного права охватывает нормативное регулирование порядка исполнения и отбывания лишения свободы, применения исправительных мер и иных форм уголовно-правового воздействия, включая принудительное лечение осужденных в условиях пенитенциарных учреждений. Однако процесс реализации данного вида наказания неизбежно выходит за рамки сугубо правового регулирования, затрагивая комплекс социальных, организационных и институциональных факторов, которые, оказывая существенное влияние на уголовно-исполнительную практику, формально не входят в ее непосредственный предмет, поскольку их включение привело бы к размыванию методологических границ дисциплины.

В частности, правовое регулирование исполнения лишения свободы находится в тесной взаимосвязи с нормами конституционного, административного, гражданского, трудового и семейного права, а также с законодательными актами в сфере здравоохранения и образования. Помимо этого, значительное воздействие на пенитенциарную систему оказывают криминологические, педагогические и психологические факторы.

Уголовно-исполнительная наука в контексте лишения свободы также взаимодействует с рядом смежных дисциплин и правовых институтов, включая организационно-управленческие аспекты деятельности исправительных учреждений, правовой статус их персонала и осужденных, феномен тюремной субкультуры, неформальные иерархии в местах лишения свободы, методы противодействия деструктивным явлениям в пенитенциарной среде, проблематику пенитенциарной преступности, а также специализированные направления пенитенциарной педагогики, психологии и социологии. Хотя указанные элементы не входят в непосредственный предмет уголовно-исполнительного права, их комплексное исследование в сочетании с данной научной дисциплиной представляется методологически оправданным. В то же время попытки расширить предметное поле уголовно-исполнительной науки за счет включения новых аспектов порождают существенные методологические сложности. С одной стороны, это приводит к его перегрузке смежными элементами, ставя под вопрос автономность дисциплины, а с другой – требует

разработки более глубокого и системного подхода к анализу отдельных правовых институтов в контексте их взаимодействия с социальными и гуманитарными науками.

Актуальные проблемы, связанные с лишением свободы, диктуют необходимость поиска новых научных подходов, объединяющих уголовные и уголовно-исполнительные аспекты в рамках единого комплексного направления. Такую интегрированную науку, посвященную изучению наказания в виде лишения свободы и его исполнения, можно обозначить как «Пенитенциарная пенология». Это позволит систематизировать знания, охватывающие не только юридические, но и социальные, психологические и организационные аспекты пенитенциарной системы, способствуя более эффективно решению связанных с ней вопросов.

Приведенные выше положения подтверждают необходимость новой отрасли знаний «Пенитенциарная пенология» как науки о наказании в виде лишения свободы в связи его исполнением.

Предметом пенитенциарной пенологии в самом общем виде должно стать исследование и переосмысление сущности, целей, принципов лишения свободы, а также исследование и предложение новых подходов, средств, форм и методов ее исполнения и применения мер исправительного воздействия.

Структурно предмет пенитенциарной пенологии должен состоять из двух частей: пенологической и пенитенциарной.

Пенология как наука о наказании в контексте пенитенциарной пенологии включает: теоретические основы уголовного наказания, сущность социального назначения и цели наказания, систему наказаний, политику государства в области установления и применения наказаний, основания освобождения от наказания. Таким образом, в предмет пенитенциарной пенологии включается не весь предмет пенологии, а его часть, имеющая отношение к исполнению наказания.

Предмет пенитенциарной пенологии также составляют и пенитенциарные основы исполнения наказания в пенитенциарных учреждениях, пенитенциарная политика, пенитенциарная история, пенитенциарное законодательство, пенитенциарный режим и условия содержания осужденных, пенитенциарное воздействие, пенитенциарная субкультура, пенитенциарные системы зарубежных стран.

Пенитенциарная пенология тесно взаимосвязана с такими научными направлениями, как пенитенциарная психология, педагогика и социология, образуя комплексную систему знаний о функционировании исправительных учреждений. Как самостоятельная научная дисциплина, она охватывает широкий спектр социально-политических, экономических, правовых, этических, психологических и педагогических аспектов, связанных с исполнением уголовных наказаний в пенитенциарной системе.

В рамках своих исследований пенитенциарная пенология анализирует устойчивые тенденции и закономерности, формирующиеся в процессе реализации уголовно-исполнительной политики, а также разрабатывает научно обоснованные рекомендации по оптимизации законодательства, регулирующего

порядок отбывания и исполнения наказания в виде лишения свободы. Ее ключевая задача заключается в поиске эффективных механизмов исправления и ресоциализации осужденных при одновременном обеспечении безопасности общества.

Пенитенциарная пенология разрабатывает свои предложения по совершенствованию пенитенциарной системы и применяю мер исправления и ресоциализации осужденных.

Выбор названия «Пенитенциарная пенология» обусловлен семантикой ключевых терминов, междисциплинарным характером исследования, необходимостью отграничения от смежных наук, соответствием международной терминологии и практической значимостью. Термин «пенитенциарный» (от лат. *poenitentiarius* – покаянный, исправительный) связан с тюремным заключением и системой исполнения наказаний, а «пенология» (от лат. *poena* – наказание и греч. *logos* – учение) традиционно обозначает науку о наказании, его целях и эффективности. Объединение этих понятий отражает двойственную природу дисциплины, охватывающей как теоретические и правовые аспекты наказания в виде лишения свободы, так и теоретические правовые практические аспекты его реализации в пенитенциарных учреждениях.

Наша позиция основана на том, что существующие науки – уголовное и уголовно-исполнительное право – не в полной мере изучают комплекс проблем, связанных с исполнением наказания в виде лишения свободы. Уголовное право рассматривает наказание как меру ответственности, но не затрагивает вопросы его исполнения, а уголовно-исполнительное право регулирует порядок отбывания наказания, но не исследует само наказание и сопутствующие социальные, психологические и педагогические аспекты исполнения. В отличие от них, «Пенитенциарная пенология» предлагается как интегративная дисциплина, объединяющая правовые (уголовное, уголовно-исполнительное, административное право), социальные и социально-правовые (пенитенциарная социология, пенитенциарная криминология) и психолого-педагогические (пенитенциарная психология, пенитенциарная педагогика) направления.

Название также согласуется с международной научной традицией, где «пенология» (*penology*) изучает наказание и тюремные системы. Однако введение термина «пенитенциарная пенология» позволяет акцентировать специфику именно пенитенциарных учреждений, отличая данное направление от общих теорий наказания. Это подчеркивает новизну подхода, поскольку дисциплина фокусируется не только на правовых, но и на социальных, организационных и воспитательных аспектах исполнения наказания.

Практическая значимость названия заключается в его четком обозначении объекта исследования – наказания в виде лишения свободы в связи с его исполнением – и предмета изучения, включающего изучение наказания в виде лишения свободы как социально-правового явления, управление исправительными учреждениями, порядка исполнения и отбывания наказания, ресоциализацию осужденных и пенитенциарную субкультуру.

Таким образом, термин «Пенитенциарная пенология» является логичным и научно оправданным, поскольку отражает междисциплинарный характер

направления, его связь с международной наукой и прикладную ориентированность на комплексное изучение наказания в виде лишения свободы и его исполнения.

Пенология, изучающая проблемы наказания, охватывает широкий спектр правовых, нравственных и социальных аспектов. В мировой науке существует более 300 теорий наказания, которые можно сгруппировать вокруг трёх ключевых вопросов: имеет ли государство право наказывать, каковы цели наказания и существует ли его нравственное оправдание.

Одни теории, такие как учение Роберта Оуэна, отрицают право государства на наказание, считая, что оно само создаёт условия для преступлений [1, С. 112]. Другие, напротив, обосновывают это право либо свойствами личности, либо интересами общества [2, С. 56]. Центральное место в теории наказания занимает вопрос о его целях. Абсолютные теории, восходящие к Аристотелю, Канту и Гегелю, рассматривают наказание как возмездие – справедливую плату за совершённое зло [3, С. 254]. Относительные теории, представленные Бентамом и Беккариа, видят в нём инструмент полезности, направленный на устрашение, исправление или предупреждение преступлений. Смешанные теории, развитые Фейербахом и Росси, стремятся соединить принципы справедливости и целесообразности, утверждая, что наказание должно быть одновременно воздаянием и средством социальной защиты.

Если абсолютные теории считают наказание неизбежной реакцией на преступление, то относительные акцентируют социальную полезность, а смешанные ищут баланс между этими подходами [4, С. 89]. Теория устрашения, например, рассматривает наказание как способ удержать других от правонарушений, тогда как теория исправления делает упор на перевоспитании преступника. Интегративные концепции, предложенные Фойницким и Сергиевским, дополняют эти идеи, подчёркивая важность как общего предупреждения, так и индивидуального исправления.

Таким образом, пенология отражает сложную эволюцию взглядов на наказание – от древних представлений о возмездии до современных синтетических теорий, сочетающих кару, профилактику, исправление и социальную реабилитацию. Этот процесс демонстрирует постоянный поиск баланса между справедливостью, эффективностью и гуманизмом в уголовно-правовой политике.

В конце XVIII века зародилось новое направление научного знания – пенитенциарная наука, или тюрьмоведение, сосредоточившееся на изучении практической деятельности исправительных учреждений. Основоположниками этой дисциплины стали английские реформаторы Джон Говард и Иеремия Бентам, предложившие революционную для своего времени концепцию исправления осужденных, основанную на триединстве профессионального обучения, производительного труда и нравственного воспитания. Суть их подхода заключалась в трансформации преступного поведения через систематическую трудовую деятельность в тюремных мастерских, получение полезных профессиональных навыков, общеобразовательную подготовку и целенаправленное моральное воздействие. Несмотря на то, что при жизни

авторов эти прогрессивные идеи не получили полномасштабного воплощения, они заложили теоретический фундамент для последующего реформирования пенитенциарных систем не только в Великобритании, но и во многих других государствах, продемонстрировав принципиально новый, гуманистический подход к исполнению наказаний. Их разработки стали отправной точкой для развития современных концепций исправления и ресоциализации осужденных, сохранив свою актуальность и в наши дни.

В России пенитенциарная наука получила развитие благодаря трудам таких ученых, как С.В. Познышев, Н.С. Таганцев и И.Я. Фойницкий. Познышев, автор работ «Очерки тюрьмоведения» (1915) и «Основы пенитенциарной науки» (1924), первоначально рассматривал тюрьмоведение как раздел уголовного права, но позднее признал его самостоятельной научной дисциплиной. Он выделял два вида исправления: нравственное, предполагающее изменение характера осужденного для предотвращения рецидива, и юридическое, основанное на осознании неотвратимости наказания [5, С. 34]. К ключевым средствам исправления Познышев относил тюремное воспитание, образование, труд и дисциплину, выступая при этом против группового содержания заключенных из-за его развращающего влияния [6, С. 78].

И.Я. Фойницкий, автор «Учения о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889), стал первым в мире преподавателем специального курса по тюрьмоведению в Санкт-Петербургском университете. Он рассматривал эту науку как отрасль политико-юридических знаний, направленную на осмысление карательной системы и разработку методов воздействия на преступников. Фойницкий выделял такие средства исправления, как труд, образование, дисциплина, гигиена и архитектура тюрем, подчеркивая важность роли тюремного персонала, особенно начальников учреждений [7, С. 43].

Советские ученые внесли значительный вклад в развитие пенитенциарной науки, исследуя теоретические основы исполнения наказаний. Среди ключевых направлений их работы были: исправительно-трудовая политика (Б.С. Утевский, Е.Г. Ширвиндт, Н.А. Стручков), сущность исправления и перевоспитания осужденных (З.А. Астемиров, А.И. Зубков), влияние общественности на процесс перевоспитания (В.А. Елеонский), социально-правовые аспекты труда заключенных (А.И. Зубков, Л.Г. Крахмальник), участие общественности в исправлении осужденных (А.Л. Ременсон), правовое положение осужденных (Н.А. Стручков), прогрессивная система исполнения наказаний (Ю.М. Ткачевский), дифференциация режимов лишения свободы (И. Шмаров), правовое регулирование мер поощрения (А.Ф. Сизый).

Пенитенциарная пенология как наука о наказании в контексте его исполнения наказаний базируется на комплексной методологии, включающей систему исследовательских методов, междисциплинарные связи и развитый концептуальный аппарат. В качестве методологической основы выступает сочетание общенаучных, частнонаучных и специальных методов исследования.

К общенаучным методам относятся диалектический метод, позволяющий анализировать противоречия в развитии пенитенциарных систем; системный подход, рассматривающий уголовно-исполнительную систему как целостный

организм; структурно-функциональный анализ, изучающий взаимосвязи элементов пенитенциарной системы.

Частнонаучные методы включают сравнительно-правовой анализ национальных пенитенциарных систем, историко-юридический метод исследования эволюции наказаний, статистический анализ данных о преступности и рецидиве.

Специальные методы представлены пенитенциарной психологией с ее методиками изучения личности осужденного, пенитенциарной педагогикой с методами воспитательного воздействия, криминологическими исследованиями эффективности наказаний. Особое значение в пенитенциарных исследованиях приобретает метод включенного наблюдения, когда исследователь непосредственно изучает жизнь исправительных учреждений [8, С. 45].

Междисциплинарный характер пенитенциарной педологии проявляется в ее тесных связях с различными научными областями.

В системе юридических наук это взаимодействие с уголовным правом в части определения целей наказания, с уголовно-исполнительным правом в аспекте нормативного регулирования, с пенитенциарной криминологией в вопросах предупреждения рецидива.

Гуманитарный блок включает связи с пенитенциарной психологией, изучающей личность осужденного, пенитенциарной педагогикой, разрабатывающей методы исправления, пенитенциарной социологией, исследующей тюремные сообщества.

Управленческий аспект представлен менеджментом в уголовно-исполнительной системе, проблемами пенитенциарной безопасности, применением информационных технологий в исполнении наказаний.

Медицинское направление охватывает пенитенциарную медицину, в местах лишения свободы. Особое место занимает пенитенциарная антропология как наука, изучающая человека в условиях изоляции.

Концептуальный аппарат пенитенциарной педологии образует стройную систему категорий. Базовый понятийный уровень включает такие категории как пенитенциарная система, пенитенциарные учреждения, пенитенциарная архитектура, пенитенциарный режим, средства исправления осужденных, пенитенциарная субкультура.

Ключевыми концептами выступают пенитенциарная политика, гуманизация наказания, исправление и ресоциализация осужденных,

Специфический терминологический пласт составляют понятия пенитенциарной безопасности, пенитенциарного рецидива, пенитенциарной probation.

Развитие концептуального аппарата пенитенциарной педологии должно происходить в постоянном взаимодействии с практикой исполнения лишения свободы, что обеспечивает его актуальность и прикладную значимость.

Мы исходим из того, что пенитенциарная педология как комплексная научная дисциплина включает три взаимосвязанных компонента: теоретическую базу, прикладные разработки и сравнительные исследования.

Теоретическая составляющая формирует концептуальный фундамент дисциплины, охватывая философско-правовые основы наказания, историческую эволюцию пенитенциарных систем, закономерности функционирования пенитенциарных учреждений, теории пенитенциарной безопасности и методологические подходы к изучению пенитенциарных явлений.

Особое значение в теоретическом блоке необходимо придавать разработке строгого понятийного аппарата, включающего такие ключевые категории как «цели и задачи лишения свободы», «принципы лишения свободы» «пенитенциарная система», «пенитенциарный режим», «средства исправления осужденных», «прогрессивная система». Теоретическая пенитенциалогия выполняет важную функцию методологического ориентира для прикладных исследований, обеспечивая их концептуальной стройностью и системностью.

Прикладной аспект пенитенциарной педологии следует сосредоточить на решении практических задач пенитенциарной деятельности, включая организацию исполнения в пенитенциарных учреждениях разных видов, разработку методик индивидуальной работы с осужденными, создание технологий социально-психологической адаптации, совершенствование систем контроля и надзора в пенитенциарных учреждениях, профилактику деструктивных явлений в местах лишения свободы, управление персоналом пенитенциарных учреждений и информационное обеспечение пенитенциарной деятельности.

Особую практическую ценность должны представлять исследования эффективности различных методов исправительного воздействия, разработка критериев оценки степени исправления осужденных и деятельности пенитенциарных учреждений.

Сравнительное направление в пенитенциарной педологии должно занимать особое место, поскольку позволяет выявлять оптимальные модели пенитенциарной практики через анализ национальных систем исполнения наказаний, изучение зарубежного опыта пенитенциарных реформ, сопоставление эффективности различных систем исполнения наказаний.

Важное место в пенитенциарной педологии необходимо уделить исследованиям международных стандартов обращения с осужденными, компаративный анализ тюремных субкультур и сравнительная оценка показателей пенитенциарного рецидива.

Сравнительные исследования выполняют функцию трансфера передового опыта, позволяя адаптировать лучшие международные пенитенциарные системы к национальным условиям и разрабатывать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию отечественной пенитенциарной системы. Взаимодействие этих трех составляющих – теоретической, прикладной и сравнительной – обеспечивает целостность пенитенциарной педологии как научной дисциплины и ее практическую значимость для развития пенитенциарной системы.

Пенитенциарная педология должна обладать существенной практической значимостью, проявляющейся в нескольких ключевых направлениях. Анализ современных пенитенциарных систем позволяет выявлять их сильные и слабые

стороны, оценивать эффективность различных моделей исполнения наказаний и разрабатывать научно обоснованные рекомендации по их совершенствованию. Это направление исследований включает сравнительный анализ организационных структур, методов управления, технологий работы с осужденными, а также оценку соответствия национальных систем международным стандартам обращения с заключенными. Особое внимание уделяется изучению влияния различных факторов на показатели пенитенциарной и постпенитенциарной преступности, что позволяет корректировать пенитенциарную политику государства.

Обобщение и анализ эффективных пенитенциарных практик представляют особую ценность для пенитенциарных учреждений, так как демонстрируют конкретные примеры успешного решения сложных проблем исполнения наказаний. В эту категорию входят успешные программы исправления и ресоциализации осужденных, инновационные методы психолого-педагогической работы, эффективные модели организации труда осужденных, передовые системы мониторинга и оценки деятельности персонала. Анализ пенитенциарной практики позволяет распространять положительный опыт, тиражировать лучшие практики и избегать типичных ошибок при внедрении новых технологий в пенитенциарную деятельность.

Пенитенциарная пенология играет важную роль в выявлении и решении актуальных проблем современной пенитенциарной системы. Среди наиболее значимых проблем можно выделить переполненность исправительных учреждений, недостаточную эффективность программ исправления, высокий уровень напряженности в среде осужденных, коррупционные проявления, трудности социальной адаптации освобожденных.

Научные исследования позволяют не только диагностировать эти проблемы, но и разрабатывать комплексные пути их решения, включая совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение новых управленческих технологий, улучшение материально-технической базы пенитенциарных учреждений и профессиональной подготовки персонала. Практическая значимость пенитенциарной пенологии особенно очевидна при разработке и реализации программ модернизации уголовно-исполнительной системы, где научные рекомендации становятся основой для принятия управленческих решений.

Можно прогнозировать, что пенитенциарная пенология как новая научная дисциплина столкнется с рядом принципиальных дискуссий и критических вызовов, требующих глубокого осмысления. В профессиональном сообществе продолжаются острые дебаты между сторонниками карательной и реабилитационной парадигм. Аргументы «за» ужесточение пенитенциарной политики включают необходимость обеспечения общественной безопасности, поддержания правопорядка в учреждениях и выполнения принципа неотвратимости наказания. Их оппоненты приводят убедительные данные о низкой эффективности жестких мер, приводящих к десоциализации осужденных и росту рецидивов, предлагая вместо этого развивать восстановительные и реинтеграционные практики. Особую полемику вызывает вопрос об

эффективности пожизненного заключения, где сталкиваются принцип гуманизма и требования справедливого возмездия.

Этические дилеммы пенитенциарной пенологии представляют особую сложность, поскольку касаются баланса между правами осужденных и интересами общества. Ключевые дискуссии разворачиваются вокруг допустимых методов воздействия на заключенных, границ вмешательства в их личную жизнь, правовых и моральных аспектов применения технических средств контроля. Особую остроту приобретают вопросы, связанные с исполнением наказаний в отношении уязвимых категорий (несовершеннолетние, беременные женщины, лица с психическими расстройствами), где этические коллизии проявляются наиболее явно.

Границы применения пенитенциарного знания вызывают серьезные теоретические споры. Остается открытым вопрос о допустимости переноса зарубежных пенитенциарных моделей без учета национальных правовых традиций и социально-культурного контекста.

Особую актуальность приобретает вопрос о границах цифровизации пенитенциарных систем, где сталкиваются аргументы о повышении эффективности контроля и рисками чрезмерного вторжения в частную жизнь.

Эти критические аспекты требуют продолжения научной дискуссии с привлечением специалистов различных областей знания – юристов, психологов, социологов, философов. Только междисциплинарный подход позволяет находить баланс между эффективностью пенитенциарной системы и соблюдением фундаментальных прав человека, между требованиями безопасности и задачами исправления и ресоциализации осужденных. Развитие пенитенциарной пенологии как науки напрямую зависит от ее способности рефлексировать эти сложные вопросы и предлагать взвешенные, научно обоснованные решения.

Выводы. Таким образом, пенитенциарная пенология объединяет юридические, социальные и психолого-педагогические аспекты, создавая новый концептуальный аппарат и методологическую базу.

Теоретически пенитенциарная пенология интегрирует пенологию и пенитенциарию, преодолевая ограниченность узкоспециальных подходов. Практически она способствует совершенствованию системы исполнения наказаний, разработке эффективных мер и механизмов исправления и ресоциализации осужденных.

Таким образом, пенитенциарная пенология открывает новые возможности для построения эффективной системы исполнения наказаний.

Список литературы

1. Оуэн, Р. Книга о новом нравственном мире / Р. Оуэн. – Москва : Изд-во АН СССР, 1950. – 328 с.
2. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва : Юридическая литература, 1939. – 254 с.
3. Кант, И. Метафизика нравов. Соч. в 6 т. Т.4. Ч. 2 / И. Кант. – Москва : Мысль, 1965. – С. 107-438.

4. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва : РОССПЭН, 1998. – 415 с.
5. Познышев, С.В. Основы пенитенциарной науки. М.: Издание Народного комиссариата юстиции, 1924. –185 с.
6. Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения. М.: Типография Императорского Московского университета, 1915. – 210 с.
7. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. – 568 с.
8. Уголовно-исполнительное право России / Под ред. В.И. Селиверстова. – М.: Проспект, 2020. – 480 с.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ И ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Храпинский Б.Л., старший преподаватель кафедры административного права и административного производства, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: bl.hrapinsky@bk.ru)

Титов А.Н., кандидат юридических наук, доцент (г. Донецк)

(e-mail: atitov77@mail.ru)

В статье исследуется административное правонарушение как социальное и правовое явление. Дается авторское понятие административного правонарушения, исследуются его признаки, при этом особое внимание уделяется дискуссии о наличии признака общественной опасности или вредности. По мнению авторов, данное ими определение и проведенный анализ понятий «административный проступок» и «административное правонарушение» подчеркивают важность их различия в контексте административного права и широту их применения в правоприменительной практике.

Ключевые слова: административное право, административное правонарушение, признаки административного правонарушения, административный деликт, административный проступок.

ADMINISTRATIVE OFFENSES AS A SOCIAL AND LEGAL PHENOMENON

Khrapinsky, B.L., Titov, A.N.

The article examines the administrative offense as a social and legal phenomenon. The author's concept of an administrative offense is given, its features are examined, with special attention paid to the discussion of the presence of a feature of social danger or harm. According to the authors, the definition given by them and the analysis of the concepts of «administrative misdemeanor» and «administrative offense» emphasize the importance of their difference in the context of administrative law and the breadth of their application in law enforcement practice.

Keywords: administrative law, administrative offense, features of an administrative offense, administrative tort, administrative misdemeanor.

Актуальность темы исследования. Процесс государственного строительства в Российской Федерации обуславливает живой интерес к широкому кругу вопросов, связанных с осуществлением целенаправленной

деятельности различных социальных субъектов по укреплению законности и правопорядка в стране, утверждения, обеспечения и охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленных Конституцией РФ.

Особую остроту приобрела проблема борьбы с административными правонарушениями, которые создают серьезную угрозу развитию и функционированию государства. Деликтогенная ситуация остается одним из наиболее опасных социальных явлений, а принимаемые меры для ее стабилизации желаемого результата пока не дают.

Выяснение сущности такого вида административного деликта как административное правонарушение, причин его совершения и мер по их профилактике будет одним из первых шагов к качественной, всесторонней административно-правовой реформе в государстве, а глубокое исследование указанных проблем приобретает особый смысл и актуальность.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты, связанные с административными правонарушениями, разрабатывались как учеными, занимающимися вопросами общей теории права, так и специалистами в области административного и уголовного права, такими как: С.С. Алексеев, Д.Н. Бахрах, В.Б. Исаков, Д.А. Керимов, Ю.М. Козлов, А.П. Коренев, В.Н. Кудрявцев, Б.А. Лазарев, В.В. Лазарев, А.Н. Леонтьев, В.С. Нерсисянц, Л.Л. Попов, В.Н. Протасов, Б.В. Россинский, В.Д. Сорокин, Ю.Н. Старилов, Н.С. Таганцев, Ю.А. Тихомиров, В.В. Цветков, А.П. Шергин и др. В то же время, принимая во внимание дискуссионность целого ряда вопросов, связанных с административными правонарушениями, тема исследования остается актуальной.

Цель статьи состоит в изучении административного правонарушения как социального и правового явления.

Изложение основного материала. Если мы говорим о таком явлении как административное правонарушение, то, прежде всего, мы должны обратиться к такой обобщенной категории как правонарушение вообще. Правонарушение можно рассматривать как социальное, философское и правовое явление.

Специфика изучения социологией правонарушений состоит в том, что она изучает социальные причины правонарушений, меры их предупреждения, виды правонарушений, социальный состав правонарушителей и дает прогноз развития количества правонарушений в обществе.

С социологической точки зрения любое правонарушение – это социальный антипод правомерного поведения. Поведение есть и будет всегда одной из важных социальных характеристик личности. В соответствии с общепринятыми представлениями, правомерное поведение трактуется как наиболее правильная форма человеческой активности, регулируемая правовыми нормами. Это поведение резонирует с нормами права, соответствует установленным предписаниям, не нарушает их и не подпадает под их запреты. Если обратиться к исследованию понятия «правомерное поведение», можно отметить, что единственным близким аналогом на немецком языке является термин «rechtmessung», что в переводе означает «измеряемый правом». В других правовых системах такая форма поведения определяется в свете

соответственного отношения к закону. Например, термин «*legitimus*» из римского права обозначает «законный» и вошел в романо-германскую правовую традицию как обозначение того, что позволяет закон или что соответствует предписаниям действующего законодательства и социальным нормам. В английском праве используется фраза «*law-abiding*», что в переводе означает «законопослушный» или «уважающий закон». Таким образом, становится очевидным, что термин «правомерное поведение» имеет условный характер. В дальнейшем, обращаясь к трудам социологов-теоретиков, можно определить «правомерное поведение» как деятельность, основанную на культурных и нравственных взглядах индивидов и их жизненном опыте в сфере социальной реализации права, что предполагает сознательное выполнение его задач и требований [1, С. 563]. Важно также отметить, что правомерное поведение рассматривается как социально полезная деятельность, направленная на удовлетворение интересов государства, общества и личности. Это поведение представляется особой ценностью для правовой системы, поскольку личные права и свободы людей считаются высшей социальной ценностью [2].

При анализе правонарушений в социологическом дискурсе выделяются несколько ключевых направлений: антропологическая теория, социология правонарушений, теория общественного конфликта и теория дифференциальной ассоциации.

Антропологическая теория, основанная на идеях Ч. Ломброзо, утверждает, что правонарушителей можно отличить по определенным антропологическим признакам (например – строение тела, форма челюсти, длина пальцев и прочее). Тем не менее, важно понимать, что помимо биологических аспектов существуют и социальные факторы, влияющие на правонарушения.

Сторонники концепции социальной природы правонарушений связывают их возникновение с условиями жизни общества: функционированием социальных институтов, возможностью самореализации индивида, развитием политических свобод и уровнем воспитания. Э. Дюркгейм отмечает: «правонарушения неразрывно связаны с основными условиями жизни». Э. Ферри подчеркивает, что «правонарушение является не только биологическим явлением, но и результатом взаимодействия различных физических и социальных обстоятельств» [3, С. 40].

Теория дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда акцентирует внимание на том, что взаимодействие с правонарушителями формирует у человека негативное отношение к правовым нормам и способствует усвоению мотивов для противоправного поведения, а также методов его совершения.

На наш взгляд, особую значимость имеет конфликтологическая теория, которая определяет социальные конфликты как потенциальный источник противоправного поведения индивидов и фон, на котором развиваются такие явления как девиантность и делинквентность.

Любое правонарушение, в том числе и административные проступки, это не только индивидуальное, но и массовое явление, и в этом аспекте их социальная природа выражена очень очевидно. Социальные противоречия не могут не приводить к таким негативным социальным явлениям как алкоголизм,

проституция и т.д. Ученые-юристы, социологи, психологи, такие как Ю.М. Антонян, И.И. Горяинов, М.К. Дубинин, И.И. Карпец, В.М. Кудрявцев, Л.И. Спиридонов и др. в 80-90-е годы XX в. не только провели ряд конкретных исследований, подтвердивших взаимосвязь правонарушений с объективными социально-экономическими событиями, явлениями и процессами в жизни общества, но и активно развивали теорию социальных отклонений. [4, С. 176]. Таким образом можно заключить, что с точки зрения социологии правонарушения вообще и административные проступки в частности выступают как следствие неспособности социальных субъектов найти цивилизованные формы разрешения жизненных противоречий.

С точки зрения философии правонарушение – это общественно опасное или вредное социальное действие, направленное на уничтожение основ цивилизованной жизни, нарушающее нормы, зафиксированные правовыми кодексами государства [5, С. 20].

На основе представленных антиномий Канта можно более глубоко понять правовую природу правонарушений, включая административные правонарушения. Правонарушение, как акт, противоречащий нормам права, представляет собой не просто юридическое деяние, но также имеет метафизические и онтологические аспекты. Коротко остановимся на антиномиях Канта.

Когнитивная антиномия показывает, что полное понимание правонарушений невозможно без использования философских и метафизических подходов. Криминологические, юридические и социологические исследования дают лишь частичное понимание. Правонарушения нельзя объяснять только действием индивидуумов или социальными условиями, нужно также учитывать более глубокие философские аспекты, например, внутреннюю натуру человека и его свободу выбора, которые могут приводить к совершению правонарушений.

Онтологическая антиномия касательно правонарушений раскрывает взаимосвязь между бытием и небытиями. Существование правонарушений может рассматриваться как результат переплетения различных факторов – социальных, природных и личных. Здесь правонарушение может быть понято как потенциальность, находящаяся в бытии, которая может стать реальной в определённых условиях. Следовательно, правонарушения являются не исключением, а частью сложной структуры человеческого существования, где каждое действие имеет свои причины и следствия.

Антропологическая антиномия фиксирует двойственное состояние человека как творца и разрушителя. Это показывает, что правонарушение является следствием внутренней природы человека, его стремления к свободе и познанию, что может привести к пересечению границ допустимого. Человеческая натура, стремящаяся к самовыражению, есть источник как добрых, так и злых поступков

Исходя из изложенного, правовая природа правонарушений, включая административные правонарушения, имеет сложную структуру. Правонарушение определяется как акт, нарушающий норму права, но его

понимание требует учета философского контекста. Правонарушение не является только техническим нарушением закона, оно также представляет собой выражение человеческой свободы, взаимодействие естественных и социальных факторов, проявление онтологических реалий.

Административное правонарушение, хотя и может быть представлено как строгое нарушение норм, также включается в эту систему широкой философской рефлексии: за каждым нарушением стоит не только фактическое действие, но и глубокие причины, которые коренятся в человеческой сущности, социальных структурах и внутреннем понимании морали и ответственности. Таким образом, философия правонарушений требует комплексного междисциплинарного подхода: юридического, социологического и философского, чтобы быть в состоянии полностью осознать природу и последствия правонарушений.

Правонарушение, как мы видим, из самого термина, является нарушением права, это акт, противоречащий праву, его нормам, закону. Как пишет Н.С. Малеин, «Каждое отдельное правонарушение как явление реальной действительности конкретно: оно совершается конкретным лицом, в определенном городе и в определенное время, противоречит действующей правовой норме, характеризуется точно определенными признаками» [7, С. 6], а после этого он дает свое определение правонарушения: «Правонарушение – это сознательный волевой акт общественно опасного противоправного поведения» [7, С. 7].

Также, кажется, следует обратить внимание на разработки ученых по категории правонарушения в современной юридической литературе. Все определения правонарушения примерно одинаковы и несут одинаковую смысловую нагрузку:

«Правонарушение представляет собой виновное, противоправное, наносящее вред обществу, деяние праводеспособного лица или лиц, влекущее юридическую ответственность» [8, С. 480].

«Правонарушение – это общественно опасное или вредное, противоправное, виновное деяние деликтоспособного субъекта, влекущее юридическую ответственность» [9, С. 283].

Следует подчеркнуть, что административный проступок является одной из разновидностей правонарушений, которые классифицируются по различным критериям. В этом контексте стоит рассмотреть его место в системе правонарушений более подробно.

Административный проступок (или административное правонарушение) представляет собой действия или бездействия, которые нарушают нормы административного законодательства. Эти действия несут менее серьезные последствия по сравнению с уголовными преступлениями и, как правило, влекут применение административных взысканий, таких как штрафы, предупреждения, лишение определенных прав и другие меры.

Согласно различным классификациям, административные проступки могут делиться на:

1. Общественные:

- нарушения общественного порядка (например, мелкое хулиганство, нарушение тишины);
- нарушения норм безопасности (например, ненадлежащее соблюдение правил дорожного движения).

2. Экономические:

- нарушения в сфере предпринимательской деятельности (например, отсутствие лицензии на ведение хозяйственной деятельности);
- нарушения налогового законодательства (например, неуплата налогов).

3. Социальные:

- нарушения правил благоустройства, санитарных норм;
- нарушения трудового законодательства (например, неисполнение трудового договора).

4. Технические:

- нарушения правил пользования транспортными средствами (например, управление без прав);
- нарушения стандартов строительных норм и правил.

Важным аспектом является то, что административные проступки подлежат административной ответственности, которая основывается на следующих принципах:

- Справедливости: наказание должно соответствовать тяжести проступка;
- Законности: ответственность может быть применена только за действия, прямо предусмотренные законом;
- Срочности: административное производство должно проводиться в разумные сроки.

Таким образом, административный проступок, являясь менее тяжким правонарушением по сравнению с преступлениями, играет важную роль в правовой системе, обеспечивая сохранение правопорядка и защиту интересов общества. Его успешная классификация и понимание механизмов привлечения к ответственности служат важными инструментами правоприменительной практики и предотвращения правонарушений.

При рассмотрении административного проступка как совокупности аномальных общественных отношений следует обратить внимание на его негативную целевую функцию, которая препятствует реализации целей, зафиксированных в нормах административного права. Эта функция может принимать индивидуальные формы в зависимости от субъекта и объекта правонарушения.

В связи с этим возникает необходимость дать точное определение административного проступка, выделить его признаки и рассмотреть специфические вопросы, связанные с данной проблемой.

Важно отметить, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) в ст. 2.1. устанавливает, что административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об

административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Существует точка зрения, разграничивающая понятия «административный проступок» и «административное правонарушение». Данная позиция представляется обоснованной по следующим причинам:

1. Обобщенный характер термина «правонарушение». В юриспруденции термин «правонарушение» является обобщающим для всех видов противоправных деяний, аналогично тому, как в уголовном праве «преступление» – это обобщенное понятие для всех видов уголовных правонарушений.

2. Специфика правовой природы и социальной сущности. Анализ законодательства об административной ответственности показывает, что термин «административный» указывает не на сферу общественных отношений, а на применение мер административного принуждения исполнительной властью в внесудебном порядке.

Если рассматривать природу административного правонарушения (или административного проступка) и его особенности в контексте российского законодательства, то следует выделить несколько ключевых пунктов, которые подчеркивают важные аспекты этого явления.

1. Разница между терминами. Мы подчеркиваем важность различения понятий «административный проступок» и «административное правонарушение». Это различие помогает избежать путаницы и более точно определить правовые рамки, в которых действуют эти категории.

2. Термин «административный» чаще относится к процессу применения мер административного воздействия, нежели к специфической сфере общественных отношений. Это подчеркивает многообразие объектов, на которые может оказывать влияние административное право.

3. Специфика правонарушений. Административные проступки имеют свою уникальную правовую природу и социальную сущность, что отличает их от других видов правонарушений.

Вышесказанное наводит на мысль о том, что более точное использование терминов может способствовать лучшему пониманию административной ответственности и повышению правовой определенности в этой области. Важно продолжать исследования и дискуссии на эту тему для ужесточения правоприменительной практики и повышения правовой грамотности граждан.

Таким образом, наше рассуждение о разграничении понятий «административный проступок» и «административное правонарушение» поднимает важные вопросы, касающиеся классификации административных правонарушений и их значения в системе административного права.

Действительно, данное разграничение может способствовать более четкому пониманию и применению норм административного права, а также улучшению правоприменительной практики.

Попытаемся кратко проанализировать основные признаки административных правонарушений.

1. Противоправность – это ключевой признак любого правонарушения. Необходимо четко определить, какие действия или бездействия считаются противоправными, чтобы избежать злоупотреблений при привлечении к ответственности.

2. Виновность – наличие вины также является обязательным условием для привлечения лица к административной ответственности. Установление формы вины позволяет более точно подходить к каждому конкретному случаю, учитывая степень вины субъекта.

3. Наказуемость – данный признак подчеркивает важность регламентации последствий административного правонарушения. Существует необходимость четкого нормативного определения того, какие деяния подлежат наказанию, чтобы избежать неопределенности в правоприменительной практике.

4. Общественная опасность или вредность – этот элемент акцентирует внимание на том, что не каждое противоправное действие вызывает необходимость юридического вмешательства. Необходимо учитывать, насколько действия правонарушителя могут нанести вред общественным интересам. К особенностям этого признака мы вернемся ниже.

В связи с этим, на наш взгляд, для обеспечения точности и ясности, правонарушения, за которые предусмотрена административная ответственность, целесообразно называть «административными проступками».

Предложение о выделении «административного проступка» как подгруппы административных правонарушений имеет смысл, так как это может помочь в процессе дифференциации наказаний и более тонкой настройки правоприменения. Разграничение таких понятий может способствовать более справедливой и эффективной системе реализации административной ответственности.

Исходя из изложенного, «административное правонарушение» – это более широкое понятие, охватывающее все нарушения норм административного права, включая административные проступки. Разграничение данных понятий позволит усилить принудительный характер административного права и уточнить круг охраняемых отношений.

Административный проступок представляет собой противоправное деяние, за совершение которого законодательством предусмотрено наложение административного взыскания.

Дискуссии о том, являются ли административные правонарушения общественно вредными или общественно опасными, продолжаются в юридической науке и практике. Рассмотрим две основные позиции по этому вопросу более подробно.

Первая позиция исходит из того, что административные правонарушения следует рассматривать как общественно вредные деяния. Сторонники этой точки зрения утверждают, что хотя административные правонарушения и не достигают уровня общественной опасности, они все же наносят вред обществу и государству. Эти действия нарушают общественный порядок, что в свою очередь может привести к негативным последствиям для граждан и общества в целом. Ученые, подчеркивающие эту позицию, считают, что важно различать степень

вреда и опасности, однако не менее важно признать, что административные правонарушения могут иметь негативные последствия.

Вторая позиция акцентирует внимание на том, что общественная опасность является исключительным признаком только для преступлений, в то время как административные правонарушения не представляют собой угрозу для общества и государства в таком масштабе. Приверженцы этой точки зрения отмечают, что административные правонарушения – это скорее нарушения, которые имеют негативное восприятие со стороны общества, но не создают ситуации, угрожающей общественным интересам.

Важно отметить, что различие между этими двумя позициями может оказывать влияние на практику правоохранительных органов и судов, включая определение санкций, связанных с административными правонарушениями. Например, понимание административного правонарушения как общественно вредного может повлиять на подходы к управлению рисками и превентивным мерам, тогда как восприятие его как общественно безопасного может привести к более мягким санкциям и меньшему вниманию со стороны государства.

В конечном итоге, дискуссия о классификации административных правонарушений и их характере остается открытой и требует дальнейшего изучения, основанного на правоприменительной практике, теории права и социологическом анализе. Такая проработка вопросов может способствовать более точному пониманию роли и значения административных правонарушений в правовой системе.

Касаемо соотношения административных правонарушений и преступлений, стоит отметить следующее. Действительно, различные теории и мнения экспертов подчеркивают, что все правонарушения обладают определенной общественной опасностью, однако степень этой опасности варьируется.

Сторонники материалистического подхода к правонарушениям настаивают на том, что административные правонарушения и преступления представляют собой разные категории, отличающиеся, в первую очередь, уровнем общественной опасности. Преступления, как правило, имеют более серьезные последствия для общества и влекут за собой более строгие меры репрессий. В то же время административные правонарушения, даже если они и не представляют явной угрозы, в общем контексте способны формировать негативные тенденции и, следовательно, могут быть квалифицированы как общественно опасные.

Интересно, что те же мелкие правонарушения, такие как проезд без билета или несанкционированная торговля, могут в своей совокупности создавать значительные проблемы для общества, тем самым подтверждая, что важно рассматривать не только отдельные деяния, но и их взаимосвязь и влияние на общество в целом.

Вопрос о границах между административными правонарушениями и преступлениями действительно остается открытым и требует дальнейшего исследования. С точки зрения законодательства, различные правовые системы могут предлагать разные определения и критерии, исходя из которых

происходит классификация деяний. Это может влиять на долговременную политику в области правоприменения и социальной безопасности.

Важно также учитывать динамику общественных норм и ценностей, которые могут меняться со временем, что в свою очередь может привести к переработке и пересмотру подходов к классификации деяний с точки зрения их общественной опасности. В этом контексте исследование общественной опасности правонарушений продолжает оставаться актуальной задачей для правоведов и социологов.

Классификация правонарушений является важным аспектом юридической науки и практики, так как она помогает понимать, различать и адекватно реагировать на различные виды противоправного поведения. Это поднимает множество важных вопросов, касающихся различий между преступлениями и административными правонарушениями, а также их классификации.

1. Степень общественной опасности. Правонарушения разделяются на преступления и проступки, выделяемые в зависимости от их общественной опасности. Это разделение важно для определения санкций и наказаний, а также для понимания того, как общество воспринимает определенные деяния.

2. Состав и природа правонарушений: преступление – это действие, предусмотренное уголовными законами, то есть его состав определяется исключительно нормативными актами уголовного законодательства; административное правонарушение может быть определено и через административные нормы, что позволяет использовать более широкий круг нормативных актов, включая подзаконные.

3. Наказания за преступления и административные правонарушения различны по своей природе. Уголовное законодательство предназначено для более строгих мер, тогда как административное право в большей степени нацелено на предупреждение и исправление.

4. Процедуры рассмотрения. Различие в юрисдикции – ещё один важный аспект. Уголовные дела рассматриваются только судами, тогда как административные дела могут рассматриваться различными органами, что упрощает и ускоряет процесс.

5. Приоритет уголовной ответственности. Интересно, что принцип приоритета уголовной ответственности подразумевает, что если деяние можно квалифицировать и как преступление, и как административное правонарушение, то оно должно быть отнесено к преступлениям, и виновный подлежит более строгой ответственности.

6. Практические сложности. В правоохранительной практике иногда сложно чётко разделить преступления и административные правонарушения. Поэтому законодательство часто учитывает этот момент и вводит нормы, которые помогают при определении характера и серьезности правонарушения.

Таким образом, понимание классификации правонарушений и умение различать их – это важный аспект правоприменительной практики как для юристов, так и для правоохранительных органов. Это знание позволяет не только правильно квалифицировать действия, но и справедливо применять соответствующие меры ответственности.

Что касается места административного правонарушений среди других правонарушений, то, например, административное правонарушение, в отличие от правонарушений в налоговой сфере (это противоправные деяния, нарушающие права и законные интересы субъектов налоговых правоотношений), проступков в гражданско-правовой сфере (это деяния, нарушающие имущественные отношения), посягают на общественные отношения, складывающиеся в сфере государственного управления, охраняемые законом. То есть, мы сделали разграничение по сфере правоотношений. Также существуют отграничения по другим категориям: порядку рассмотрения, взысканиям и т.д.

Но среди прочих проступков следует обратить внимание на отличие административного проступка от дисциплинарного проступка, так как именно эти проступки чаще всего путают между собой.

Сравнительный анализ административных и дисциплинарных проступков позволяет выявить несколько ключевых различий, которые играют важную роль в правоприменительной практике.

1. Правовая природа и нормативная база. Административные проступки, или правонарушения, определены в КоАП. Это четко кодифицированные нормы, которые описывают, какие действия (или бездействия) квалифицируются как административные проступки. В отличие от этого, дисциплинарные проступки не имеют единого и четкого определения в законодательстве и рассматриваются в рамках различных правовых актов, касающихся трудовых, уголовно-исполнительных и других отношений.

2. Субъект. Дисциплинарный проступок осуществляется членом трудового коллектива (например, работником или служащим), тогда как административный проступок может быть совершен любым гражданином, включая должностных лиц, не имеющих постоянной связи с конкретной организацией.

3. Суть нарушения. Дисциплинарный проступок связан с нарушением организационной дисциплины и связей, обусловленных ролью личности в трудовом коллективе. В то время как административное правонарушение основывается на нарушении общеобязательных норм поведения, действующих для всех граждан, независимо от их статуса или места работы.

4. За дисциплинарные проступки ответственность несет руководитель коллектива, который применяет соответствующие дисциплинарные взыскания (например, замечание, выговор, увольнение). Административные проступки же рассматриваются органами исполнительной власти, а наказания могут включать штрафы, конфискацию предметов, административный арест и другие виды санкций, предусмотренные КоАП.

5. Категории взысканий. Дисциплинарные проступки влекут за собой дисциплинарные взыскания, которые могут варьироваться от выговора до увольнения. Административные проступки, в свою очередь, караются административными наказаниями, перечень которых довольно обширен и формализован в КоАП.

Таким образом, различия между административными и дисциплинарными проступками затрагивают их правовую природу, субъектный состав, природу нарушения, ответственность и порядок применения санкций. Это различие важно учитывать как для практической реализации норм права, так и для защиты прав граждан и трудящихся.

Выводы.

1. Касательно разграничения понятий «административный проступок» и «административное правонарушение», следует отметить, что – это более широкое понятие, включающее в себя все виды нарушений норм административного права. Каждое административное правонарушение имеет характерные признаки, такие как общественная вредность, противоправность, виновность и наказуемость.

2. Административный проступок следует рассматривать как конкретный вид административного правонарушения, который обычно влечет за собой менее строгие последствия. С точки зрения законодательства, административный проступок может означать менее серьезное нарушение, которое все же требует применения административных мер.

3. Наличие общественной вредности указывает на необходимость защиты законности и порядка в обществе. Эти нарушения могут угрожать правам, свободам и законным интересам граждан, а также общему благосостоянию.

4. Административные взыскания могут варьироваться по своей степени, включая предупреждения, штрафы, лишение лицензий и другие меры воздействия, в зависимости от характера и тяжести нарушения.

Таким образом, данное нами определение и анализ понятий «административный проступок» и «административное правонарушение» подчеркивают важность их различия в контексте административного права и широту их применения в правоприменительной практике. Разграничение этих понятий важно не только для теоретического понимания, но и для реального применения норм права в практике правоохранительных органов и судебной системы.

Список литературы

1. Общая теория государства и права : Акад. курс : В 2 т. : Учеб. для вузов / Отв. ред. проф. М. Н. Марченко; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : Зерцало, 1998. – 620 с.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Сборник : Пер. с фр.] / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1995. – 349 с.
4. Кудрявцев, В.Н., Современная социология права : учебник для юридических факультетов и институтов / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. – Москва : Юристъ, 2015. – 303 с.

5. Бачинин, В.А. Философия права : Крат. слов. / В.А. Бачинин, В.П. Сальников; МВД России. С.-Петербург. ун-т., Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России [и др.], 2020. – 382 с.
6. Кант, И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994.– 591 с.
7. Маленин, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Маленин. – М.: Юр. Лит., 2005. – 192 с.
8. Общая теория права и государства : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [В.С. Афанасьев, А.П. Герасимов, В.И. Гойман и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2023 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 517 с.
9. Теория права и государства : Учебник / Под общей ред. Лазарева В.В. – М.: Закон и право. – 2021. – 551 с.

